

У Р А Л Ь С К И Й

12•2002

Следопыт

На лыжах
и под
парашютом

Промысел
«бронзовых
музыкантов»

Подвиг
воздухо-
плавателя

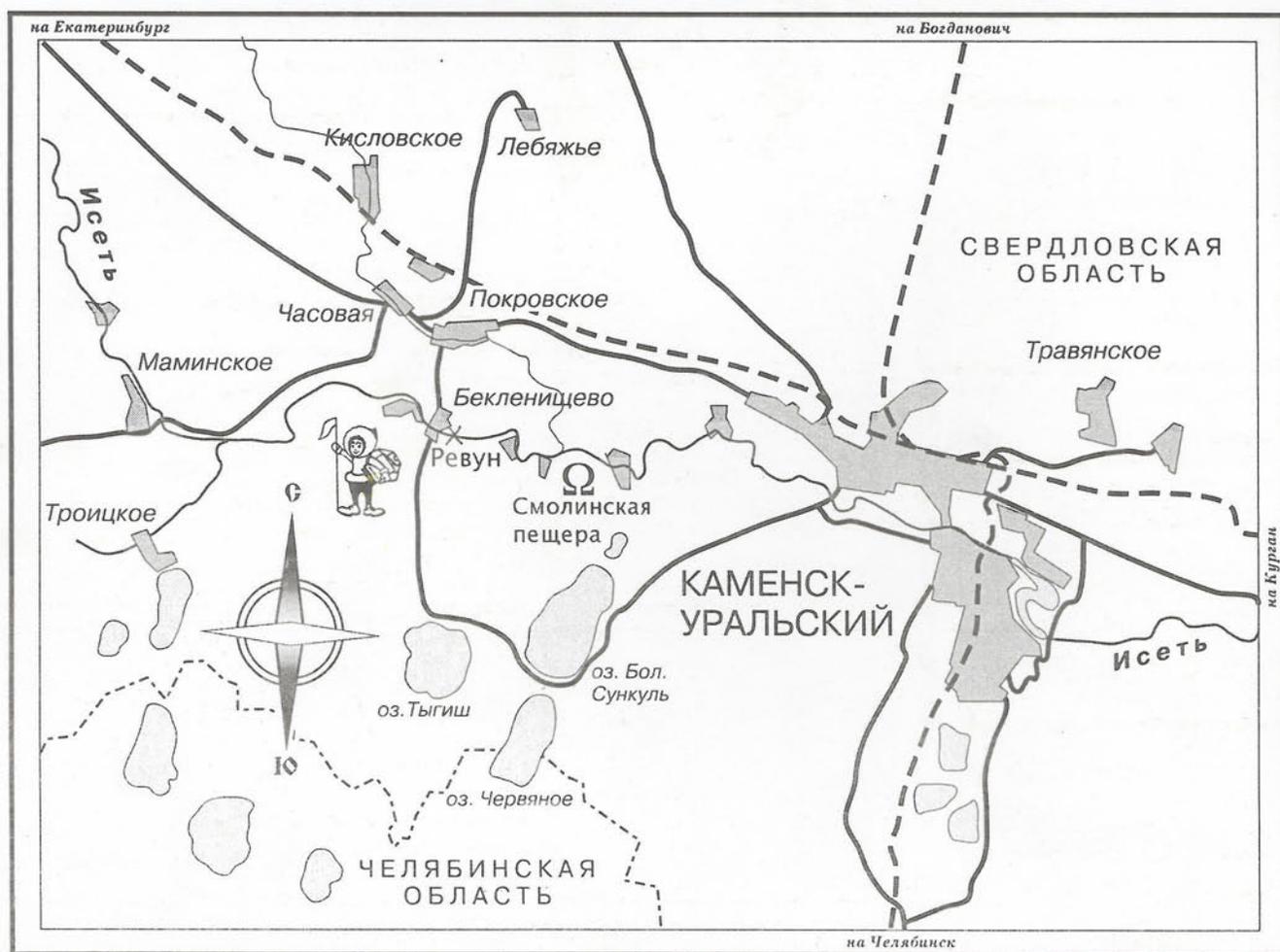
Маршруты Уральского следопыта

РЕВУН (Бекленищевские скалы) – памятник природы в ближайших окрестностях г. Екатеринбурга (около 60 км) – горное образование древнего вулканического происхождения на пути реки Исеть.

На Урале ничего подобного больше нет. Все древние вулканы давно разрушены и погребены мощным слоем поздних отложений, и только здесь вы можете прикоснуться руками к древним камням - свидетелям грандиозных геологических процессов, создавших Уральские горы.

От порога Ревун начинается ярко выраженный карстовый район по берегам Исети. Именно здесь начинается одна из самых крупных уральских пещер – **СМОЛИНСКАЯ**.

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»»

РЕКА ВРЕМЕНИ

СТР. 3-30

АЭЛИТА

СТР. 31-58

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СТР. 59-80

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

В номере:

12"2002

Наследие

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме» (окончание)..... 4

Тропой поиска

Л. ЗЕНКОВА, В. ШЕВАЛЕВ «Первое золото России» (окончание)..... 10

Краеведческая копилка

О. МАКАРОВА «Тальков камень»..... 14

Ю. ГУНГЕР «По следам ротмистра Манжетного»..... 15

Память

Е. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ «Струна писательской судьбы»... 16

Тропой поиска

Ю. ДУНАЕВ «Эхо звончатого промысла»..... 18

Портреты

В. БЕРЕСНЕВ «С Пушкиным на дружеской ноге»..... 22

На перекрестках судеб

И. СЕМЕНЧИК «Поцелуй Одарки»..... 24

Родословная

Н. ПОЗДНЯКОВА «Мещане Титовы и купцы Елтышевы».. 26

Человек и природа

Л. БОГОЯВЛЕНСКИЙ «Двурекий Иж»..... 28

П. ТОЛСТИКОВ «Утки в городе»..... 30

Фантастика

Р. СРЕДНИЙ «Меч с рукоятью с обеих сторон» (окончание).. 32

Современная поэзия Урала

Ю. АВРЕХ. Стихи..... 46

Е. ИЗВАРИНА. Стихи..... 51

Р. КИРПИКОВА. Стихи..... 57

Литературное течение «Добряне»

Е. ЗАХАРОВА «Весна в присутствии любви и бессмертия»... 48

Т. СУВОРОВА «Миниатюры»..... 50

Современная проза Урала

В. ЗЮСЬКИН «Сотри случайные черты»..... 54

Человек в экстремале

Алексей БОРОДИН «На водном мотоцикле и против течения - через порог Ревун!»..... 61

Экспедиции

Е. КОРБУТ «Полярный Урал-2002»..... 63

Уральские тропы

Е. ТАМПЛОН «Смолинская пещера»..... 68

Невыдуманные истории

Ю. БЫЧКОВА «В память о человеке, который погиб, спасая мою жизнь»..... 70

А. БАЙДАКОВ «Два слова про...»..... 74

Содержание «Уральского следопыта» за 2002 год..... 76

Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Условия участия в конкурсе:

1. Прислать в адрес редакции
 - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
 - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
 - копию подписного абонемента (не менее 6 месяцев) на журнал «Уральский следопыт»;
 - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор, лучше всего — текст плюс дискета, или разборчивый почерк).

Номинации:

1. Сказка; 2. Проза; 3. Поэзия; 4. История и краеведение.

По многочисленным просьбам:

1. Срок приема рукописей на конкурс продлен до 1 февраля 2003 г.

2. Добавляется и отдельно оценивается возрастная группа авторов 18-25 лет.

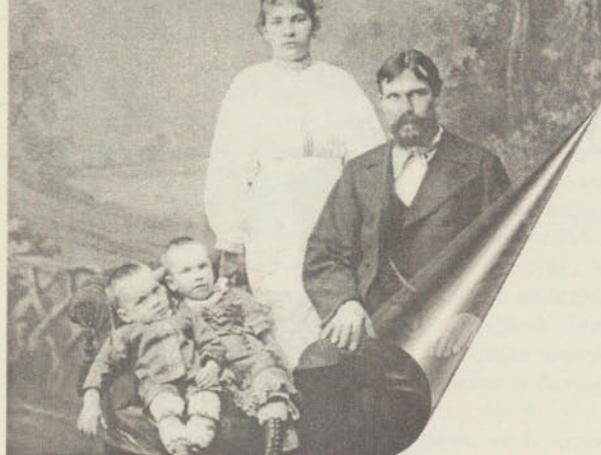
Конкурс «Большие надежды» традиционно привлекает внимание наших юных талантов из различных городов и сел. За последнее время в адрес жюри были присланы стихи и рассказы из городов Урая и Междуреченска Тюменской области, из Новоорска Оренбургской области, из Усть-Катава Челябинской области, из Североуральска, Новой Ляли, Екатеринбурга, Качканара и поселка Баранчинский Свердловской области. Радует творческий подход юных дарований в освещении краеведческого материала, необычность стиля некоторых прозаиков и поэтов. Время еще есть — присылайте свои работы и побеждайте.

Имена всех участников конкурса будут опубликованы после подведения итогов.

Работы, отвечающие требованиям конкурса, независимо от того, будут ли они удостоены наград или нет, передаются в библиотеку журнала «Уральский следопыт» и могут быть использованы редакцией без дополнительных соглашений.

Жюри конкурса «Большие надежды».

РЕКА ВРЕМЕНИ

Ну, здравствуй,
«дядя Раф»!

Летом 1935 года — нашему журналу тогда исполнилось... три номера! — с речного причала Коуровской турбазы на реке Чусовой отчалило судно под вымпелом «Уральский следопыт».

Команда состояла из четырех человек и эрдельтерьера Снукки. Первым был главный редактор журнала В. А. Попов (судовая кличка «Кук»), вторым — писатель-приключенец М. Е. Зуев-Ордынец по кличке «Автор», ибо это он затем написал о путешествии в журнале и его отчет напечатан в № 8 «Уральского следопыта» 1935 года; третьим — фотокорреспондент Б. С. Рябинин, будущий известный писатель (команда звала его просто — «начальник»). А вот четвертый был судовой кормилец и связной с аборигенами Рафаил Иосифович Рабинович (судовая кличка «дядя Раф»).

Сто лет исполнилось в декабре со дня его рождения. А вот так бы и взял трубку, набрал знакомый номер и услышал бы молодой голос, звенящий всегдашней готовностью оказать услугу.

Рафаил Иосифович был человеком разносторонним и жизнерадостным — нытики до 97-ми не живут.

Сын пермского аптекаря, он делал первые трудовые шаги разносчиком и репортером газет, а потом заведовал отделом га-

Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК
«Сказание о сибирском хане, старом Кучуме»
Первое золото России
Эхо звончатого промысла
С Пушкиным на дружеской ноге
Поцелуй Одарки
Мещане Титовы и купцы Елтышевы
Двурекий Иж
и другие материалы

зеты «Колхозный путь» (1930-е гг.). Получив специальность агронома-зоотехника, пропагандировал передовой опыт, в том числе в брошюрах и буклетах, стал инициатором издания «Календаря-справочника Свердловской области» и автором справочника «Свердловск спортивный».

Он написал книгу «Опальный миллионер» — об уральском пароходчике Н. В. Мешкове, книгу, которая до сих пор остается самым полным источником сведений о замечательном меценате. Рафаил Иосифович прошел Великую Отечественную и среди прочих наград имеет орден Красной Звезды, полученный в 1942-м.

Память о нем так свежа, что хочется воскликнуть: «Ну, здравствуй, «дядя Раф»!

Юний Горбунов
Фото Е. В. Савенко

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Сказание о сибирском хане, старом Кучуме

Легенда

VIII.

Степью идет молодой хан Сейдяк, сын Едигера; за ним несется свежее ногайское войско, — на высоких седлах скачут ногаи, союзники Сейдяка, машут длинными копьями и жаждут добычи. Пройдет в степи тысяча ногаев, а след, как от десяти всадников, — так ездят ногаи, заклятые враги слепого хана Кучума, точно волчья стая. Молодым орлом несется хан Сейдяк, хочет он нагнать слепого хана Кучума и отомстить ему за смерть отца и дяди. Вместе с жизнью отнимет Сейдяк и все награбленные Кучумом сокровища и ханских жен — и уведет в неволю, как простую пленницу, ханскую дочь, красавицу Лейле-Каньш. Зорки глаза у ногаев, как у ястребов, волчье чутье у них, а слепой хан Кучум хитрее их: он то впереди их, то назад. Не свою седую голову бережет старый хан Кучум, а молодое сокровище — Сайхан-Доланьгэ.

Горе темным лесом обступило Кучума, а его сердце радуется — и днем радуется, и ночью радуется. Пока хан Сейдяк гонялся за ним по степи, старый Кучум подступал уже к Искеру. Немного войска оставалось с Кучумом, а того меньше засело в Искере казаков. Посылает хан Кучум разведчиков каждую ночь и ждет своей добычи. Матерый атаман Ермак не знает, кого ему больше бояться — старого хана Кучума или молодого Сейдяка. Мало казаков в Искере, перебиты атаманы, остается атаман сам-друг с Мецерьяком. Засели два атамана в Искере, как два глаза во лбу, и зорко смотрят на немирную татарскую сторону, где, как ветер по степи, гуляет чужая беда.

— Нужно выманить московского медведя из берлоги, — говорит мурза Карача хану Кучуму. — Не взять его нам в Искере.

— Вымани, если умеешь, — отвечает слепой Кучум. — Ты умеешь обманывать... Ты у меня в долгу, Карача.

Проглотил старый Карача эту обиду и крепко задумался. Под Искером у него казаки убили двух сыновей, а сам он бежал тогда от Ермака, как заяц. Нужно смыть свой позор, а то стыдно смотреть в глаза Сайхан-Доланьгэ. Молодая ханша не должна стыдиться своего отца. Обманул старый Карача атамана Кольцо, обманет и Ермака. Тогда он просил у Ермака защиты против ногаев, а теперь надо просить защиты от хана Кучума. Сидит атаман Ермак в Искере, а смерть сама пришла к нему и говорит:

— Нет тебя храбрее, атаман Ермак... Защити нас, бухарских купцов, от слепого хана Кучума, который не пропускает наш караван с дорогами товарами. Мы идем в Искер...

Бухарским купцом нарядился мурза Карача и бесстрашно пришел прямо к Ермаку в Искер. Сгорбился хитрый мурза, и не узнал его атаман Ермак. Отуманил железную казацкую голову мурза Карача сладким ядом своих хитрых слов.

— И где ваш караван? — спрашивал Ермак, рассчитывая, что лучше сам ограбит его.

— На Иртыше стоит караван, недалеко от Вагая...

Задумался Ермак при одном имени Вагая — унесла эта река у него двух лучших атаманов.

— Ты меня обманываешь! — закричал Ермак. — Меня уж раз обманул проклятый Карача, когда просил помощи против ногаев... И ты тоже зовешь меня на Вагай, где убит Кольцо! Я велю тебя повесить...

Окончание. Начало в №№ 10-11.

— Мне все равно, кто меня не повесит: ты или хан Кучум, — отвечал неустрашимый мурза Карача. — Если уж ты боишься Карачи, так мне нечего бояться смерти...

— Хорошо, я тебе доставлю удовольствие: если ты меня обманываешь, то я тебя повешу рядом с проклятым Карачей...

Собрался в поход сам Ермак, а мурза Карача ведет его к своим в засаду. Вместе они едят и пьют, вместе спят, а мысли разные. Стережет Ермак бухарского купца, как свой глаз, и не знает, что это его смерть. Так они пришли к устью Вагай, и выкинул ночью Ермак стан на острове. Бурлит Иртыш от осенних дождей, пенится вода в Вагае, а мурза Карача ждет своего часа. Устали казаки, полегли спать, — не спать один мурза Карача. Как змея, выполз он с острова, рыбой переплыл через реку, а на берегу уже ждут его улусники и батыри.

— Теперь можно, — сказал Карача. — Я привел вам Ермака.

Шумит Иртыш, пенится Вагай, крепко спят казаки, а через реку на остров вброд переходят татары. Ведет их сам мурза Карача, бесстрашный старик. Темно на острове, как в могиле, а татарские сабли нашли казацкие головы и напились горячей казацкой крови досыта. Обезумели спящие казаки, когда началась сеча, а Ермак один рубит татар... Впереди всех бьется казацкий атаман, и валятся кругом него татары; мало казаков, и никто не откликается на атаманский голос — одни лежат мертвые, другие бросились в воду и утонули. К самому берегу прижали татары казацкого атамана, но он не сдался им живым, а бросился в Иртыш, как был, в кованой железной кольчуге, которую ему послал из Москвы царь в подарок. Тяжела была царская милость вольному казацкому атаману, и пошел он ко дну, как брошенный в воду дорогой камень. Утонул в Иртыше атаман Ермак; казаки все были перебиты, и только один вернулся в Искер, чтобы передать страшную весть. Три дня и три ночи татары искали утонувшего Ермака в Иртыше и боялись радоваться. Не верил слепой Кучум, что погиб его заклятый враг. Только на четвертый день Иртыш отдал тело казацкого атамана, и заплакали слепые глаза хана Кучума от радости. Три дня и три ночи веселились татары около мертвого Ермака... Женщины приходили издалека, чтобы на мертвом выместить смерть своих близких. Один Карача сидел печальный и не радовался: мертвый Ермак не воротил ему убитых под Искером сыновей. Седая голова давила уже плечи старого мурзы. Когда хан Кучум хотел его наградить, Карачи ответил:

— Не нужно мне награды, хан Кучум... Пусть радуется за меня Сайхан-Доланьгэ. Ей теперь

не будет стыдно за отца...

И Сайхан-Доланьгэ радовалась, позванивая ханским золотом. Она любила своего слепого старого волка, а хан Кучум нашел в ней потерянный из глаз свет. Когда татары радовались смерти Ермака, столетний шаман Кукджу молчал и только качал головой: не татары и не хан Кучум победили атамана, а победил его Иртыш, буйный сын святой Оби.

— Сердится Иртыш, — бормотал Кукджу: — много крови пролито в Иртыш...

Слушала старика одна шаманка Найдык, которая по-прежнему оставалась при красавице Сайхан-Доланьгэ.

Взять Искер после смерти Ермака ничего не стоило — казаки ушли за Камень, откуда пришли. Великая была радость, когда татары вступили в родной Искер, и только один хан Кучум не мог видеть своими слепыми глазами того, что потерял зрячим. Слава о хане Кучуме пронеслась по всей степи, а из Ургенджа уже идут послы от сеида Али-Ходжи: они везут богатые дары красавице Лейле-Каньш.

— Берите ее, если она вам нравится, — сказал старый хан Кучум послам. — Одна у меня дочь... Так и скажите сеиду Али-Ходже.

По-царски снарядили красавицу Лейле-Каньш, а провожать ее в Ургендж отправилась сама Лелипак-Каньш: ханской кости Лейле-Каньш, и нельзя ее отправить в Ургендж одну, как привозят невольниц. Тяжело расставаться старой ханше с Искером, где она видела свои короткие радости, но не разделить сердце надвое, а о сыновьях она уже довольно плакала. Два сына оставались у нее: красавец Алей и Абдул-Хаир, и оба желали провожать мать и сестру в Ургендж, но старый хан Кучум сказал красавцу Алену:

— Ты останешься в Искере, а я пойду в степь навстречу Сейдяку... Ты еще молод, а ногаи хитры. Береги пока Искер, а я провожу Лейле-Каньш... Далеко Ургендж, чужие люди в Ургендже, а у меня одна дочь.

Тяжело было расставаться старому хану Кучуму не с дочерью, а со старой ханшей Лелипак-Каньш, которая уходила от него навсегда. Много раз и напрасно обижал хан старую ханшу, и теперь мучила его совесть. Ушел старый хан Кучум в степь, а красавец Алей заперся в Искере. Лучшее войско ушло с ханом Кучумом, а ногаи только этого и ждали: в одну ночь обложили они Искер, как выпадает осенний снег. Страшное дело началось, хуже того, когда сидели в Искере казаки: с обеих сторон полилась своя татарская кровь, а свой враг не знает пощады!.. Далеко ушел в степь слепой хан Кучум, не чуя его волчьего сердце неминуемой беды, которая облегла Искер. Поблуднел красавец

Алей, когда смерть прилетала к нему на конце тонкой ногайской стрелы и впиалась в молодое сердце. Бежали татары, заняли Искер ногаи с Сейдяком, а слепой Кучум ищет их далеко в степи...

IX.

Молодой месяц на небе; молодой хан Сейдяк в Искере, а в степи, как зимний буран, ходит слепой хан Кучум со своими мурзами, советниками и женами. Двух сыновей хана Кучума убил атаман Ермак; красавца Алея убил хан Сейдяк; четвертый сын Арслан-Султан в московской неволе, — оставался пятый, последний сын, Абдул-Хаир, как зеница ока, да три молодых жены, все три красавицы. Всех их любит старый хан, а всех больше самую младшую, Сайхан-Долангэ, как свою молодость, как потерянный свет своих ханских глаз. Побиты два сына у мурзы Карачи, отведен в полон богатырь Махметкул, а еще много силы у слепого хана Кучума — целое орлиное гнездо он водит с собой по степи.

— Погоди, хан, не трогай сейчас Сейдяка, — советовал мурза Карача слепому хану Кучуму. — Войной с ногаями мы не вернем убитого Алея, а придут казаки, и Сейдяк не рад будет, что забрался в Искер... Зачем нам проливать кровь напрасно?

Предсказания мурзы Карачи всегда сбывались, как худые сны, — хитрый старик отлично видел чужие глупости и только не знал о своей голове, что ее ждет впереди. Сказал мурза Карача свое слово хану Кучуму, а на Тавде уже показались казаки. Шли московские воеводы, а дорогу показывал последний из ермаковых атаманов — Мещеряк. Широкая эта была дорога, по которой хаживал за Камень батыр Махметкул, а потом прошел Ермак; холодной слезой пролилась она с Камня по дремучим лесам в зеленую степь и необъятное сибирское приволье. Плывут воеводы уже к Иртышу, а молодой Сейдяк окапывается в Искере, как забравшийся в широкую барсучью нору крот. Идет московская беда на ногаев, радуется волчье сердце Кучума... Радует это сердце и плачет за напрасную кровь, которая пролита в междоусобной войне между татарами. Дети одной матери-степи враждуют и отдают ее на поругание врагу. Но нет примирения между костью Тайбуги и костью Ибака, как между волком и собакой, и только кровь их льется вместе... Так думал слепой хан Кучум, сын Муртазы, внук Ибака, и кровавыми слезами кипело его ханское сердце. Закрылся тучами месяц на небе, облегли казаки высокий Искер, а старый атаман Мещеряк рыщет кругом, как поднятый из берлоги медведь. Не боятся ногаи московских воевод, а боятся Мещеряка, в котором нет жалости. Выходит и заходит над Искером солнце,

шумит и стонет Иртыш, поют ногайские стрелы, а хан Кучум стоит в степи у озера Чили-Куль и ждет, когда казаки выгонят из Искера молодого хана Сейдяка. Недаром мучилась в родах Тэсь-Удуль, жена убитого Кучумом хана Едигера: храбро отбивается молодой Сейдяк от наступающего врага... Но плохое счастье у молодого хана Сейдяка, — он, как волчонок, попавший лапой в капкан, не рад и своей молодой храбрости. Даже святой Хан-Сеид пожалел храброго Сейдяка и сказал хану Кучуму:

— Хан Кучум, помоги Сейдяку... Ты ударишь на московских воевод с тылу, а Сейдяк выйдет на них из Искера. Попадут казаки между двух огней...

— Но могу, Хан-Сеид, — отвечал хан Кучум, опуская свою седую голову. — Кровь между нами стоит... Когда московские воеводы выгонят Сейдяка из Искера, тогда и я ударю на казаков. А кость Ибака никогда не сростется с костью Тайбуги...

Удивили хана Кучума слова Хан-Сеида, а также и то, что его собственные советники промолчали. Неужели он, слепой старик, останется один в степи?.. Пусть будет так, как будет, а он, слепой хан Кучум, не помирится ни с ногаями, ни с казаками. Под Искером кипит жестокая сеча: бьются московские воеводы с Сейдяком, и льется казачья кровь вместе с ногайской. Но изнемогли ногаи, ворвались в Искер казаки, — и попал в плен молодой Сейдяк, как орленок с подбитым крылом. Ушли ногаи в свою степь, а московские воеводы не считались головы последнего атамана Мещеряка...

— Теперь наша очередь, — говорит мурза Карача. — В Искере нам не взять казаков, а выманить их в степь...

Смелее голодного волка мурза Карача. С небольшим отрядом он идет прямо под Искер и задирает отдыхающих казаков. Но крепко засели московские воеводы в Искере, и не поддаются хитрости Карачи. Ждет слепой Кучум у озера Чили-Куль месяц, ждет другой, а мурза Карача все еще не показывается.

— Себя обманет Карача, — ворчит столетний Кукджу: — Москва хитрит...

Каждый день рано утром выходит столетний Кукджу далеко в степь, припадает к земле ухом и слушает: под землей слышит он знакомый стон — это жалуется буйный Иртыш. Нехороший знак, но Кукджу молчит, чтобы не смущать напрасно храбрых. Еще будет пролито много крови — и чужой, и своей. А слепой хан Кучум горит нетерпением померяться силой с московскими воеводами... Около него все три жены и жены его мурз и улусников: храбрее будут биться татары, чтобы не отдавать казакам самого дорогого.

— Эй вы, московские вороны! — кричит мурза Карача, гарцуя под Искером на своем лучшем иноходце. — Забрались в чужое гнездо и носу пока-

зать не смеете... Выходите, храбрецы, в поле, померяемся силой. Я убил атамана Кольцо, я убил атамана Ермака, и вас убью...

Не стерпели московские воеводы и вышли из Искера ночью. Мурза Карача ждал их и притворился трусом. Побежал Карача к Чили-Куль и повел казаков прямо на самого Кучума... Но хитрее оказались московские воеводы: разделили они казаков на две части — одна пошла в погоню за Карачей, а другая с тыла обходила Чили-Куль.

— Застонала земля, хан, — говорит столетний Кукджу хану Кучуму. — Бежит Карача, а за ним гонятся казаки.

Стоит хан Кучум на холме и ждет последней битвы. С одной стороны его поддерживает Хан-Сеид, а с другой — шаман Кукджу. Татарское войско сошлось у озера, совсем готовое к битве. Последний сын хана Кучума, молодой Абдул-Хаир скрылся в засаде. Все готово; застыло сердце в груди у робких женщин, а земля стонет все ближе и ближе... Не видят ничего слепые глаза старого Кучума, но все слышит его волчье ухо... Вот горячий скак татарских степных лошадей, вот дикий крик Карачи, ляг скрестившихся сабель и стоны раненых. Бежавший от казаков Карача повернул свой отряд к ним лицом и врубился в самую середину.

— Молодец, Карача!.. — повторяет слепой Кучум. — Я слышу, как он рубит казаков... Пусть теперь Ураза-Магмет ведет правое крыло на выручку Караче.

Хан махнул рукой, и киргизский царевич Ураза-Магмет полетел в битву. Напиравшие на Карачу казаки дрогнули от этого натиска, а передние ряды попятнулись. Слышит хан Кучум, как смешались казаки, а бешеный Ураза-Магмет рубит направо и налево. Но что это? Опять собрались казаки и напирают на Карачу. Ураза-Магмет врубился слишком далеко к не может поспеть на помощь Караче, а старый мурза бьется один против пятерых.

— Отчего я не слышу голоса Карачи? — спрашивал хан Кучум стоящего около него хана Сеида. — Жив ли он?

— Нужно выпустить засаду, хан...

Второй раз махнул рукой хан Кучум, — и вылетел со своей засадой Абдул-Хаир, точно пущенная из лука стрела. Дрогнули казаки от радостного татарского крика, смешались и побежали. Радостно крикнул и слепой хан Кучум, услышав знакомый победный клик, и поднял обе руки вверх, как стоял на молитве. По рано обрадовался слепой хан Кучум... Обманули его казаки своим притворным бегством, как обманывал их раньше мурза

Карача: расступились казаки — и засада Абдул-Хаира пролетела дальше, а когда казаки сомкнулись — татарское войско было уже разделено. Отдельно бились все: и мурза Карача, и Ураза-Магмет, и Абдул-Хаир. Но это была еще только половина беды: из-за озера поспевала казацкая засада, вихрем летевшая прямо на холм, где стоял сам хан Кучум.

— Бежим, хан! — кричал Кукджу, подводя Кучуму верховую лошадь.

— Я не хочу бежать, когда других бьют... — отвечал неустрашимый хан. — Пусть и меня убьют!..

Поздно заметил мурза Карача грозившую хану Кучуму опасность, но все-таки полетел навстречу казацкой засаде, и еще раз хан Кучум услышал голос храбрейшего из своих мурз. Казаки давно заметили ханскую ставку и летели к дорогой добыче; дорого бы дал Белый царь за пленного хана Кучума... Ближе казаки, замолк и голос Карачи, а хан Кучум все не двигается и все стоит с поднятыми руками, ожидая смерти. Разбежались все в страхе, и около слепого хана Кучума остались только Сайхан-Долангэ, шаман Кукджу да святой Хан-Сеид. Когда казаки уже вынесли на холм к ханской ставке, Хан-Сеид протянул свои руки над головой Кучума, и сделались они все четверо невидимыми; слепой хан Кучум, Сайхан-Долангэ, шаман Кукджу и сам Хан-Сеид.

Великая беда случилась и великое чудо!

Х.

Последний сын хана Кучума, молодой Абдул-Хаир, киргизский царевич Ураза-Магмет и старый мурза Карача попали в плен, а с ними вместе и две ханши, две красавицы, Симбула и Сузгэ. Остальные были перебиты, уведены в Искер пленниками или разбежались по степи, как зайцы. Пока стояла в степи кость Ибака, зеленая степная трава еще не видала такого горя... Но этого мало: те, кого не взяли в плен казаки, сами пришли в Искер с повинной. Так передался Белому царю старший из ханских советников Чин-мурза, а с ним пришла в Искер неутешная Кюн-Арыг.

— Мне бы хоть один раз взглянуть на Махметкула, — объясняла мать батыря: — всего один раз... А больше мне нечего ждать, кроме смерти.

С честью принимали московские воеводы этих знатных перебежчиков и с честью отправили в Москву, вместе с пленниками и пленницами. Лучший цвет Искера ушел с ними, и в степи оставался один слепой хан Кучум, которого не могли взять ни хитростью, ни лаской, ни силой. Далеко в верховьях Иртыша скрывался слепой хан, а с ним скрывалась красавица-ханша Сайхан-Долангэ. Страшную бурю уносила в себе молодая ханша с побоища на Чили-Куль: в ней, в Сайхан-Долангэ, таилась река

крови, которая должна пролиться, страшная неволя врагов и зарево пожаров. Уносила в себе красавица-ханша и двух близнецов, двух Кучумовичей. Нет, не умрет волчья кровь слепого хана Кучума, а с ней не умрет и заклятая вражда к русским, ко всякому, кто протянет руку в степь. По вечерам долго сидит у огонька молодая ханша, Сайхан-Долангэ, сидит и поет свою любимую «Песню о солонинке», а слепой хан Кучум горько плачет...

— Было у тебя пять сыновей, — поет Сайхан-Долангэ: — как пять пальцев на руке... А теперь не осталось ни одного. Не печалься, мой хан: двух сыновей рожу я тебе, двух Кучумовичей. Огнем пройдет кость Ибака по степи...

Бережет слепой хан Кучум молодую ханшу, а их обоих берегут Хан-Сеид и шаман Кукджу, как две схватившихся руки. Четверо их, и никого они не боятся: пусть отдохнет хан Кучум, пусть поет свои песни Сайхан-Долангэ. То в лесу они живут, то в степи, а больше всего любит молодая ханша крутой берег пенистого Иртыша. Здесь нашел хана Кучума посол московских воевод из Искера и сказал:

— Хан Кучум, лучше тебе покориться Белому царю, чем одному скитаться в степи... Твои сыновья и жены в плену, мурзы и советники перебиты или тоже в плену: не на что тебе больше надеяться. А Белый царь тебя пожалует своей милостью, как и других ханов и князей...

— Белый царь — мой брат, и я не отдавал ему сибирского царства, — гордо отвечал хан Кучум. — Если у меня взяли силой Искер, то это так нужно: Бог велик. Так и скажите моему брату, Белому царю! Когда я был в счастье, то не хотел ему покориться, а в несчастье покоряются только трусы.

Посол посмотрел на слепого хана с сожалением, но Хан-Сеид сказал ему:

— Ты рано пожалел хана Кучума... Да. Он сильнее ваших московских воевод. Оставайся до вечера, и сам увидишь.

Улыбнулся посол словам ханского советника, но все-таки остался посмотреть на силу слепого хана Кучума. Это было на крутом берегу Иртыша, — правый берег крутой, а левый разлегся степью. Сидит посол у ханской ставки и видит: вышла молодая ханша Сайхан-Долангэ на берег, переплыла пенившуюся реку на деревянном плоту и пошла в степь. Идет красавица-ханша по степи, рвет траву и полными горстями бросает по обе стороны. За ней идет шаман Кукджу и шепчет заклинания над сорванной травой.

— Ты видишь, что делает красавица-ханша? — спрашивает Хан-Сеид.

— Вижу: ходит по степи да рвет траву...

— Смотри теперь, что будет дальше.

— Смотрю...

Долго ходила Сайхан-Долангэ по степи, пока не исчезла из виду. А посол все смотрит... Пропал вместе с ней и столетний шаман Кукджу. Тогда Хан-Сеид поднял обе руки кверху, закрыл глаза и дунул в степь. Свершилось великое чудо на глазах посла: зашевелилась сорванная ханшей трава, как живая... Где-то ударили в большой бубен — и вышли большие люди; ударили в малые бубны — вышли простые джигиты. Сколько сорвано было ханшей травы, столько вышло в поле и джигитов. Весело развиваются конские хвосты на высоких копьях, ржут кони, бьют бубны, а войско все прибывает... Насколько хватал глаз — везде из земли выходили джигиты. Страшно стало послу, а Хан-Сеид опять поднял руку кверху, дунул — и войско пропало.

— Иди в Искер и скажи своим воеводам, что видел своими глазами, — объявил ему Хан-Сеид. — Много еще силы у слепого хана Кучума...

Так и сказал посол в Искере, а воеводы распустили слух, что ногаи зарезали слепого хана. Не правда это: жив старый хан Кучум и сейчас, и сейчас он бродит по степи с невидимым войском. Где он прошел — там лежит трава, сорванная ханшей Сайхан-Долангэ. Один он остался, потому что один не изменил своей матери-степи и искал честной смерти в открытом бою с врагом. Вот почему, где будет в степи стоять кош и где будет куриться живой огонек, там будет петься и слава старому хану Кучуму, красавице-ханше Сайхан-Долангэ и грозным Кучумовичам!

Рисунки Николая Черемных.

Любовь ЗЕНКОВА, Владимир ШЕВАЛЕВ, г. Каменск-Уральский

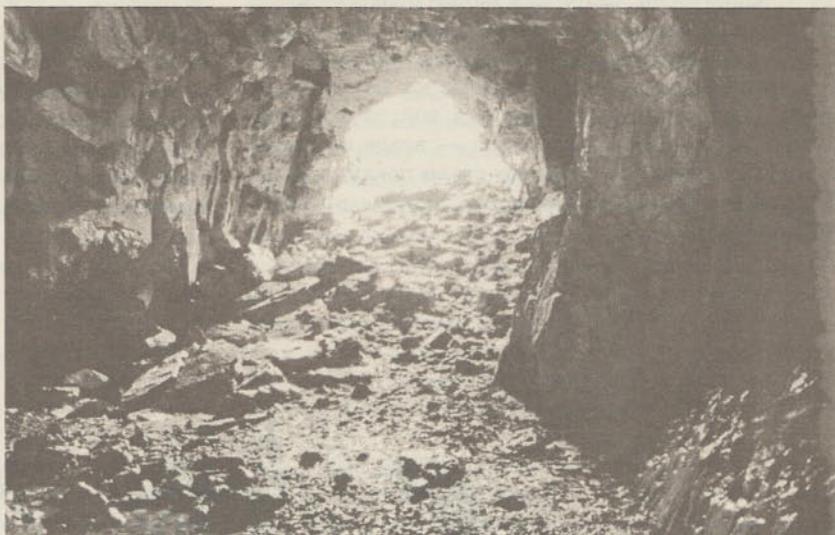
Первое золото России

Медные руды на берегу реки Исети около д. Шиловой, судя по документам, открыл отставной солдат Иван Кралин в 1735 году. Руды состояли из пирита, халькопирита, галенита, блеклых руд и медной зелени. Месторождение получило название Шилово-Исетского — в отличие от Шиловского на речке Шиловке к юго-западу от Екатеринбурга, открытого еще в 1703 году.

Где же можно было плавить здешнюю медную руду? Уктусский завод за маловодьем и нехваткой лесов для углежжения был в то время остановлен. Ближайший к месторождению Каменский завод, специализировавшийся на литье артиллерийских орудий и снарядов, также испытывал недостаток воды и угля. В 1733 году В. И. Геннин — горный командир — построил доменный и железоделательный завод им. Императрицы Анны на реке Сысерти. Рудник и приписали к этому заводу. Каменскому же заводу было предписано обеспечить рудник рабочей силой. В краеведческом музее города Каменска-Уральского хранится поименный список работников за 1743 — 1744 годы. В нем названы семь специалистов и тридцать два горных рабочих, среди них и Леонтий Пигалев. (ГАСО. Ф. 24 Оп. 1. Д. 1760. Лл. 641-643).

В 1742 году во время путешествия И. Гмелина по Уралу Шилово-Исетский медный рудник уже работал. «Разработка его в то время была очень затруднительна по сильному притоку воды и рыхлости пород, в которых заключалось месторождение». (Н. Чупин. Указ. соч.)

События, связанные с открытием золота и его добычей на Шилово-Исетском месторождении зафиксированы в делах Главного правления сибирских и казанских заводов, находящихся в Государственном архиве Свердловской области и в Россий-

Выход из шахты. Солнце играет в камнях, как в золоте...

ском Государственном архиве Древних Актов в Москве. Канцелярией Главного правления в то время коллегиально управляли Никифор Герасимович Клеопин в чине надворного советника, выдающийся горный деятель; Андрей Иванович Порошин, ассессор и Игнатий Юдин, главный межевщик.

У Н. С. Корепанова читаем: «17 ноября 1746 года М. Карамышев неожиданно подал доношение в Главное Правление о просьбе горного ученика Леонтия Пигалева выдать ему денежное награждение». В доношении сказано:

«В 1744 году в мае-месяце, а какого числа не упомянет, близ Шилово-Исетского медного рудника на месте том, где ныне добывается руда разных сортов и со знаком самородного золота тако ж находится и в крошках малых самородное золото, нашел он, грубен-юн (горный ученик. — Авт.) признак рудный, который и объявил бывшим тогда оберштейгеру Беме и кунстштейгеру Виттиху. И по тому признаку оные Беме и Виттих на том месте ширфовали и руду со знаком самородного золота нашли, токмо для неискusstва их в горном деле или другого чего ради тогда та руда... золотою не названа, но назвали колчеданом... А в 1745 году в октябре-месяце чрез оный Шилово-Исетский рудник ехал из Кольванских заводов в Екатеринбург

Окончание. Начало в № 11.

бергаур Семен Карамышев, и ему... найденный при ширфовании со знаком самородного золота штуф... штейгер Штор тогда объявил и спрашивал, что де есть ли в тех штуфах какой металл или нет, понеже он, штейгер Штор, о том разуметь не мог же. На что ему, Штору помянутый Карамышев объявил в тех штуфах подлинно есть признак самородного золота. И на то его ... объявление он, штейгер Штор, и при нем бывший тогда бергаур иноземец же Мааке не утвердились и притом ему ...смеялись: что де ты лжешь, и какой де ты бергаур? А оный Карамышев, не смотря на те их праздные слова, по прибытии в Екатеринбург объявил о том бывшему тогда о проезде чрез Екатеринбург господину бригадиру Безру. И с того ... объявления при найденном им, Пигалевым, месте ширфование учинено и подлинно золотая руда найдена...» (Из доношения М. Карамышева в Канцелярию Главного правления. ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 1321(2). Л.173.)

А 3 ноября Захариас Штор (норвежец, в документах ошибочно назван саксонцем) сам

Показал штуф с самородным золотом в Екатеринбурге высокому горному офицеру Андрею Безру, возглавлявшему комиссию для обследования демидовских Колывано-Воскресенских заводов на Алтае. «...В лаборатории при разбитии и разборе по сортам того камня с пробы усмотрено, что... явился штуф подлинно с самородным золотом». (ГАСО, Ф. 24. Оп.1. Д.1077(а). Л.1).

Следует отметить, что в этом деле иноземный контрактер З. Штор показал себя очень неблагоприятно. Не упоминая о Пигалеве, он присвоил себе чужое открытие; к тому же и оплошал в рудном деле: золота от пирита («золото дураков») отличить не мог. А в народе был верный способ узнать золото — попробовать его на зуб: золото-то мягкое. В самородном виде оно легко куется, а пирит от удара рассыпается.

События, между тем, развивались. А. И. Порошин, второй член Главного правления, ранее участвовавший в тщетных поисках золота на месте марковской находки, вместе с бригадиром А. Безром 8-9 ноября побывал на руднике. Представленное золото требовало незамедлительных и решительных действий. При осмотре шурфов опять обнаружилось самородное золото: «Вверх по логу в 106 сажнях по правой стороне в угоре ширф длиною 4 аршина, глубиною 6 1/2 аршина, в нем разборной серый камень с кварцем, где в выметном камне при ширфовании в сентябре месяце штейгером Штором найден первый объявленный г-ну Безру с самородным блистающим золотом кусок...» Из отчета А. И. Порошина от 14 ноября 1745 года. (Там же Лл. 13об.-14 об.)

Начальством было приказано «...в тех ширфах работу производить». Ответственным за добычу золота был назначен шихтмейстер Матвей Карамышев, о ходе работ он должен был еженедельно докладывать Главному правлению. Таким образом, первая добыча золота на Урале и в России началась в ноябре 1745 года на Шилово-Исетском руднике.

В том же месяце в Берг-коллегию ушло донесение об открытии рудного золота. В свою очередь Берг-коллегия отрапортовала Правительствующему Сенату. Мы имеем возможность привести текст рапорта и копию оригинала (первая публикация).

«№967. Декабря 29 дня 1745 году.

В Правительствующий Сенат из Берг-коллегии. *Репорт.*

Воизвестие о сысканных в Сибире близ Екатеринбурга золотых и серебряных рудах.

Сего декабря 12 в Берг-коллегию из Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов доношением об(ъ)явлено.

Ноября 4 числа сего году в ту Канцелярию от бригадира Безра об(ъ)явлен для пробы на серебро и золото, найденной обретающимся команды и ведения той Канцелярии саксонцем штейгером Штором камень руды с признаком самородного золота, которой он, Штор нашел в прошедшем сентябре месяце сего года при бывшем Шиловском Исецком медном руднике в горе, в ширфу медной гнездовой руды. Которой камень в лаборатории разбиван по сортам, и усмотрено из ширфу, что под 5-м № явился штуф подлинно с самородным золотом.

И для того приказано было ему, Штору те ширфы гораздо разрабатывать. По осмотру же де и разведыванию тех рудных ширфов явилось:

1-й ширф, которой под 6-м №, а в нём жила белого кварца с черными и желтыми прожилками.

2-й под № 5-м, в нем разборной серой камень с кварцом. Где в выметном камне при ширфовании в сентябре месяце выше помянутым Штором найден объявленной камень с самородным золотом. И те ширфы разрабатываны, и в 1-м под № 6-м ширфу по жиле на север девять часов явился с помянутыми прожилками зеленым и гнездовым кисом кварц, токмо без самородного золота.

Во 2-м ширфу песчаной, серой, крепкой камень з белыми звездками или кисом. И между оным в сторону, к ширфу в гору попадался мальми гнездышками подобно, как в 1-м ширфу кварц. И из оного в некоторых кусках видятся малые знаки самородного золота. Чего ради приказано в одних тех ширфах работу производить.

И по разработани оных ширфов взятой кварц и просто камень пробован. И оказало: из 2 ширфа

из кварцу с малым знаком самородного золота, так же черные и желтоватые прожилки с кварцом не мытая, и из центра содержит серебра два лота, из той же промытая — пол лота. А на золото за мало-стию корнов пробовать нельзя.

В ширфу, называемом № 5, показывается кварцевая жила. И в оной находятся самородного золота и серебряной признак в черной руде и в охре, а другая жила находится с кварцом же и пресекала накрест, и что де добыто в оном ширфу с самородным золотом и серебряного признаку прислано от помянутого штейгера и за ундершихтмейстера Степанова в ту Канцелярию. И потом в той Канцелярии определено, на показанных ширфах и около оных горную работу производить, как учреждено и в Берг-коллегию отрепортовать. Причем, ис присланных от Штора руд лутчую штуфу с видом на ней самородного золота и мелких крох, отпадающих с малыми блессточками самородного ж золота послать, которая в малом ящичке в Берг-коллегии и получено, и по осмотре и разобранию перевести на завод императрицы Анны. А по учинении де пробы донесено будет коллегии впредь.

И по определению Берг-коллегии в Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов послан указ. Велено в том новообъисканном месте разрабатывать и протчее произвождение и оному пробу чинить по горному и плавил(ь)ному искусству. И что являться будет, в Берг-коллегию репортовать. И до указа оной именовать по прежнему Шиловским, а надлежащее именованье от Берг-коллегии определено будет, когда лутчая ис тех рудников надежда и пол(ь)за покажется. А от присланного из заводской канцелярии штуфа отбитой кусок отослан ко усмотрению в кабинет ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА при репорте. Декабря 20 дня 1745 году». (РГАДА. Ф.248. Кн.945. Лл.517-518 об.)

В декабре рудник осмотрел сам Н. Г. Клеопин. По его приказу выстроили бревенчатый сарай под добычу и выставили караул. К концу 1745 года на Сысертский завод доставили чуть более тысячи пудов медной руды. В январе 1746 года А. Порошин провел первые плавки.

«На заводе императрицы Анны.. проплавлено 685 пуд(11,22 т.) медной руды на роштейн, и потом оный обожжен и переплавлен на чёрную и гармахерскую медь, коей по весу явилось 4 пуда 37 1/4 фунтов». Почти 80 кг. Из этого количества меди извлекли «золота 15 3/4 золотника» (67,19 г.) (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1077. Лл. 220-222 об.)

Вспомнили, наконец, и о первооткрывателе. «В августе 1747 года на руднике было произведено

дознание. Допрошенные Беме, Виттих, Штор, Карамышев и рудокопщики подтвердили все изложенное рудничным управителям... В любом случае дознание безвозвратно опоздало: 21 февраля 1747 года никем не признанный первооткрыватель уральского золота скончался в Екатеринбургском госпитале». (Н.С.Корепанов. Указ.соч.)

Между тем, в июле 1747 года Н. Г. Клеопин с А. И. Порошиным, вторым членом Главного правления, отвечавшим за золотодобычу, снова посетили Шилово-Исетский рудник.

На Березовском месторождении поиски золота велись безрезультатно, и все внимание Главного правления приковывал к себе Шилово-Исетский рудник. Но месторождение оказалось не богатым. Самородное золото встречалось в кварцевых жилах небольшими зернами и блессточками, а в распыленном виде — в медной руде.

За три года (по декабрь 1748 г.) медной руды добыто немногим больше 17000 пудов; из нее получено золота чуть меньше двух фунтов (фунт — 409,51 г.), да «...штуфов со знаком самородного золота 13п. 26 1/4 ф.» (ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1186. Лл.367-377).

Однако надежды открыть более богатые рудами жилы сохранялись, поэтому работы продолжались, не смотря на их убыточность. Золото обходилось по 10 руб. 29 1/4 коп. за золотник (4,266 г.) — в три раза дороже продажной цены. В 1752 году «...при золотом руднике в шахте № 2 начата работа... бурением и палбою порохом». (ГАСО. Ф.24. Оп. 1. Д.1338. Лл.44)

За десять лет, с 1745 по 1756 год, было добыто 134083 пуда руды, протолчено и промыто всего 42965 пудов, из них, кроме меди, извлечено 4 фунта, 33 золотника, 92 доли золота.

Дополнительные сведения о руднике находим у капитана Корпуса горных инженеров Окладных в статье «О золотом руднике, принадлежащем к Управлению Березовского завода».

По определению Канцелярии от 22 октября 1748 года в государственную Берг-коллегию отрапортовано, что «из добытых золото содержащих руд, чрез огонь золото доставать признается за неудобность, затем, что оные руды теперь не богатые, а лучше и прибыточнее такие руды толчи и промывать и для того должны близ рудника на реке Исети построить плотину, а при ней толчею и промывальну». На что Берг-коллегия в 1753 году изъявила свое согласие. Переписка по этому предложению тянулась до 1771 года, но плотина не была построена, руды для проб и обработки перевозились на 57 верст в Уктусский завод, где они обхо-

дились с содержанием 2 золотника на 100 пудов.

При отыскании богатейших золото содержащих руд в окрестностях Березовского завода Управление обратило на эти последние главное внимание, и в 1759 году разработку Шилово-Исетского рудника остановило, как видно из дел, по недостатку команды и убогости руд». (Горный журнал. 1862, № 11).

В 70-х годах XVIII века, как пишет Н. С. Корепанов, весь рудник был передан во владение екатеринбургскому купцу Ивану Хлепятину.

Шилово-Исетское месторождение, хотя уже и не разрабатывавшееся, продолжало привлекать к себе внимание исследователей XX века. Здесь в 1907 году были найдены два новых уральских минерала: висмутистое золото (К. А. Ненадкевич) и тетрадимит (В. И. Вернадский).

«На исходе XVIII века здесь побывал А.С.Ярцов (начальник канцелярии Главного заводов правления), по распоряжению которого в 1800 году на этом руднике возобновили работы. Он послал на Шилово-Исетский рудник унтер-шихтмейстера и штейгера с 20 рудокопами, приказав им добыть по 500 пудов руды каждого сорта и доставить ее на Екатеринбургскую золотопромывальную фабрику». (В.Данилевский, Русское золото. Москва. 1949.)

Однако геологические и геохимические условия не способствовали большему накоплению в этом месте коренного золота. Хотя позднее верховья долины реки Исети и прозвали «золотой долиной», но это было россыпное золото в речных отложениях.

Зато Березовское месторождение природа щедро одарила коренным золотом. На мсте его находки Марковым горные работы начались в 1748 году на Первоначальном руднике, а в 1752-м — на Березовском, и к 10-летию открытия в 1755 году там переработали 350 тысяч пудов золотой руды и добыли 29 фунтов золота. Там постоянно закладывались новые рудники (всего их в XVIII веке было 50). За 1754-1806 годы переработано 25 млн. пудов руды, извлечено из нее 360 пудов золота — в среднем по 7 пудов в год.

Приведем авторитетное свидетельство геологов В. Н. Авдонина и Ю. Н. Поленова из книги «Очерки об уральских минералах»: «Урал по праву стал считаться золотой провинцией России после того, как Уральская горная система подарила обитателям России сказочно богатое месторождение — Березовское. На Урале это одно из наиболее долгоживущих месторождений, которое разрабатывается уже более 250 лет и которое дало стране более 15 тонн благородного металла. Сейчас горные работы

в нем достигли глубины 500 метров, а промышленное оруденение прослежено буровыми скважинами до 1 км. и даже несколько глубже. За все последующие десятилетия после его открытия на Урале, а потом и в Сибири найдены многие месторождения золота разных типов и неодинакового богатства, но ни одного подобного Березовскому ни в России, ни на других континентах не найдено. Во всем мире оно остается единственным в своем роде и по-прежнему звездой первой величины сияет среди других золоторудных месторождений Урала, да и России в целом...»

Чтобы характеристика этой необыкновенной подземной кладовой России была более полной, укажем, что за два с половиной столетия в Березовском месторождении были открыты около 100 минеральных видов, в том числе 6 минералов впервые в мире, среди них крокоит, первый новый минерал, открытый в России в 1766 году. А в 1798 году французский химик Вокелен открыл в березовском крокоите новый химический элемент — хром. Минералогические музеи мира считают для себя честью иметь в своих коллекциях березовские минералы, среди которых много редких и редчайших, а кварц и пирит образуют красивейшие кристаллы и друзы.

Но справедливое восхищение Березовским месторождением никак не должно заслонить исторического факта — открытия первого на Урале и в России золота на Шилово-Исетском, пусть и бедном, месторождении.

И закончить это повествование нам хочется словами из книги Н. С. Корепанова:

«...Поиск и добыча золота, легендарного металла, вероятно, всегда драматичны. И было бы справедливо помнить не только о случайной находке Маркова, но и о другом, выстраданном открытии. Малопродуктивность первой в России добычи золота не должна заслонить самого факта. И в истории уральской геологии, хотя бы спустя 250 лет после забвения, должно быть с уважением названо имя горного ученика ЛЕОНТИЯ ЛАВРЕНТЬЕВИЧА ПИГАЛЕВА.»

Авторы статьи убеждены, что с помощью Администрации Каменского района памятный знак на месте исторической находки будет установлен в самое ближайшее время.

Памятный текст:

«На этом месте в медных рудах Шилово-Исетского рудника в мае 1744 года горный ученик Леонтий Лаврентьевич Пигалев открыл самородное золото, первое на Урале и в России.

Благодарные потомки. 2002 г.»

Ольга МАКАРОВА, г. Сысерть

Тальков камень

Озеро Тальков камень — одна из достопримечательностей Сысерти. Этот чудесный уголок природы образовался на месте старого талькового рудника. Его история такова.

До середины 19 века в Англии шло совершенствование процесса получения железа из чугуна. При кричном способе для переработки пяти тонн в ковкое железо требовалось три недели, при пудлинговании — полтора дня.

Проблемой в Европе было получение огнеупорного кирпича для пудлинговых печей. Особенно быстро выгорал пол, поэтому кирпичную кладку приходилось часто менять. Это было довольно дорого.

В 1770 году Сысертский рудознатец Калугин нашел в окрестностях Сысерти тальк. А в 1849-м здешние инженеры закончили эксперименты с новым в мировой практике огнеупором. Он показал себя молодцом: выдерживал более ста плавок и сильный перегрев.

В том же году Сысертский завод первым в истории металлургии начал изготовление кирпичей из талько-магнезита для кладки пудлинговых печей.

Добычу талька вели на Черновской горе открытым способом; блоки вручную выпиливали полукруглой большой пилой и вывозили на лошадях, распиливая затем до стандартного размера.

Сысертское месторождение магнезита (талька) оказалось богатым. При добыче талько-магнезита часто жилами попадал «благородный» тальк, то есть тальк без примесей. Он шел на добавку при изготовлении бумаги для денег и документов, употреблялся в медицине, в резиновой промышленности и как тугоплавкая смазка.

Медленно, уступ за уступом, был разработан довольно глубо-

кий карьер. Но в 1905 году на дне его стали просачиваться грунтовые воды, и поэтому добычу пришлось остановить.

В послереволюционный период она временами возобновлялась, но в 1925-м прекратилась окончательно, так как маломощный насос с паровой машиной не справлялся с притоком воды. Рудник закрыли.

За полмесяца карьер затопило. В 1927 году было открыто новое крупное месторождение талькового сланца — Шабровское, в 20 км от Сысерти.

До революции район Талькова камня был местом проведения нелегальных рабочих собраний.

До конца 1930 года здесь находились казармы, в которых располагался первый в районе пионерский лагерь. Озеро Тальков камень с окружающими его лесами объявлено памятником природы.

Озеро Тальков камень.

Юрий ГУНГЕР, г. Волчанск

По следам ротмистра Манжетного

Рядовой Отдельного Конно-егерского дивизиона полковника Манжетного.

Из литературы известно, что командир 16-го Ишимского стрелкового полка Н. Г. Казагранди в октябре 1918 года отдал приказ «отряду ротмистра Манжетного последовать на Надеждинский (ныне Серов. — Ю. Г.) и Богословский (ныне Карпинск. — Ю. Г.) заводы...» Отряд Манжетного занял и Турьинские Рудники (ныне Краснотурьинск).

Казалось бы, в водовороте Гражданской войны невозможно проследить судьбу одного человека. Но вот листая красочные таблицы «Белые армии востока России» художницы А. Лебедевой, опубликованные в альманахе «Белая гвардия» (№ 5, 2001 г.), нахожу изображение «рядового Отдельного Конно-егерского дивизиона полковника Манжетного Российской армии Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака». Здесь же дата: «1919 год».

Как известно, «ротмистр» — чин кавалерийский (соответствовал чину капитана в пехоте и есаула в казачьих частях или современному званию майора), а в Гражданскую войну шагнуть за год на два чина было делом обыденным. Чинопроизводство шло быстро. Например, А. Н. Пепеляев из подполковников был сразу произведен в генерал-майоры. Естественно предположить: не наш ли Манжетный (фамилия-то не из распространенных)?

В мае 1919 года в Русской армии, состоящей из Сибирской, Западной и Южной армий, произошло объединение разрозненных кавалерийских и казачьих частей под единым командованием. На должность походного атамана и генерала-инспектора Русской армии был назначен генерал-лейтенант А.И. Дутов (с сохранением должностей атамана Оренбургского казачьего войска и командующего Южной армией). При походном атамане был образован штаб (начальник штаба генерал-майор Одноглазов), сосредоточивший общее наблюдение за боевой готовностью, благоустройством и своевременным удовлетворением потребностей казачьих и кавалерийских частей, находящихся на фронте. Штаб наблюдал и за правильностью назначения на высшие командные должности в кавалерийских частях (до командиров отдельных частей). Значит, и назначение нашего (или не нашего) Манжетного командиром отдельного дивизиона могло состоять-

ся только приказом А.И. Дутова. Естественным выглядит и перемещение Манжетного из Сибирской в Западную армию: после реорганизации кавалерии в Сибирской армии таковой почти не осталось. Согласно боевому расписанию Русской армии от 10 июня 1919 года Отдельный Конно-егерский дивизион численностью 89 сабель воевал в составе Волжской кавалерийской бригады Волжской группы Западной армии (командующий генерал-лейтенант М.В. Ханжин).

Как сложилась дальнейшая судьба Манжетного? Пока неизвестно. Возможностей сгнать на просторах Сибири было предостаточно. Но Конно-егерский дивизион, развернутый в полк, воевал до последнего. Из боевого расписания Дальневосточной армии (командующий генерал-лейтенант Вержбицкий) на 20 октября 1920 года следует: в составе Омской дивизии (начдив полковник Аргунов) 2-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор Смолин) воевал Конно-егерский полк численностью 150 сабель при 4-х пулеметах (командир полка не указан).

Здесь уместно добавить, что в боях за Урал осенью 1918 года в тесном соседстве с 16-м Ишимским полком действовал 15-й Курганский стрелковый полк подполковника И.С. Смолина, а начальником 4-й Сибирской стрелковой дивизии 2-го Степного Сибирского корпуса, в которую входили 15-й и 16-й полки, был генерал-майор А.Г. Вержбицкий.

Елена РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, г. Пермь

Струна писательской судьбы

(100 лет со дня рождения Евгения Пермяка)

Так сложилась судьба, что на протяжении многих лет моя мама — уральская писательница Клавдия Васильевна Рождественская — поддерживала дружеские отношения с известным писателем Евгением Андреевичем Пермяком.

Оба родились в Воткинске (Удмуртия), жили по соседству, учились в церковно-приходской школе.

Воткинск тогда еще не был городом и представлял собой небольшой рабочий поселок, называвшийся Воткинский машиностроительный завод. Вокруг завода, на берегу реки Вотки, строились дома рабочих. Отец Клавдии Васильевны работал токарем на заводе, отец Евгения (Андрей Виссов) был почтовым служащим.

Оба закончили гимназии. Евгений Андреевич был годом младше мамы. После учебы Клавдия Васильевна несколько лет учительствовала. Позже, не стовариваясь, оба поступили в Пермский университет на литературное отделение педагогического факультета.

После второго курса Клавдия Васильевна переехала в Ленинградский университет.

Изредка переписываясь, они друг друга не теряли, делились неудачами и успехами, советовались. При встречах зачастую спорили между собой. Евгений Андреевич — живой, быстрый, напористый и общительный, умевший весело шутить, обладал неумемной энергией. Клавдия Васильевна была сдержанной, волевой, энергичной.

Две творческие натуры объединяла неистребимая любовь к литературе.

Евгений Андреевич обосновался в Москве, Клавдия Васильевна — в Свердловске, куда приехала по распределению мужа-инженера.

Снова они встретились, когда началась Отечественная война, и долгие военные годы трудились вместе, рука об руку.

В Свердловск в эвакуацию приехала большая группа широко известных писателей. Это были: Анна Караваева, Мариэтта Шагинян, Федор Гладков, Лев Кассиль, Агния Барто, Илья Садофьев, Ольга Форш, Юрий Верховский и другие. Вместе с ними приехал и Евгений Пермяк.

Между местными и приезжими писателями установились дружеский контакт, творческая бли-

Евгений Пермяк. Пермь, 1924 г.

зость. Евгений Пермяк быстро вписался в уральскую среду. Вскоре, видя его особую активность, его избрали ответственным секретарем «Литературного центра на Урале».

В те годы Свердловское книжное издательство (Свердлгиз) было крупнейшим в регионе. Естественно, что издательские планы были повернуты на военную тематику, отражение героической жизни в тылу.

Зачастую, как вспоминает Борис Рябинин, писатели собирались в кабинете у Клавдии Рождественской, бывшей в ту пору главным редактором издательства. Здесь комплектовались коллективные сборники, формировались сборники альманаха «Уральский современник» для взрослых и «Боевые

ребята» — для детей. Здесь обсуждались многие животрепещущие проблемы и велись горячие литературные споры.

Евгений Пермяк, всегда необычайно деятельный, принимал активное участие во всех творческих начинаниях. Его литературная работа была очень плодотворной. Он много писал. В альманахах печатались его рассказы и пьесы.

Б о л ь ш а я дружба связывала Евгения Пермяка с Бажовым. Как вспоминает

внук Бажова, Владимир Бажов, Евгений Андреевич часто бывал у них в доме. Его пьеса «Ермаковы лебеди», написанная по сказу Бажова, как и другие пьесы, с успехом шла в режиссуре ТЮЗа.

Вспоминая тот период, Б. Рябинин рассказывал, что остроумие Пермяка скрашивало жизнь, а веселые репризы по поводу писательского житья-бытья были у всех на слуху. Добрая шутка помогала на время развеять горечь и боль тяжелой военной поры. (Многие детали жизни писателей в военные годы Б. Рябинин описал в одной из глав книги воспоминаний об уральских писателях «Слово о товарищах», вышедшей в 1980 г. в Свердловске, а также в книге, посвященной моей матери и вышедшей в Перми в 1988 г. в серии «Замечательные люди Прикамья».)

Жил Евгений Пермяк с семьей неподалеку от нас — в центральной гостинице «Большой Урал».

Часто бывало, что из издательства вместе с Клавдией Васильевной шел к нам — на улицу Луначарского, 134, чтобы обсудить неотложные вопросы. Иногда разговоры затягивались до поздней ночи. Я была свидетельницей многих интересных литературных баталий.

Иногда мы ходили в гости к Пермяку. Мне нравились его дочери: старшая, Маргарита (от первого брака) — очень талантливая художница; и младшая, Ксана — моя ровесница. Вспоминаю добрым словом его гостеприимную и приветливую жену,

Группа пермских писателей. Четвертая слева во втором ряду - Клавдия Рождественская, четвертый справа - Виктор Астафьев. 1957 г. Москва.

Марию Степановну. Много лет спустя, когда вышел роман Пермяка «Горбатый медведь», в некоторых персонажах я узнала его близких.

К концу войны Евгений Пермяк с семьей вернулся в Москву. Он горячо звал Клавдию Васильевну работать в столицу, предоставлял ей комнату в своей пятикомнатной квартире в Мерзляковском переулке.

Мы не раз бывали в Москве и всегда останавливались в доме этой радушной семьи.

Писатель любил Урал и поддерживал творческие контакты с его литераторами. Позже, когда Клавдия Васильевна, переехав в Пермь, возглавила там писательскую организацию, Евгений Андреевич присылал ей свои книги с дарственными надписями для ее внуков.

Яркая творческая жизнь Евгения Пермяка совершенно удивительна. Его называли прирожденным рассказчиком, лукавым сказочником. Его сказки отличаются большой выдумкой, смелой фантазией, сочностью и выразительностью языка. Он написал более двухсот книг, среди них «Кем быть?», «Дедушкина копилка», «Торопливый ножик», «Тонкая струна».

У меня и сейчас хранятся его книги, изрядно потрепанные. А на обложках крупным размашистым почерком сделаны дарственные надписи.

Многие из этих рассказов вошли, как известно, в школьные хрестоматии.

Юрий ДУНАЕВ, г. Первоуральск

Эхо звончатого промысла

Звон колокольчика всегда вызывает воспоминания об удали ямщиков. Русская душа любит простор. Потому ямщики хотели иметь свой, самобытный сигнал. И этим сигналом стало бесхитрое изделие крестьянского быта — поддужный колокольчик.

Считается, что поддужный колокольчик получил первую прописку в Валдае Новгородской области. Но не один Валдай прославился звончатым промыслом. Изготовлением поддужных колокольчиков занимались и умельцы Урала. Их изделия были ничуть не хуже валдайских. Правда, до недавнего времени они не были известны.

У меня все началось с неожиданной находки. В амбаре одного старожилы села Паньшино Режевского района Свердловской области мне довелось обнаружить поддужный колокольчик с литой надписью по «юбке»: «лил сей колокол Василей Святухин в Кунгуре» (буква «я» передана в этой надписи древнерусской буквой «юсом малым»). Надпись вызвала интерес. Из литературы знал, что производством колокольчиков славился Валдай, а тут — Кунгур, уральский город на Московско-Сибирской дороге.

Послал письма в музей области, в Центральный музей связи имени А. С. Попова (г. Санкт-Петербург). В научной библиотеке Свердловского краеведческого музея просмотрел литературу, касающуюся меднолитейного дела на Урале. А заодно стал собирать коллекцию. объездил ближайшие деревни, обошел знакомых в городе. К сожалению, изделий сохранилось очень мало — многое уже ушло в переплав. Но мне повезло: стал обладателем двух десятков колокольчиков с автографами мастеров.

Ответы из музеев приходили неутешительные. Из Кунгурского краеведческого сообщили, что в фондах поддужных колокольчиков нет, как и све-

Поддужные колокольчики из коллекции Ю. А. Дунаева.

дений о мастере Святухине. Местным краеведам о таком промысле также неизвестно.

Из Пермского областного краеведческого тоже прислали отрицательный ответ: «Кунгур среди колоколотейных предприятий не упоминается». А вот Нижнесалдинский народный краеведческий музей порадовал: там экспонируется экземпляр колокольчика, изготовленного этим же мастером!

Скоро мои поиски увенчались успехом. Оказалось, что меднолитейное дело на Урале имеет глубокие корни. Пермские земли были богаты медной рудой. И колокола здесь лили с тех пор, как начали действовать меднолитейные заводы. В труде «Описание уральских и сибирских заводов» В. И. Геннин описал технологию приготовления колоколотейной бронзы: «На каждый пуд чистой меди олова по 9 и 10, сала (говяжьего) к литью малых 3, больших колоколов 2 фунта. Когда вся медь растопится, тогда класть олово и мешать березовыми сухими на то уготованными особо шестами и, вымешав, класть сало, чтоб от того медь в выпуск могла итти скорее». Видать, предки умели готовить плотную бронзу. Чтобы получить чистую плотную медь 99-

пробы, жидкий металл помешивали («дразнили») деревянными шестами, способствуя извлечению из расплава кислорода.

Кунгур не был исключением. Здешние мастера умели лить большие колокола и с успехом изготавливали маленькие, ничуть не уступающие по своему звучанию валдайским. Подтверждение сказанному — изделие Василия Святухина.

Истоки промысла в этом городе связаны со следующим событием. В 1754 году Сенат разрешил учредить еженедельную почту от Москвы до Тобольска — для пересылки государственных бумаг. Кратчайшим путем от Казани до Тобольска был проезд через Екатеринбург и Кунгур. Пермскому губернскому правлению было приписано построить на этом участке пути почтовые станции. Пришлых ямщиков не было. Пересылку бумаг стали производить «посредством гоньбы городских и уездных жителей». Это обстоятельство и вызвало развитие «звончатого» промысла.

С прокладкой большого Московско-Сибирского тракта, который прошел через Кунгур, в городе действовало три ямских почтовых станции: одна дорога шла в губернский город Пермь, другая — на восток, к Екатеринбургу, и третья — на юг (Бирская дорога).

Спрос на колокольчики рос, и промысел их успешно развивался. Без колокольчика — и тройка не ройка, и ямщик не лихач! В «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н. С. Попов отмечал, что на рубеже XVIII-XIX веков в Кунгуре меднолитейные заведения действовали в 10 дворах, в которых работало 10 мастеров, 7 подмастерьев и 13 учеников.

Производство литья из меди требовало наличия кузницы. Кунгурцы решали эту проблему просто: «Меднолитейщики, — пишет Н. С. Попов, —

строили в сених своих домов небольшие из кирпичей горны. Положив медь в плавильный горшочек (тигель), сделанный из пенковой глины, мастер ставил его в горн на приготовленный уголь. При

содействии меха уголь разжигался до высокой температуры. Медь в горшочке расплаплялась, и ее выливали в земляные опоки. Отливки обтачивались разными орудиями при помощи колеса».

Возникает вопрос: когда зародился промысел? Изделие В. Святухина не имеет даты. На помощь пришел коллекционер из Москвы А. К. Ганулич*. В его коллекции нашлось изделие кунгурского мастера с датой изготовления — 1817 год.

Но и это еще не все: в коллекции Анатолия Константиновича оказался более ранний колокольчик другого кунгурского мастера — Петра Кожевникова. Он изготовлен, как гласит надпись на изделии, в 1811 году.

В нашем сознании упоминание о колокольчиках обязательно ассоциируется с тройкой. Но извоз (караван подвод) тоже не обходился без звонкого колокольчика. К передним саням крепилась звонница: шесть колокольчиков, и у каждого свой голос. Да и у каждой лошади под дугой — колокольчик. Звону много — веселей дорога.

Промысел «бронзовых музыкантов» на уральской земле процветал не только в Кунгуре. Правда, о нем во многих местах давно забыли. Произведения умельцев утеряны, а вместе с ними остаются в забвении и имена мастеров.

Литьем колоколов славился Суксунский завод, вступивший в строй в 1729 году. В нем действовала фабрика для плавления меди и отливки колоколов. Завод находился близ Московско-Сибирского тракта и снабжал ямщиков «звонким» товаром. О качестве суксунского литья рассказывает такой факт: когда в Большом театре после пожара, произошедшего в 1853 году, потребовалось заменить разстрекавшиеся колокола его знаменитой звонницы, дирекция обратилась к суксунскому умельцу Михаилу Ерофееву. И мастер отлил 48 колоколов различных тонов. До сих пор уральская медь звучит в

* А. К. Ганулич — автор «Уральского следопыта». См. его заметки «Бакусевские колокола» (1997, №8-9).

Колокольчик с надписью: «Лил сей колокол Василий Святухин в Кунгуре».

Колокольчик, изготовленный в Тюмени в 1807 году.

Разные образцы поддужных колокольчиков.

«Борисе Годунове», «Иване Сусанине» и других операх русских композиторов.

Ерофеев отливал и поддужные колокольчики. В мастерской он работал с сыном. К сожалению, изделий ерофеевской работы пока обнаружить не удалось. Может, они изготовляли их без паспорта-автографа?

В 1887 году в Екатеринбурге Уральское общество любителей естествознания организовало и провело Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку. В кустарном отделе было представлено все лучшее, что производилось умельцами не только Пермской, но и Нижегородской, Московской, Тобольской и других губерний. Выставка выявила и уральских умельцев, произведения которых были отмечены строителями выставки.

В числе участников был кустарь-литейщик из села Ильинского Пермского уезда Петр Артамонович Симанов. Меднолитейным делом он начал заниматься в 1883 году. Сначала плавил бронзу в графитовом тигле в горне кузницы. Затем построил литейную мастерскую, где создавал колокольчики уже из латуни высокого качества. Не случайно «за удовлетворительное изготовление колокольчиков» П. А. Симанов был удостоен почетного отзыва выставки. Спрос на его продукцию был велик. Звончатые изделия его работы охотно раскупались в Пермском, Оханском и Соликамском уездах. В мастерской он работал один.

Приходится лишь сожалеть, что не находится изделий этого мастера ни в музеях, ни в частных коллекциях. Возможно, и он не ставил автографов на своих колокольчиках?

В пореформенное время промысел получил развитие во многих заводах. Выставка познакомила с

творчеством умельца из Невьянского завода Ивана Ефимовича Тюкина. Его колокольчики также были отмечены почетным отзывом. Однако и они не дошли до нас. Из «Очерка состояния кустарной промышленности Пермской губернии» видно, что в 1895 году в Невьянке меднолитейным промыслом занимались в двух домах. Промысел был семейный.

В музее коневодства Тимирязевской сельскохозяйственной академии экспонируется колокольчик Егора Хренова из Баранчинского завода. В Сысерти одним из мастеров был Алексей Дмитриевич Стихин, который отливал звонкий товар в своей мастерской с 1852 года. В селе Шарташ Екатеринбургского уезда колокольчики изготавливал Галактион Александрович Пастухов. В городе Перми меднолитейным делом занимался Мохов. Его мастерская действовала с 1799 года. Но колокольчиков с такой датой обнаружить не удастся. Самым ранним датированным колокольчиком в России считается изделие валдайского мастера Филиппа Терского, отлившего колокольчик с автографом в 1802 году.

Известно имя шадринского литейщика Дмитрия Александровича Поднебесных. Из Полевского народного краеведческого музея сообщили, что до 1917 года на заводе работали три брата-кустаря Семен, Иван и Григорий Чирухины. Занимались цветным литьем Илья и Иван Горнушнины. Они отливали колокольчики только по индивидуальным заказам. В 1895 году в Полевском цветное литье практиковалось в пяти дворах, причем в них работало 15 наемных мастеров.

Как видно, не редким был промысел на Урале — раз столько городов и заводов уральских отзываются мелодией колокольных звуков.

Еще один колокольчик.

Крупным центром производства «бронзовых музыкантов» был город Тюмень. Известно, что еще в 1605 году сюда из России пришли ямщики и поселились в затюменской части города, образовав первую ямскую слободу в Сибири.

Тюменский округ лесист и болотист, пахотных земель не лишку, да и те малоплодородны. Многие оставили соху, косу и принялись за ремесло. Широкого развития достигли кузнечное и литейное производства.

В коллекции автора имеется колокольчик, изготовленный в 1807 году тюменским мастером Давидом. К сожалению, фамилию разобрать не удается.

Промысел в Тюмени развивался сравнительно быстро. Это и понятно: спрос на звонкий товар был немалый. В середине XVIII века в России было более 43 тысяч ямщиков. Из них в Сибирской губернии (по учету 1775 г.) жило почти 10 тысяч. Изготовление колокольчиков было первоначально делом семейным, и секреты мастерства передавались по наследству. Потом литье организовали владельцы небольших мастерских, где работали и наемные мастера.

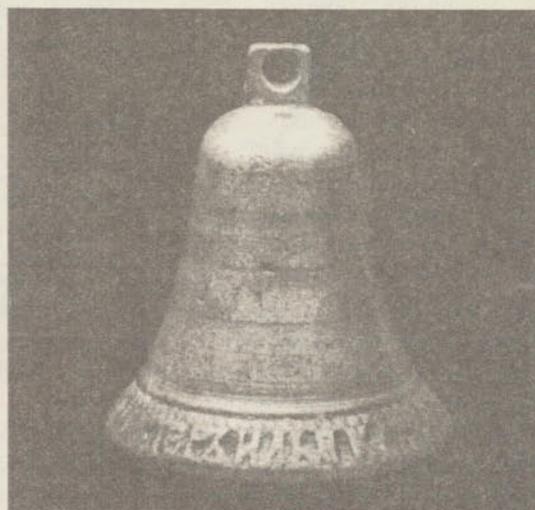
В 1820 году на рынках России появился поддужный колокольчик из мастерской Поликарпа Гилева. В ней работали наемные мастера. Изделия этих умельцев можно видеть в экспозиции Пермского областного музея, Центрального музея связи им. А. С. Попова. Предприятие Гилева существовало до революции, передавалось по наследству не одному поколению — от Поликарпа сыну Ивану, позже — внуку Петру, от которого перешло его сыновьям. На отливках последних лет они ставили паспорт: «Сыновья П. И. Гилева».

Известны изделия других мастеров из Тюмени. В Нижнетагильском краеведческом музее экспонируются колокольчики Якова Серебренникова и В. Шапошникова.

География производства поддужных колокольчиков на Урале и в Зауралье весьма обширна. Толь-

ко скрыта от нашего взора слоем забвения. Время вытеснило ямщицкие тройки, обозы. Умолкли колокольчики, потух и их промысел в России. Но интерес к «звонкому товару» малых форм не ослабевает.

В наши дни поддужные колокольчики — большая редкость, их теперь никто не производит. Дошедшие до нас отливки подчас уникальны, ибо умельцы часто изобретали новые литейные процессы, применяли свои сплавы и особые редкие приемы. Некоторые изделия созданы в немногих экземплярах. Каждое ценно тем, что раскрывает то или иное направление старинного промысла, демонстрирует вкус и искусство замечательных мастеров.

Образцы поддужных колокольчиков.

Вадим БЕРЕЩЕВ, г. Чермоз Пермской обл.

С Пушкиным на дружеской ноге

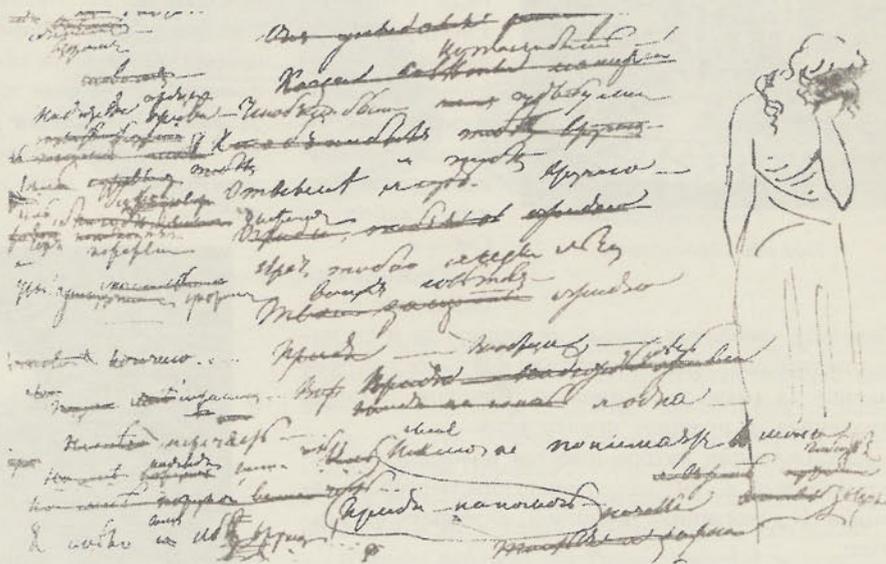
В шести верстах от Усть-Косьвы на правом притоке реки Камы — речке Чермозе — жил был Чермозский завод, принадлежавший армянским промышленникам Абамелек-Лазаревым.

Деревушка Чермоз, как селение, известна с 1724 года. Тогда она числилась в составе Орловского «присуда» Строгановских вотчин в приходе села Кыласова. Жители селения, видимо, были коми-пермяки, на что как указывают корни слов в их фамилиях: Кыласовы, Кичановы, Тянучины и других, так и самое название речки — Шормос («шор» — река, «Мес» (э) — корова; «Коровья река»).

При разделе имений между баронами Строгановыми в 1762-63 годах уже упоминается строящийся Чермозский медеплавильный завод, принадлежащий барону Григорию Николаевичу Строганову. В 1771 году выходец из Армении Лазарь Назарович Лазарев взял его у барона в аренду на шесть лет. Затем Строгановы окончательно продают имение с заводом сыну первого арендатора, Ивану Лазаревичу Лазареву, за 450 тысяч рублей.

Медеплавильный завод еще при Строгановых реконструируется в железодельный. С открытием Кизеловских рудников здесь была возведена домна и поставлено шесть кричных молотов.

К Абамелек-Лазаревым Чермозский завод перешел как наследство по женской линии в 1863 году. Он был исключительно железодельным. Давал в слитках 1 миллион 600 тысяч пудов, из коих вырабатывалось листовое железо. В заводском селении в 1910 году

Фрагмент рукописи и рисунка А. С. Пушкина.

проживало 5 564 человека.

Чермозское кровельное железо было исключительно хорошего качества. До настоящего времени сохранились постройки, покрытые кровельным листом начала прошлого века. Завод существовал до 1955 года и был закрыт в связи с постройкой ГЭС на Каме.

А кто же были те армянские выходцы Абамелек-Лазаревы?

«Вместо пустынь, покрывающих поля древней Армении, возникнут богатые селения, а может быть, и города, населенные жителями промышленными и трудолюбивыми». Слова эти, написанные 170 лет назад и звучавшие тогда несбыточной фантазией, принадлежали полковнику Российской Армии Лазарю Якимовичу Лазареву. Он был знаком с Жуковским, Пушкиным, Грибоедовым, встречался с Александром Гумбольдтом. Вяземский называл его приятелем — но ни в одной работе, посвященной окружению Пушкина или Грибоедова, его имени нет. Лишь однажды среди людей, встречавшихся с Пушкиным в Москве, мелькнуло упоминание о

«полковнике Лазареве», но в комментариях его спутали с одним из его старших братьев.

У Якима Лазаревича Лазарева, одного из основателей Лазаревского института восточных языков, богатейшего промышленника и землевладельца, было четыре дочери и четверо сыновей: Иван, Христофор, Артемий и Лазарь.

Старшие сыновья, Иван и Христофор, стали чиновниками Коллегии иностранных дел, с юных лет помогали отцу в управлении имениями и заводами; а младшие, Артемий и Лазарь — военными. Артемий Лазарев служил в лейб-гвардии гусарском полку, отличился во многих сражениях Отечественной войны 1912 года и погиб в «битве народов» под Лейпцигом. В это время самый младший из братьев, шестнадцатилетний Лазарь, тоже стремился в действующую армию. По его настоянию отец обратился с ходатайством в военное министерство, прося определить в гусарский полк «меньшего сына моего Лазаря, служившего в институте путей сообщения в офицерском звании». И Лазарь Лазарев отправился в Брест-Литовск к командиру резервного кавалерийского полка генералу А. С. Кологривову.

Как раз в это время в штабе Кологривова служили братья Д. Н. и С. Н. Бегичевы и А. С. Грибоедов. Лазарева зачислили в лейб-гвардии гусарский полк, в эскадрон, которым командовал князь Петр Семенович Абамелек, храбрый офицер и родственник Лазаревых: его брат, Давыд Семенович Абамелек, полковник того же полка, был женат на сестре Лазарева, Марфе.

Деятельная натура Лазарева явно томилась в бездействии, он мечтал о сражениях, но осенью гвардейские резервы вернулись на родину.

В письмах к родителям он упоминает о намерении взять учителей и учиться армянскому языку. Тяга к знаниям была характерна для многих офицеров молодого возраста, вернувшихся на родину после победы над Наполеоном.

Полезным своему Отечеству Л. Е. Лазарев сумел стать через несколько лет, когда принял участие в русско-персидской войне, и ему очень пригодились уроки армянского языка.

В 1827 году командир отдельного кавказского корпуса генерал-адъютант Паскевич,

имея надобность в чиновниках, заслуживающих доверия и вместе с тем уважения армянского народа, просит, чтобы полковник Лазарев был назначен к нему по особым поручениям. Лазареву было дано задание переселить 8 тысяч армянских семей — по условиям Туркманчайского договора России с Ираном.

Знакомство Лазарева с Грибоедовым произошло раньше — 11 февраля 1826 года. В письме Лазарев писал: «...посылаю это письмо с господином Грибоедовым, родственником генерал-аншефа, рекомендуя его вам, не потому что он родственник его, но как человека редкостных качеств, безупречной честности и без малейших претензий».

Л. Е. Лазарев вернулся в Москву в 1829 году, и в декабре в своем Институте восточных языков он принимает знаменитого Александра Гумбольдта.

В марте 1831 года супруги Пушкины и полковник Лазарев участвуют в санном катании. Затем Лазарь Якимович уехал за границу, где вскоре женился на принцессе Бирон-Курляндской. Владелец огромного состояния, он то приезжал в Россию, то жил за границей. Умер почти одновременно с братом Христофором, в 1871 году.

Последний владелец Чермоозского завода, князь Сергей Сергеевич Абамелек-Лазарев входил в окружение Льва Николаевича Толстого, неоднократно бывал в домах писателя — в Ясной Поляне и в Москве. Об этом писала в своем дневнике Татьяна Львовна Сухотина-Толстая, дочь Льва Николаевича.

Рисунок А. С. Пушкина.

Игорь СЕМЕНЧИК, г. Екатеринбург

Поцелуй Одарки

Ветер бойко раскачивал красочные транспаранты, которые поздравляли жителей и гостей столицы индустриального Донбасса — Донецка с 35-й годовщиной освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Шел сентябрь 1978 года.

С полотенцем через плечо я направился в умывальную из комнаты, где квартировал со своим земляком, Героем Советского Союза В. Шабуровым — так же, как и я, ветераном 230-й Донецко-Берлинской стрелковой дивизии. Оба мы приехали на встречу с однополчанами по случаю знаменательной даты.

Две девушки, шагавшие по коридору, остановились, пристально глядя на меня.

— Скажите, — спросила одна, — кто тут у вас главный?

— А что случилось?

— Да у нас в училище классный час. В нашей группе. Хотелось услышать кого-нибудь из ветеранов, освобождавших наш город.

Когда мы вошли в комнату, я сказал:

— Валентин Иванович, вот девчата на свидание приглашают.

— Ой, пожалуйста, тут совсем рядом, — хором воскликнули гости.

— Ждите на крыльчке. Через пять минут будем, — ответил Шабуров.

30 пар девичьих глаз встретили нас с нескрываемым любопытством. Еще бы! Двое не очень пожилых мужчин, до пояса увешанные орденами и медалями. А у Валентина Ивановича, в довершение к этому, еще и Золотая Звезда.

Пока классная руководительница — миловидная, лет сорока пяти женщина — представляла нас, я думал о том, что рассказать этим приятным, юным созданиям. Как на моих глазах погиб парторг стрелковой роты, которую наша батарея поддерживала огнем и колесами? Как я чудом остался жив, наклонясь прикурить к солдату, сидевшему рядом со мной в окопе, которому и достался осколок, предназначенный мне?.. Но пове-

Прощание славянки (фото А. Заева).

дать этим милым созданиям я решил совсем другое.

... Вечерело. Пехота еще вела бои на западной окраине, а 1-я линия, ныне улица Артема, по которой неторопливо двигался наш артполк и другие «колеса», уже заполнилась радостными, ликующими горожанами.

На перекрестке, где наша колонна встала, я увидел как-то одиноко стоящую девочку. В руках она держала большую эмалированную кружку, а возле ее ног покоились ведро с водой и корзина с яблоками.

Пить я хотел всегда — тем более, что сентябрь сорок третьего на Украине был для меня, уроженца Екатеринбурга и жителя Свердловска, более чем жарким. Спрыгнув с машины, я подошел к девочке. Простенькое ситцевое платьице, гладко зачесанные черные волосы и торчащие косички. Большие, с детским выражением глаза. И ботинки не по ноге, с порыжевшими, чуть загнутыми носками.. Все это я увидел прежде, чем девочка протянула мне кружку.

— Дядько, будь ласка, испей, — промолвила она.

— Как тебя зовут? — спросил девятнадцатилет-

ний «дядько», выливая на голову остатки недопитой воды.

— Одарка, — немного смущаясь, ответила она.

— А сколько тебе лет?

— Скоро десять.

И тут, совершенно неожиданно для себя, я выпалил:

— Слушай, Одарка, а ты замуж за меня пойдешь, когда подрастешь?

Девочка смущенно потупила очи, густо покраснела и чуть слышно произнесла:

— Пойду.

В это время гудок нашего «студебеккера» прервал начавшийся любовный диалог.

Я чмокнул девочку в приятно пахнущую макушку, шутливо погрозил пальцем («Смотри, не обмани») и побежал к урчащей машине, хрустя яблоком, которое Одарка сунула мне в руку. «Студебеккер» тронулся, «невеста» помахала мне на прощание и навсегда скрылась с моих глаз в клубах поднятой пыли... И тотчас на мою голову посыпался град веселых шуток моих товарищей по взводу управления батареей.

— Ну вот, а говорил, что «умру холостым»...

— Игорь, запиши-ка наши адреса. После войны на свадьбу не забудь пригласить.

— Копите деньги на подарки, — невозмутимо парировал я.

Вот так, шутя и переговариваясь, мы ехали дальше в свою незаконченную войну...

Девушки слушали меня, затаив дыхание. Краем глаза я увидел, как классная руководительница украдкой вытирала слезы, осторожно сморкаясь в кружевной платочек.

...Когда нас с Шабуровым пошли провожать, наставница остановила меня на крыльце.

— Ваш рассказ меня взволновал, — сказала она. — Конечно, чудеса встречаются редко, но вы словно обо мне рассказывали. Я ведь Одарка Тарасовна и жила тогда неподалеку от 1-й линии; а в тот день, 6 сентября сорок третьего, стояла именно там, встречая Красную Армию. И ботинки я дон-

Барабаник 41-го (фото В. Поветкина).

шивала от старшей сестры: они мне были великоваты, и мама подкладывала в носки тряпочки...

— А как насчет свадьбы? Может, этот пароль?..

— Что вы! Наверное, каждый второй вашего возраста, что угощались моей водой и яблоками, обещал жениться, правда, после Победы, и целовал на прощание. Так что я точно сказать не могу. Вот уже много лет минуло, а как будто вчера...

Женщина на минуту замолчала, а потом кинула на меня озорной взгляд:

— Игорь Викторович, вы не будете возражать, если я верну вам поцелуй, что забыла сделать маленькая Одарка?

— Ни коим образом, — твердо ответил я.

Наталья ПОЗДНЯКОВА, г. Екатеринбург

Мещане Титовы и купцы Елтышевы

Когда-то давно мы ездили в Кунгур посмотреть знаменитую ледяную пещеру. По сравнению с ее экзотическими красотами старинный город выглядел скромно, но когда экскурсионный автобус подъехал к гостиному двору, мне показалось, что я когда-то уже была здесь — сводчатые проемы навевали смутные воспоминания. Я тогда не знала еще, что несколько поколений моих предков жили в этом городе.

О том, что мой дед, Иван Иванович Титов, был кунгурским мещанином, я с удивлением узнала из метрической записи Введенской церкви Нижнетагильского завода, где нашла сведения о рождении моего отца. Его родители покинули Кунгур и поселились в Нижнем Тагиле в самом конце XIX века.

Семейная легенда гласит, что прадед, Иван Афанасьевич Титов, сделал крупную закупку товара, но караван пропал в дороге при таинственных обстоятельствах.

Потеряв все движимое и недвижимое, он вынужден был поступить на службу к кунгурскому купцу Дмитрию Ивановичу Елтышеву, чья обширная торговля простиралась вплоть до Красноярска. Тот послал его в Нижнетагильский завод своим доверенным лицом.

Младший его брат, Петр Афанасьевич, жил тогда в Красноярске, имел просторный дом на берегу Енисея. Не в фирме ли Елтышевых он работал? Фотография «дяди Пети», где он слегка похож на последнего русского царя, хранилась в альбоме моей прабабушки.

Через непродолжительное время Иван Афанасьевич тяжело заболел, не перенеся столь сокрушительного удара судьбы. Старший его сын, Иван Иванович, мой дед, тогда совсем юный, занял место отца. Торговое дело было ему знакомо, он с малых лет служил «мальчиком» при магазине, а с двенадцати лет отец брал его на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки.

В семье я слышала рассказ о том, как Иван Афанасьевич с сыном выехали ранней погожей осенью по торговым делам. В пути застала их непогода. Ненастный дождь вскоре перешел в снег. Когда, увязая в сугробах, кое-как добрались до жилья, у

*Петр
Афанасьевич
Титов,
«красноярский
дядя».*

мальчика от холода так распухли ноги, что пришлось разрезать голенища кожаных сапог. С тех пор дедушка, несмотря на железное здоровье, иногда страдал приступами ревматизма.

Позже Иван Иванович успешно окончил Петербургские частные коммерческие курсы. Свидетельство об их окончании в 1904 году и серебряный с эмалью значок выпускника каким-то чудом сохранились в семье, несмотря на все ужасы реквизиций послереволюционных лет. Сохранилась даже его ученическая тетрадь с записями торговых расчетов.

Через несколько лет деду удалось восстановить достаток. Он купил хороший дом, обзавелся хозяйством и в 1908 году женился на молоденькой тагильской красавице Наталии Яковлевне Прокопьевой. В годы Гражданской войны имущество семьи было изрядно разорено, а в период свертывания НЭПа весь оставшийся скарб вместе с домом, флигелем и скотиной был отобран в счет налога. Сам Иван Иванович окончил свои дни в 1938 году на печально знаменитом 12-м километре Московского тракта под Свердловском. Его трагическая судьба и подвигнула меня восстановить утраченную связь поколений.

Через пермскую Ассоциацию генеалогов-любителей я узнала номера архивных фондов городского магистрата и городской думы Кунгура. Сделав запрос в тамошний архив, получила выписки из обязательских книг за 1810-1856 годы и из них узнала вот что.

В 1810 году в Кунгуре проживали пять мещанс-

Аполлиария Васильевна и Иван Афанасьевич Титовы.

Иван Иванович Титов.

ких семейств с фамилией Титовы. Четверо глав этих семей имели отчество Федорович: Федор Федорович, 34 лет, с женой Анной Ларионовной, в девичестве Черепановой, мещанской дочерью; Егор Федорович, 42 лет, с женой Анной, дочерью мещанина Ивана Суворова; Илья Федорович, 50 лет, его жена Пелагея была из семьи мещанина Петра Сартакова.

Самому старшему из Федоровичей, Петру, было 64 года. Он был женат на крестьянке Федоре Михайловне, в девичестве Масленуховой. Можно только гадать, были ли родными братьями эти люди. Разница в 30 лет между старшим и младшим настораживает, но все же родство возможно — если предположить, что их отец рано женился и, овдовев, был женат вторым браком.

Все младшие Федоровичи торговали съестными припасами, а старший — Петр — промышлял шитьем кожаных сапог. Он и был моим предком в шестом колене.

К 1825 году в Кунгуре числились три семьи Титовых, и в их числе — Иван Петрович, 39 лет, женатый на дочери мещанина Ефима Скрипова Прасковье. Этот мой предок в пятом колене, как и его отец, кормил семью шитьем сапог. В 1825 году у

него было четверо детей: Егор, 12 лет; Афанасий, 11 лет; Татьяна, 6 лет, и Яков, 3 лет. Отрок Афанасий и стал впоследствии отцом неудачливого предпринимателя Ивана Афанасьевича.

Имена Титовых и Елтышевых мелькают в периодических изданиях: «Адрес-календарь Пермской губернии», «Ирбитская ярмарка», «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь», выходявших со второй половины XIX века.

Однажды в журнале «Юность» за 1993 год я прочла публикацию корреспондента «Красноярского комсомольца» А. В. Елтышева.

У меня почему-то не возникло даже сомнений в том, что это потомок «тех самых» Елтышевых. Я написала письмо — фактически, «на деревню дедушке»; но удивительно скоро получила ответ. Действительно, деды и прадеды Александра Владимировича Елтышева были купцами, торговали в Красноярске, Енисейске и других городах Сибири и Урала.

Я долго не публиковала этот материал, надеясь пополнить его новыми сведениями, но теперь рискнула все же обнародовать в надежде, что кто-то увидит знакомые имена, и откроются новые обстоятельства.

Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ, г. Екатеринбург

Двурекий Иж

Воздействие человека на естественный природный ландшафт, которое мы именуем антропогенным, порой приводит к неожиданным и довольно любопытным результатам. И необязательно негативного характера. Примером может служить река Иж, разделенная прудом Ижевского завода на две реки.

Иж — правый приток Камы. Протекает по территории Удмуртии, с севера на юг, начинаясь родниками в логах возвышенного плоскогорья в нескольких километрах

от истока реки Вотки, и впадая в Каму в 54 километрах ниже устья Белой, ее левого притока. Длина Ижа — 220 километров. Он достаточно полноводен, но не судоходен. Пароходы и теплоходы могут заходить в Иж всего на несколько километров и только при высокой воде.

В 1757 году граф П. И. Шувалов получил согласие императрицы Елизаветы Петровны на постройку в Прикамье железодельных заводов. Для одного завода горный мастер А. С. Москвин подыскал место на реке Вотке, для другого — на реке Иж, в семидесяти километрах от ее истока, «где, — как он сообщал Шувалову, — леса и прочие удобства, кои никому не отведены, имеются».

Действительно, в те времена обширные пространства этого края покрывала глухая тайга с вековыми, не слыхавшими топора, еловыми, пихтовыми и сосновыми лесами.

В 1760 году началось возведение плотины и первых фабричных зданий на правом берегу Ижа ниже плотины. Через три года Ижев-

Река Иж.

ский завод выдал первые 7 тысяч пудов железа.

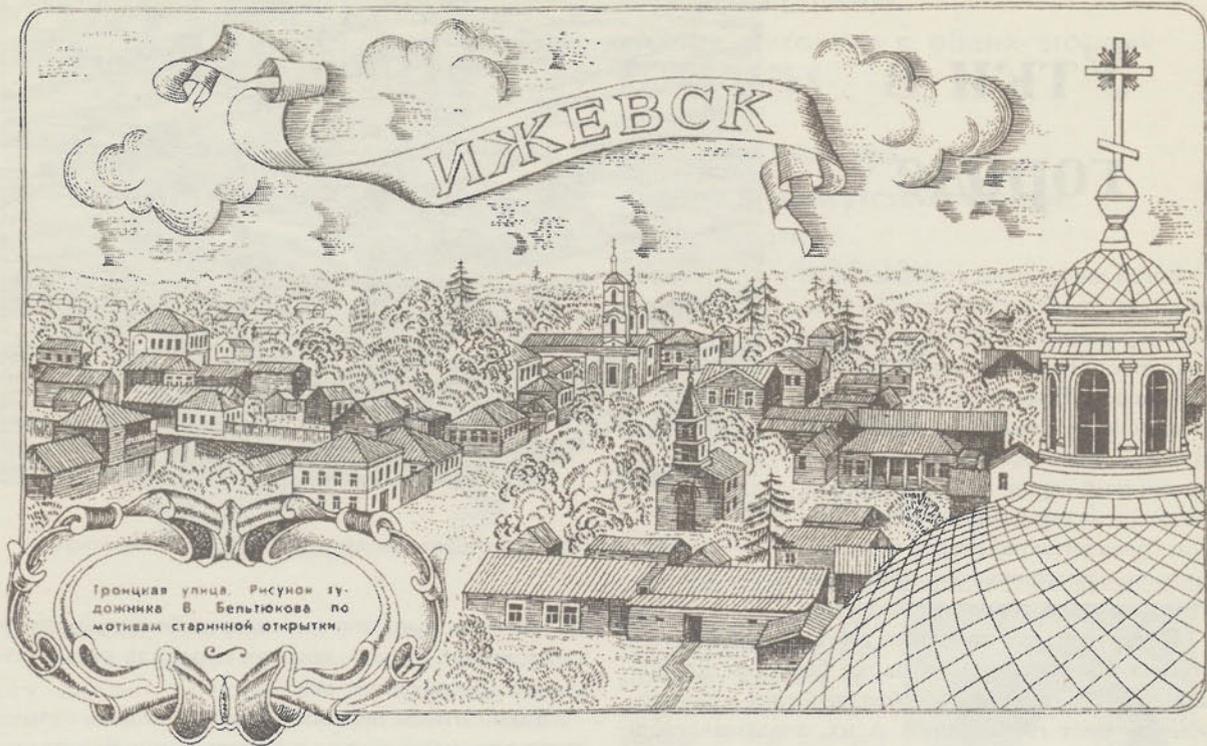
А с 1807 года стал заводом оружейным — третьим в России после Тульского и Сестрорецкого.

Заводская плотина представляет собой грандиозное инженерное сооружение. Она перекрывает сравнительно неширокое русло Ижа и продолжается высокой дамбой по низменному побережью, ставшему дном пруда. Уже в те годы зеркало разлившегося выше плотины пруда равнялось 18 квадратным километрам.

За двести лет своего существования, к середине XX столетия, пруд превратился в обширное озеро длиной в 12 и шириной в 2,5 километра с устоявшейся береговой линией, определенным, присущим только ему, гидрологическим режимом, со своей экосистемой.

Это озеро и разделило Иж на две реки.

Одна река — нижний Иж — вытекает из озера через проран в заводской плотине и бежит в Каму; другая — верхний Иж — впа-

Старый Ижевск.

дает в озеро, пополняя его водой и делая проточным.

В этом явлении — разделении реки заводским прудом — ничего необычного нет. На Урале таких примеров насчитывается не один десяток. Случай с Ижем интересен тем, что в центре верхнего Ижа в сравнительно короткое историческое время сложилась речная дельта. Этому способствовали рельеф (плоская, низменная равнина выше озера) и само озеро. Огромная масса его воды создала речному потоку верхнего Ижа своеобразный подпор, «плотину», перед которой Иж стал разливаться вширь, затапливая низину. Возвышенные же участки превращались в острова, которые отсекали от Ижа протоки — так называемые воложки. Кроме того, возникали островки из речных наносов. Они быстро зарастали кустарниковой ивой, ольхой, тростниками, осокой, другими травами, укреплявшими грунт островков.

Так сложилась в устье верхнего Ижа дельта.

Это событие в природе не осталось незамеченным жителями края. Русские люди, срубившие избы в верховьях пруда, по воложкам ижской дельты называли свое поселение Воложкой...

Кустарники и травы превратили протоки и заводи дельты в зеленые туннели, в лабиринте которых можно и заблудиться.

Отметим еще одну особенность дельты верхнего Ижа. В его основном, главном речном потоке течение быстрое, даже стремительное, вода мутная, красноватая от примесей глины. В протоках и заводах течение слабое, а то и вовсе отсутствует, и вода здесь светлая, просматриваемая до дна. Хорошо заметна четкая граница между мутной бегущей водой потока и светлой, неподвижной — заводей.

За минувшие годы в дельте верхнего Ижа сформировалась своя водная и околородная фауна. Велика сила жизни природы. И, если ей не мешает человек, она быстро заполняет свободные экологические ниши, расширяет ареалы растительных и животных видов.

Павел ТОЛСТИКОВ

Утки в городе

Когда дикие утки с юга летят на север, они представляют из себя «живые треугольники». Летят и любуются Уралом: его Камским морем, красивцем-озером Таватуй и волшебными Пельмскими туманами. И вот что удивительно: облюбовали дикие уточки наш город — Екатеринбург. Несмотря на шум заводов и гул авиации, треск автотранспорта и загазованность атмосферы, они приводняются на разных городских водоемах.

Интересно, что залетные гости прежде всего опускаются на озерцо в парке бывшего Дворца пионеров. Здесь у них своеобразный слет и распределение мест гнездования. А их, оказывается, в Екатеринбурге предостаточно. Вот что пишет научный сотрудник отдела юных натуралистов Дворца творчества учащихся Марина Сергеевна Галишева: «Учащиеся кружка орнитологов за 50 лет наблюдений обнаружили на территории пруда Дворца творчества учащихся следующих уток: кряква, хохлатая черныш, красноголовый нырок, чирок-трескунок. В последние годы отмечали стаи в 100-120 уток. В основном это кряквы и 1-2 черныши, чирок. На озере Шарташ встречаются те же утки плюс шилохвость, но гнездятся только кряквы. На пруду бывшего Дворца пионеров утки не гнездятся, а бывают лишь на пролете весной и осенью».

На снимке, который вы видите, селезень и его сударочка. Это бывшие «делегаты придворцового слета». Наблюдают диких уток и посетители дендрария Уральского отделения Академии наук, что расположен во ВТУЗ-городке. Выпарив утят в укрытом от людских взоров месте, мама-утка ведет их на водоем. Обитатели Екатеринбурга — и старые, и малые, — любят десятком птенцов, охраняют и подкармливают утиное семейство. Вечерами мама-утка ведет своих цыплят на островок, что расположен на небольшом озерце дендрария. Любопытные наблюдали случай, когда папа-ут сбрасывал с дерева на землю крошечные существа — народившихся утят. А на земле их подбирала мама-утка и спешно вела на водоем. Наблюдали и

Утки на пруду бывшего Дворца пионеров. Май 2001 года. Фото автора.

то, как взрослые утки гонялись на большом пруду за хищницей-щукой, которая норовила умыкнуть утенка... Да разве это все?

Дикие птицы первыми бросили клич о содружестве живой природы и цивилизации. Екатеринбург, как и другие города мира, отнесся к этому с пониманием. Жители охотно встречают птиц, оберегают от отстрела, создают им условия для гнездования и выведения потомства. За перелетными птицами наблюдают орнитологи Дворца творчества учащихся, группы ребят из разных школ, юные следопыты и умудренные ученые из института экологии УрО РАН. Именно они, ученые, создали и выпустили недавно великолепную энциклопедию «Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири».

Кстати сказать, к перелетным птицам с большой заботой относятся все европейские государства. Маленькая Голландия на своей территории создала для уютной жизни птиц 17 заповедников! Без крылатых собратьев жизнь человека в условиях урбанизации была бы куда беднее.

Автор этой заметки, Павел Поликарпович Толстик — краевед, ветеран войны и труда, — отметил нынче своеобразную «круглую» дату: сорокалетие сотрудничества с журналом «Уральский следопыт» в феврале 1962 года в журнале появилась его первая заметка.

С тех пор наша дружба продолжается. С юбилеем Вас, Павел Поликарпович!

Руслан СРЕДНИЙ
«Меч с рукоятью с обеих сторон»
Юрий АВРЕХ
Стихи
Елена ЗАХАРОВА
«Весна в присутствии любви
и бессмертия»
Татьяна СУВОРОВА
Миниатюры
Евгения ИЗВАРИНА
Стихи
Валерий ПАВЛОВ
Пародии
Римма КИРПИКОВА
Стихи

Уважаемые читатели, здравствуйте!

Декабрь — время подведения итогов, подсчета наших «цыплят», т.е. подведения литературных итогов года истекшего. Сначала о хорошем. За этот год удалось сделать многое. Во-первых (и это самое главное) всероссийский журнал «Уральский следопыт» продолжает жить и здравствовать. Мы его сохранили, и даже сделали лучше — теперь у журнала бывает цветная обложка. В «Аэлите» продолжают активно публиковаться начинающие писатели-фантасты и прозаики реалистического направления в современной литературе, поэты.

Во-вторых, в течение всего 2002 года на наших страницах преобладают произведения писателей-«добрян». Мы поддержали это литературное течение с момента его возникновения, поскольку полностью разделяем их взгляды и идеалы. Под рубрикой «Литературное течение «Добряне» публиковались наряду с широко известными авторами, такими как Алексей Решетов, Владимир Блинов, Юрий Конецкий, Вадим Осипов, Любовь Ладейщикова и начинающие свой творческий путь молодые писатели и поэты — Сергей Ивкин, Елена Палтусова, Полина Рублева, Елена Костина, Наталья Бурдина.

В-третьих, в конце года в «Библиотеке «Уральского следопыта» появилась новая книга — «Добряне». Этот литературный альманах получил широкий резонанс в творческой среде, и одна из критических статей опубликована в этом номере. В альманахе вошли стихи и рассказы двадцати восьми авторов из Екатеринбурга и Москвы, Каменска-Уральского и Верхнего Тагила, Сухого Лога и Ханты-Мансийского автономного округа. Книга предназначена в помощь учителям. Она может быть использована как региональ-

ный компонент на уроках литературы. Сейчас готовится выйти в свет второй выпуск этого альманаха. В нем Вы сможете прочитать произведения В. Блинова, А. Титова, Ю. Казарина, Е. Касимова, Б. Телкова и других как известных, так и молодых авторов-«добрян». Но надо сказать и о том, что не все нам удастся. Журнал выходит не всегда во время. Малы пока его объем и тираж. Но коллектив не опускает рук. Мы помним о тех людях, которые работали в «Уральском следопыте», помним о вас, уважаемые читатели. Верю, что со временем журнал крепко встанет на ноги.

В новом году мы постараемся порадовать вас не только новыми художественными произведениями, но и литературной критикой, рассказами о творчестве художников. «Уральский следопыт» останется верен себе, он будет искать новые таланты, открывать новые пути в литературе.

От всей души, от всего сердца я поздравляю вас, дорогие читатели, с Новым годом! Желаю вам в 2003-ем Счастья, Добра и Света!

А писателям, поэтам и драматургам — новых творческих удач, находок и свершений!

*Петр Родимов,
редактор отдела художественной литературы.*

Меч с рукоятью с обеих сторон

ЛЕТОПИСЬ XI

*«Грех описывать горы словами»
(старинная лесная поговорка)*

Руша спал крепко, сочно похрапывая, когда его разбудил Дракон. Руша сразу открыл глаза.

— Ты просил разбудить, если успеешь, — сонно пробасил Дракон. — Куда ты собрался на почь глядя? Один, без охраны? Может, я могу тебя сопроводить?

— Нет. Ты останешься во дворце. Я сделаю это сам.

— Там на улице еще с вечера ждет Ягуар. У него какие-то веревки и птичья клетка. Вы собрались на охоту?

— Нет, — тихо ответил Руша, потирая лицо руками и пащупывая в темноте муцидир. — Да, я расскажу тебе завтра утром.

В сумерках Кевнишский правитель в сопровождении Ягуара вышел из ворот дворца. Прохладный влажный сквознячок летел с моря, теребил траву, заплетая в се косы запах прибрежных оливок. Ягуар закашлял, и Руша прибавил шаг. Решили идти пешком. С дальних полей донеслось неслаженное стрекотание сонных Кевиков. Пошли через лес по тропе: так было короче. Черные стволы деревьев проплывали мимо идущих. В лесу было еще прохладней, и Ягуар совсем замерз. Он тащил на себе всю амуницию и едва успевал перепрыгивать через сучья и кочки, пытаясь не отстать от квадратной спины своего повелителя. Начало светать еще в пути, и вместе с этим светом на лес опустился туман. Густой, белый, как молоко, туман заполнил почной лес. Солнце еще не взошло, но от этого тумана стало светлей, словно бы он светился изнутри. В конце концов Руша перестал различать даже собственную вытянутую вперед руку. Тогда он остановился и окрикнул Ягуара. Тот отозвался спустя минуту откуда-то слева; затрещали ветви, взлетела птица, и Руша двинулся дальше. Почти на ощупь они отыскивали утес над озером. С трудом забравшись на вершину, Руша велел Ягуару подать ему мешок с

орехами, но выяснилось, что Ягуар забыл взять орехи. Гнев Руши вспыхнул, как молния. Он велел Ягуару подойти к нему. Но Ягуар, чувствуя смерть, пятился.

— Подойди ко мне, мерзкое животное! — рычал Руша. Но Ягуара не было видно в тумане. И тогда Руша, хватая камни, стал наугад швырять их туда, где только что стоял Ягуар. Камни исчезали в туманном молочном воздухе, через мгновение слышен был удар и грохот рассыпающихся осколков. Руша прислушивался, не доносится ли среди этих звуков вскрик этого идиота Ягуара. С минуту так побросав камни, Руша ослабел. До конца так и не ясно было, попал он в него или нет. Кевнишский правитель рычал, а затем, отыскав на земле клетку, стал бегать с ней по вершине утеса от одного склона к другому, неразумно рискуя оступиться и упасть в озеро. Так он встретил утро.

Как только взошло солнце, туман закрутился и белым холодным морем опустился ниже к земле, оголив тем самым один высокий камень на вершине утеса. Прижатый солнцем к земле, туман сделался еще плотнее, стал похожим на море, море это дышало, подымалось, как грудь, и спадало, давая свободу ветру, который, словно проснувшись, помчался над белыми волнами, ударил Рушу в грудь, и правитель, совсем забывшись, выронил клетку из рук. Кевнишский правитель стоял теперь на узком скользком камне, окруженном до горизонта таинственной белой стихией. Солнце поднялось над молочным океаном, и Руше показалось, что ничего больше нет на свете, кроме солнца и этого океана. Все оказалось далеко утопленным на дне. Только во все стороны до горизонта белое поле, и солнце, и он, зачем-то пришедший сюда. Его память, точно оставленная там, внизу, отказывалась напомнить ему, кто он и зачем он сюда пришел. Зачем он пришел в этот прекрасный мир? Ему неожиданно стало открываться, что этот мир красив, он до слез вдруг начинал понимать, что любит его. Что все остальное как тень, как глупая игра, злая игра, пустая игра. Тяжелая и невыносимая мука играть остыла, и человек почувствовал легкость. Как хорошо, что она утонула теперь. Утопили железные пра-

Окончание. Начало в № 11.

вила, утонули и ржавеют сейчас на дне ее законы. Да. Как она была смешна, эта глупая игра, в попытке походить на жизнь.

Руша вернулся во дворец к вечеру, закрылся у себя, устал на кровать и сразу уснул. Сон, который он увидел в ту ночь, Руша уже никому не рассказывал, даже Дракону.

С того дня Кевишский правитель стал еще более молчалив и несдержан. Вспышки злости сменялись вдруг неожиданно глубокой задумчивостью и в крайних случаях безразличием ко всему. Теперь он мог за минуту подписать до ста смертных приговоров, а потом все их аккуратно порвать, внимательно прислушиваясь, как трещит в его руках бумага. Раньше этого не случалось с Кевишским правителем, и Дракон забеспокоился о его здоровье.

ЛЕТОПИСЬ XII

Долгие годы о Руше ходил в лесу совсем уж сказочный слух. Будто бы у него на спине с детства начинало расти крыло, большое, крепкое, со смоляными блестящими сизыми перьями. Не два крыла, как обычно это бывает у птиц, а одно и, говорят, большая сила была у этого крыла, огромная мощь. Слухи эти подтверждались еще и тем, что в юности Руша, не спимая, носил на спине черепаховый панцирь. Он скидывал его только ночью и с рассветом надевал вновь. Самые отважные болтуны позволяли себе шутить по этому поводу: будто бы Руше стыдно показать эту сильную, но бесполезную конечность, будто бы он предпочитает выглядеть здоровой черепахой, чем покаленной птицей. Слух этот так же подогревало одно еще обстоятельство, которое, впрочем, может быть истолковано по-разному.

Все свое детство и юность Руша не доверял никому — он каждый день менял дворцовую прислугу, каждую неделю — охрану, каждый месяц менял поваров дворцовой кухни. Так было до тех пор, пока не появился летающий Кон. Никто не знает, мог ли Руша испытывать родительские чувства, но Дракону позволялось все, как никому во дворце, да, собственно, и на всем Кевишском острове. Говорят, он единственный мог сидеть в присутствии Руши, он единственный мог безнаказанно перебивать его речь. Наконец, ему единственному было разрешено будить Рушу по утрам. Всему этому должны быть объяснения! Так появился остроумный слух о том, что Руша завидует летающему Кону, как гусеница завидует бабочке.

И действительно, Руша часами мог следить из окна, как резвится в небе молодой Дракон, как шутя он пускает на сосны пламя, и те ярко вспыхивают, обугливаясь и рассыпаясь в прах. Когда Руша стоял у окна, в своем тяжелом панцире, сзади он особенно напоминал черепаху, разве что очень большую. Но как только он начинал двигаться, это впечатление пропадало, потому как Кевишский правитель двигался легко и мягко, как кошка перед атакой. И на охоте, оставаясь в панцире, Руше не было равных в ловкости, верткости и быстроте. Он мог без труда поймать на лету

птицу и в мгновение забраться на самое высокое дерево. Так что скорей всего, ни к чему ему были крылья, да и Дракона он держал при себе, надеясь после смерти завещать ему свой трон. Потому так пристально вглядывался в него, непрерывно оценивая — сможет ли он быть достойным правителем Кевишского острова. А панцирь Руша носил только затем, что боялся удара в спину: он не доверял никому и никогда, потому нигде и никогда не снимал черепаший панцирь. А что народ говорит, вы не слушайте, брешут.

Через год после смерти Руши в лесных летописях был обнаружен ветхий свиток с записями безымянного монаха-провидца и чародея. На свитке в беспорядке были изложены попытки что-то предсказать, какие-то формулы и странные повествования без имен. Нас в этом свитке интересует упоминание о сне, который снился человеку с панцирем на спине:

«Ночью человек ловил туман клеткой для птиц. Туман говорил с ним о том, что если человека так расстраивают поражения, то ОН с этого времени не будет посылать ему знак его поражения, а право послать ему знак победы, если таковая предвидится, он желает оставить за собой».

Свиток этот, конечно, не больше чем ловкая выдумка шутника: в действительности же в ту ночь Руша опрометчиво объелся соленых оливок, и спокойствие его сна регулярно прерывалось болями в животе.

ЛЕТОПИСЬ XIII

Однажды с соленых морей надвинулся на Кевишский остров белый соленый смерч. Подняв воду сладкого моря, он стал горьким и, омыв горечью Кевишский лес, растрепав посадки подсолнечника, поднял с глинистых оврагов песок. Наполнившись песком, смерч отяжелел и замедлил свое движение. Когда же он вступил на акриловые поля, зерна акрила склеили его, и смерч стал похожим на живую гору. Акриловая смола потекла по его бокам, и жадные до смолы муравьи, пчелы и осы облепили смерч со всех сторон. Тогда же, когда сила смерча иссякла, он замер гигантским Олимпом на восточных полях Кевиша. Вершина его пропадала в облаках, плещ обвил его склоны, птицы свили в его морщинах гнезда.

Узнав об Олимпе, подпирающем небо, Руша повелел прислуге забраться по его склону на небо и рассказать о том, как устроен заоблачный мир. Прислуга, после многократных попыток забраться на окаменевший смерч, вернулась ни с чем. Смола застыла, и отвесные стены Олимпа покрылись гладкой скользкой корой. Забраться по таким склонам не представлялось возможным, и Руша уже был готов казнить нерадивых слуг, как кто-то предложил послать на гору сына садовника. Маленький мальчик, босиком, осторожно цепляясь за округлые выступы, полз вверх. Прислуга следила за ним с земли, как он поднялся до уровня кевишской секвойи, как поднялся до высоты кевишского утеса и выше, как он осторожно, перебирая пальцами, поднимался выше высот, где летают

птицы, как коснулся он рукой белого облака и скрылся в голубой лазури неба.

Мальчик не вернулся к вечеру. Ночью слуги установили дежурство с факелами у подножия Олимпа. И только под утро они заметили, как он спускается. Уставший, бледный, с обветренными губами, мальчик предстал пред Кевишским правителем.

— Ну, и как устроен заоблачный мир? — приготовился его выслушать Руша.

— Я не знаю, Государь, но только с вершины той горы, за облаками, открывается вид на еще более высокую, еще более прекрасную, великую гору, чья вершина пропадает в голубизне прозрачного заоблачного неба. — Тихо ответил ему исхудавший сын садовника.

— Так иди! И заберись на обе эти горы и разузнай, что там такое, на этой великой голубой горе! — закричал взбесившийся правитель.

Мальчик ушел. Придворные сложили ему с собой в шелковый мешочек рисовую лепешку, привязали мешочек на спину, и он вновь начал свое восхождение и отсутствовал уже пять дней. Пять дней караулили слуги подножие Олимпа, пять дней они ежеминутно обходили его кругом, всматриваясь в пропадающую в облаках вершину чудесной горы. На этот раз мальчик вернулся очень уставшим, но как будто окрепшим, словно бы солнце обжарило его сырую детскую спину, его руки. Его взгляд стал горячим, его слова, как порывистый ветер. Он похлопал одного из стражников по плечу и направился к Руше. Представ пред Кевишским правителем, мальчик с ветром в голосе рассказал, как прекрасна гора, растущая на второй, что она еще больше тех двух; мальчик много говорил о том, что он смог увидеть ее! Что только он, единственный, видел эти три горы, что красоту и величие их можно только видеть, и грех описывать горы словами.

Руша стерпел все. А когда мальчик закончил, он схватил его за горло, поднял над собой и тряс с такой силой, что все мысли в голове сына садовника запутались в один клубок. А когда Руша вполголоса объяснял ему, что он должен забраться и на третью гору, в голове мальчика ревел океан, били колокола, рушились дворцы, плакали дети.

— Ты должен узнать, что там, на третьей! Ты должен мне рассказать, что там, на последней горе Олимпа, чтобы я знал! Чтобы я знал, ты должен забраться туда!

Мальчик ушел. Слуги окружили подножие горы высоким забором и выстроили небольшую сторожку, жгли каждую ночь сигнальный костер, а мальчик все не спускался. Спустя месяц ночью кто-то вошел в свет костра, и стражники вздрогнули от неожиданности — это был сын садовника. Он устало смотрел на пламя и посмеивался. Просидев так с минуту, мальчик развязал свой шелковый мешочек и разломил рисовую лепешку, раздал по кусочку всем собравшимся в эту ночь у костра. Он тихо усмехнулся, глядя, как дрова потрескивают в огне, будто бы забыл, что имен-

но так вот они и потрескивали всегда. Никто из взрослых не решался прервать молчания. Так они и просидели, глядя в огонь до утра, когда уже костер зарумянился углями, а пламя его словно передалось небу, которое в это утро разгорелось особенно чудесным рассветом. Утром мальчика привели к Руше. Руша долго его расспрашивал, но мальчик спокойно повторял, что на третьей горе ничего нет, просто небо... синее небо, белые облака. Руша долго кричал на него, но мальчик невозмутимо повторял, выковыривая рисовые крошки со дна шелковой сумы, что над третьей горой только небо и облака. Руша долго тряс его над собой, но мальчик спокойно твердил, что только небо над третьей горой, и разве что облака проплывают над ней, обыкновенные белые облака. А потом, когда уже Руша обессилел от гнева и, тяжело дыша, развалился на троне, мальчик подошел к правителю и с искренним сожалением к усталости Руши склонился над его ухом. И тихо, с улыбкой рассказал, как прекрасна четвертая гора, как величала! Как ни с чем по красоте не сравнимы ее склоны, как громадны стены ее, насколько могучи ее плечи, как велик ее голос, как сладок мед в ульях пчел, живущих в садах ее морщин. В голове Руши звенели камнепады, сыпались, как шахматы, города, взрывались вулканы.

— Ты должен... — едва прохрипел Кевишский правитель.

Но мальчик уже ушел. Он ловко взобрался по знакому гладкому склону, сбросил вниз на строгих слуг улыбочивый свой взгляд и пропал в пушистом облаке. Он не спустился на остров ни через месяц, ни через год, ни через десять лет.

— Понятно, что никогда он не спустится оттуда, и нечего об этом говорить!

ЛЕТОПИСЬ XIV

Где-то за полгода до тюленьего сражения произошло событие, которому Руша не придавал в то время особого значения, но спустя месяц со дня тюленьей аномалии, насытившись болезненной задумчивостью, Кевишский правитель вспомнил о нем.

Инспектора-волки, проводив тогда хозяйственный учет, обнаружили в Ракушечном поселке, что располагается на западной оконечности Кевишского острова, укрытую в мусорной яме молодую самку Кона. Жители поселка незаконно спрятали ее в яме и все это время тайно подкармливали и доили, пили молоко, сли сметану, сыр и незаконно пекли розовый хлеб. Жителей Ракушечного обложили крупным штрафом, был снят с должности управляющий поселком, а самку Кона волки перегнали в тот же день во дворец. Но, так как Руша в то время был занят подготовкой к военным действиям, от него насчет самки Кона не поступило никаких распоряжений, и она была переведена на содержание дворцовой кухни. А сейчас, откушав за завтраком тушеные в сметане помидоры с сыром, Руша вспомнил о находке в Ракушечном поселке.

В первое время придворные не могли до конца по-

пять, почему именно с появлением этого животного в поведении Квишского правителя произошли заметные перемены. Руша сам лично ознакомился с ней. Это была очень рослая здоровая самка с выразительными серыми глазами. Голубых пятен на ее спине было вдвое больше, чем белых. Квишский правитель остался очень доволен знакомством и на ближайшие три дня закрылся в дворцовой библиотеке. Руша перечитал все записи, сделанные им во времена создания Квишских военных сил, созвал к себе самых опытных магистров заклинаний и, когда все было готово, они принялись за работу. Спустя месяц, шатаясь от усталости, с осунувшимся лицом, Руша вошел в комнаты Дракона и объявил ему, что теперь при дворе не только он может летать и изрыгать пламя.

Драконова сестра вышла у Руши на редкость удачной и даже грациозно сложенной. Единственная неудача состояла в том, что Квишский правитель ничего не смог поделать с ее полом. Он потратил месяц только на то, чтобы исправить этот дефект. Но она так и осталась самкой. Разве что ее боевые преимущества чуть-чуть затмевали в глазах Квишского правителя эту явно проигрышную черту. Ядовитые шипы на ее спине получились не такими большими, как у Дракона, поэтому она в полете управлялась с ветром куда более изящно; правда, не так ловко она владела пчелиной арифметикой, но зато пламя, выдыхаемое ей, жгло сильнее и могло вырваться мгновенно, словно бы оно всегда горело внутри, тогда как Дракону на то, чтобы исторгнуть пламя, была пужна подготовка — немного времени на внутренний настрой. Все это хорошо, но надо знать, как Руша ненавидел женщин. И все же больше, в связи со своим произведением, он предчувствовал побе-

ду, удачу, нежели обратное. На церемонии ее посвящения Квишский правитель позволил себе одеть белый пояс, а это уже что-то значит.

Все следующие дни Квишский правитель находился в приподнятом настроении и, как казалось придворным, был словно не самим собой. На самом же деле веселость правителя имела вполне обычную причину.

Спустя месяц придворные узнали о ней: новый поход на лесные царства. Возглавить его должен был Дракон. Руша был доволен созданием второго Драко-

на, словно бы заручился дублером, копией, способной утешить в связи с возможной гибелью оригинала. Подготовка к войне заняла полгода. Руша все это время неумолимо трудился. Были просчитаны всевозможные боевые ситуации, неожиданные повороты событий. Для каждого такого поворота разработан особый план действий. Время пачала и развертывания атакующих армий по минутам сопоставлено с лунным циклом, со смещением созвездий, выбран самый благоприятный день по лесному календарю, учтены сезоны дождей, миграции животных, брачные периоды, периоды созревания злаков, время откладки яиц. В короткие сроки составлена была карта плотности населения, представляющего потенциальную угрозу для наступающих Кевишских армий.

ЛЕТОПИСЬ XV

Летописи Второй Кевишской воспой компании под предводительством Дракона весьма противоречивы. Обычно в народе о ней начинают рассказывать с события, которое совсем не относится к войне. Воздушные силы Кевиша скрылись в облаках с тем, чтобы, миновав море, опуститься на землю в горах, в северном лесном царстве, и в тот же день Руша неожиданно приказал вырубить весь дворцовый сад. Приказал и сам лично его вырубил. Летели направо и налево стволы каштановых слей, кипарисы, можжевельник. Не удовлетворившись уничтожением деревьев, Руша взялся за кусты и скошил их вместе с травой. Садовники в недоумении наблюдали за этим занятием правителя, не решаясь ему помочь. Это чуть ли не магическое зрелище приковало их к земле так, словно бы они тоже стали деревьями.

Старый садовник Крот рассказывал потом священнику, как утром того дня он обнаружил, что можжевельник, за которым он так долго ухаживал, наконец-то начал цвести. На его узловатых ветвях появилось несколько нежных голубых можжевельных цветочков. Но даже от такого малого их числа сад наполнился особым можжевельным ароматом. Крот рассказывал, что ему очень не терпелось доложить об этом чуде правителю, но получилось, что Руша сам, утром открыв окно, заметил чудо, и, видимо, это самое чудесное происшествие произвело на него такое вот впечатление, что Кевишский правитель, практически голый, выскочив прямо из окна, вырвал с корнем этот самый можжевельник, а затем та же участь постигла весь сад. До вечера Руша скошил все, что росло в пределах дворца, и успокоился, как только стемнело. Говорят, если бы тот день не был таким коротким, Кевишский правитель вполне мог бы уничтожить всю растительность острова.

О судьбе Драконьего похода народ сложил много сказов и баск, песен и поговорок. Например, если кто-то уходил на минуту, а пропадал надолго, крестьяне говорили: «Ты что? По драконьим тропам шастал?» Или бесполезное занятие называли «драконьей бородавкой». Так, завидев бродячего пнищего или сумасшедшего, поселковые мальчишки с улюлюканьем кричали: «Глядите! Дракон вернулся!»

О судьбе армии говорили вроде, что она так и погибла вся в горах — то ли от снежных буранов, которых отродясь, правда, не было в тех краях, то ли от какой-то болезни — и это вернее всего. Поговаривали, однако, с особым благоговением, что погибали они героически, но не все погибли в горах. На больных солдат из армии Дракона, которым все-таки удалось спуститься в долину, напали и перегрызли всех черные собаки, что охраняли от волков стада полевых зеленых медуз. Собаки эти веками ухаживали и содержали медуз, как муравьи содержат при себе тлю и получают регулярно от своих подопечных сладкий сироп. Белые снежные волки иногда нападали с гор на беззащитных медуз, поэтому собаки эти не очень-то приветливый народ, да тут еще эта страшная эпидемия загадочной болезни уничтожила половину их стада. Так или иначе, видимо, собаки приняли сошедших с гор обмороженных солдат за стаю снежных волков.

Смерти Дракона обычно рассказчики посвящают отдельные повествования. Что, вроде, бился с царем лесов, с могучим и бесстрашным, и победил. Что, вроде бы, победил не только его. Много трагического, много героического рассказывает народ, и как-то топнут во всех этих историях обстоятельства его смерти. То он погиб при завоевании четвертого царства, то во время переправы через южный хребет. По одним версиям, погиб в пожаре, когда горела столица восточных озер; по другим, был убит во сне муравьем, заползшим ему в ухо. Так или иначе, не все ли одно. Очень часто можно услышать версию о том, что спустя три дня от высадки в горах, он вернулся в Кевиш один, без армии, израненный и слабый. Вернулся поздно ночью, и, говорят, Руша встретил Дракона на пороге дворца и, обняв, задушил его, а тело собственноручно сбросил со скал в морскую бухту.

ЛЕТОПИСЬ XVI

Наконец они вышли на воздух. Ночь нягчилась с темнотой, как с младенцем, целовала ее черные глаза, и слышен был прохожим шорох поцелуев, как если бы они зажаты были меж ночью и младенцем-тьмой. Холодная трава под их ногами впитала свежесть двух холодных ртов, когда они, спеша, поднялись на ступени большого дома. Их давно уже ждали, но они не торопились туда заходить. Один из них всю дорогу молчал, другой же обронил несколько неуклюжих фраз и тоже окутал себя тишиной. Но вступив на ступени дома, оба вдруг испугались, что так ничего и не скажут друг другу. Там, в доме, где приятно горит свет и слышится так много голосов, им не дадут поговорить. Там они сидят по разные стороны стола. Они остановились на ступенях. Один из них попытался закашлять...

— Сырое такое утро, — сказал тот из них, кто всю дорогу дрожал и дул на руки.

— Нетрудно понять, что я не люблю цветов, — наконец-то вырвалось у второго, но он тут же вдруг закашлялся и этим кашлем словно разбудил утро.

Заиграли на макушках деревьев лучики солнца, и он с хрипотцой тяжело вздохнул.

— Впрочем, ты так же не любишь и поражения, — решил вдруг поддержать разговор его спутник — Со мной обходятся не лучше. Им хочется, чтобы я непрестанно звучал! Бзнь! Динь! Как пустой горшок. Мне кажется, звучит только пустой горшок, а полный горшок не звучит. Я наполнен, и мне никак невозможно выливать наружу мое содержимое.

— А разве горшок не создан для того, чтоб сохраненное в нем в какой-то момент вылить наружу? Иначе какой смысл в таком горшке? Если положенную в него драгоценность нельзя потом выпутать. Это равносильно что выбросить драгоценность.

— Ты хочешь сказать, что я простой горшок?

— Ты сам так себя назвал...

Они замолчали. Разговор не клеился. В доме слышался смех, и замерзший в дороге собрался было встать и идти, но спутник его вновь не выдержал и горячо заговорил:

— Зря, ты это зря. Ему достаточно дать мне возможность победить! И в этом сердце не будет от боли и тени.

— Так же как и от любви... Может, Он имел в виду другую победу?

— Какую? Победу в том, что я окончательно перестану радоваться своим победам?!

— А что радостного в твоих победах?... Страдания многих, муки и смерть.

— Он все время пытается доказать, что у меня есть то, чего у меня никогда не было.

— Скорей всего ты все время пытался доказать себе, что у тебя нет того, что у тебя всегда было.

— А ты думал, почему все так погрязло в двусмысленности? Эти бесконечные тайны, догадки, домыслы.

— А ты не думал, почему трудно говорить о картинах со слепыми. С безграмотными говорить о книгах, с глухими о музыке? Им всегда будет казаться, что ты чего-то не договариваешь.

Они вдруг замолчали и еще ближе прижались друг к другу. Тот, кто все время дрожал, потихоньку согрелся и решился сказать.

— Мне кажется, не обязательно иметь права, чтобы любить.

— Пойдем, а то без нас начнут.

— Может быть, и мир стоит, пока в нем есть разочарование.

— Ну. Ты идешь?

ЛЕТОПИСЬ XVII

*«Ничто в мире не может
заменить настойчивости...»
(Калвин Кулидж)*

Со дня трагических событий времени «Ожидания» в жизни Кевича наступило смутное время, так называемая эпоха «Тишины». И чем дольше она затягивалась, тем ужасней представлялась жителям Кевича ее развязка. Все они прекрасно знали, что каждый день этой тишины будет оплачен кровью. Эпоха длилась

всего-то полгода. Опустели Кевичские села. Каждый день, не выдерживая тишины, какая-нибудь из крестьянских семей покидала остров. Люди бросали свои дома, землю и уходили ночью, на узких плоскодонных лодках через море, связав в узлы все самое необходимое. Солнце отсчитывало дни, но ни одного указа от правителя, ни одного сбора дани, ни одной сколько-нибудь кровопролитной войны не наступало. Такое могло быть, по мнению стариков, лишь тогда, когда во дворце замышлялось уж слишком что-то великое. Молодые же дерзко позволяли себе гнусные шуточки о том, что Руша или умер, или стал добрым. Но мыто с вами прекрасно понимаем, что оба этих события равноценно невозможно осуществить. Впрочем, в том-то и шутка. Наступившая осень принесла Кевичу невиданный урожай. Оставшимся крестьянам, при всем старании, не удалось бы собрать его полностью. Пшеница на полях kloпилась к земле от тяжести зерен, виноградники ломались от ягод, фруктовые сады роняли медовые яблоки и груши в траву, где их сладкую мякоть растаскивали муравьи и термиты. А между тем ничего сколько-нибудь великого во дворце не происходило — за исключением того, что Руша потерял способность спать. Произошло ли это неумышленно, или по его самоличной воле, трудно сказать. Ясно одно — Кевичский правитель полгода не смыкал глаз, и, как говорила прислуга, ему это даже нравилось.

Осенью долгожданное событие произошло. Какими бы невообразимыми, кровавыми чудачествами не рисовались народу грядущие беды, того, что произошло, не ожидал никто. Кевичский правитель объявил, что он женится!

По народным обычаям, церемония венчания длится пять дней, и еще столько же длится свадебная церемония. Особым царским указом Руша сократил обе до трех часов. Невеста Кевичского правителя — самка Дракона — не произносила ни слова, перемотанная алыми лентами от лап до хвоста, с белым венчиком на лбу, кивала на всякое обращенное к ней предложение.

Началось все традиционно. Руша мужественно выдержал все обряды, но когда сели за стол...

Состояние, в котором находился теперь Кевичский правитель, станет нам понятней, если мы вспомним, насколько пренебрежительно он относился к любому представителю женской половины мира. В женщине Руша видел источник слабости, источник пустого беспокойства и болезненной привязанности. По его мнению, предназначение ее в том, чтобы, как повар, готовящий вкусное здоровое блюдо, готовить здоровых, жизнеспособных детей. Все же остальные мифы пужно срезать с женщины как шелуху. В ее работе нет ничего сверх того, что заставляет ее более почитать, чем повара. При дворе Кевичского правителя никогда не было женщин. Женщин не допускали ни к кухне, ни к уборке дворца — все выполняли мужчины. Представив все это, трудно сказать, зачем Руша пошел на этот традиционный фарс с женитьбой. Быть может, рассудок, после стольких разочаро-

ваний, совсем оставил Кевишского правителя? А, может, он переосмыслил свое отношение к женщине и, наконец, решил обрести душевный покой у семейного очага? Обменять дым победы на призрак покоя? А что вообще он знал о чувстве, которое испытывает победитель? Как подросток пытается рисовать картины любви, еще не полюбив, он выдумал себе бредовую радость победы. Он придумал ее лицо, он придумал цвет ее глаз. Теперь он гонялся за призраком этим, как маленький ребенок за бабочкой. Тогда как победа стояла у него за спиной с другими глазами, с другим лицом. Узнает ли он ее, когда подрастет, захочет ли он обнять ее... такую.

Началось все традиционно, Руша мужественно выдержал все обряды, а когда сели за стол, Кевишский правитель приказал играть ему музыку.

— Музыка!

— Музыка? И что теперь... Он сказал музыку... где он только это слово выкопал...

Перепуганные придворные забегали по дворцовым складам, но никаких инструментов, так или иначе связанных с музыкой, обнаружено не было. Тянулось время.

— Он сказал музыку. На что это похоже?.. Должно быть... Нужно чем-то пошуметь, что-то, так сказать, исполнить...

Находчивые придворные (в те времена на Кевише ходила поговорка: «Или находчивый, или мертвый») сообразили использовать все попавшиеся под руки, издающие звук предметы. Руша приказал всем танцевать. Так под музыку серебряных разносков, под звон хрустальных ваз, под протяжные скрипы столярных пружин заплясали перепуганные придворные, на что Кевишский правитель позволил себе улыбнуться. Но вдруг он стал серьезен, напрягся, как если бы на плечи его положили скалу. Звуки брэнчащей музыки спутались, смешались в беспорядочный шум, танцующие остановились. Руша покраснел то ли от стыда, то ли от гнева.

— Я... хочу... — сурово произнес Руша, — чтобы вы сыграли мне одну старинную музыку. — Руша исподлобья оглядел притихших придворных. — Эту музыку раньше играли по вечерам маленьким детям матерей леса.

Придворные как один закивали и с взмаха повелительной руки забрякали жестянки, зазвенели стекляшки, и вроде бы какая-то музыка во всем этом шуме подразумевалась, но в том-то и дело, что никто толком не знал, как должна звучать та музыка, что раньше звучала над колыбелями сынов леса.

Руша слушал внимательно, слушал настороженно, зажмурив глаза и первию дыша. Он напряг все свои органы чувств, которые только подчинились ему. Сердце его защемило словно в раскаленных щипцах. Он вдруг неожиданно встал, вытянулся во весь рост и, словно опомнившись, сторбился и принялся расхаживать по залу, вздрагивать и судорожно притаивываться. Вскоре танец его превратился в безумную скачку. Он, словно в припадке, судорожно кривлялся,

мелькали в воздухе его руки и ноги. Руша в тот вечер с выпученными глазами пел, как весенний аист, прыгал, как ужаленная куница, смеялся и плакал. Придворным при виде всего этого казалось, что они входят с ума. В первую же минуту некрепкие духом, а таких оказалось чуть ли не половина из всех присутствующих, потеряли сознание. Упал в обморок даже глухой и совсем слепой старый лорд Крот.

Как рассказывали потом крестьяне, свет во дворце горел всю ночь до утра. Утро следующего дня выдалось теплое. Солнце, согревая горячим своим взглядом маленький остров, поднялось от горизонта и встало в зените. Утром, освещенные ласковым светом, появились в воротах дворца Кевишский правитель с супругой, никто больше не вышел за ними из дворца ни на следующий день, ни через три, ни через месяц. Даже самые дерзкие любопытствующие боялись заглянуть во дворец, дабы узнать, что стало после той ночи с дворцовой прислугой.

В следующий день Руша собрал всех (что остались) жителей Кевиша на лысом холме, окруженном пшеничными полями. В основном это были крестьяне — женщины и дети. Кевишский правитель громко и ясно объявил ребенка в чреве самки Дракона прямым своим наследником. Руша говорил это с поднятой вверх правой рукой, а правая рука Кевишского правителя была куда больше, чем левая. Ветер трепал его черные волосы, солнце роняло желтую пелену света на его щетинистую морду, желтые зубы Кевишского правителя на солнце казались золотыми. Его могучее тело, словно продолжение холма, казалось вековым деревом. Крестьяне в первый раз видели своего правителя так близко, первый раз слышали его неторопливую громоподобную речь.

С того дня Кевишский правитель совсем не появлялся во дворце. Он лично обошел все деревни острова, осмотрел поля, лес, сады и реки, ознакомился со всеми жителями славного Кевиша. Более всего Рушу привлек низкорослый народец прозрачных кузнечиков Кевиков, чье имя носил остров. Более всего ему понравилось то, что Кевики ловко прыгают, мало спят и быстро размножаются. В общении кузнечики показали себя сообразительными и легко поддающимися дрессировке. Последующие дни Руша пропадал в полях. День и ночь он коптел над Кевиками. Кевики совсем не спали, и Руша не спал вместе с ними. Самка Дракона приносила ему днем в поле гороховые лепешки и сливовый кисель с ореховым медом. Кевишский правитель провел в полях все лето. Наступило время дождей. И вот Руша пришел во дворец одним вечером и с усталости первый раз за этот год завалился спать на полу, прямо при входе. Самка Дракона укрыла мужа овчинным пледом и оставила на полу горящую свечу. Так Кевишский правитель проспал три дня.

На третий день его разбудили пришедшие из сел напуганные чем-то старейшины. Они, ползая на коленях вокруг спящего, просили о помощи. Руша проснулся в хорошем настроении, а жалобы крестьян

только преумножили его веселость. Он совершенно был доволен принесенными вестями и, потягиваясь, похрустывая суставами, вышел на балкон. Пред взором славного правителя открылась потрясающая картина.

Все, что ранее цвело вокруг дворца, все, что росло, вся зелень, от травинки до дерева, словно по волшебству, исчезло. Невкогда золотистые пшеничные поля, со щедрым урожаем сплошь покрывал голый чернозем, — ни кустика, ни травинки нельзя было разглядеть на всех четырех направлениях, словно бы дворец перенесли в пустыню. Лишь где-то у горизонта вершины холмов едва зеленели, сохраняя намек на что-то живое.

Дело в том, что Руша три дня назад удачно закончил преобразование Кевиков из беспомощных в боеспособных неприхотливых животных, напоминающих чем-то желтых сороконожек, размером с кольцехвостую кобру, но толькодвигающихся гораздо быстрее. От Кевиков они сохранили способность прыгать, сжимаясь в пружину, и какое-то время держаться в воздухе благодаря чешуйчатым крыльшкам. Руша нарочно удлинил им тело и удалил определенные железы, благодаря чему у них обнаружилось отсутствие чувства сытости, а длинный кишечник позволял им есть практически непрерывно. Одного не ожидал Кевишский правитель — того, что Кевики-сороконожки отчего-то стали размножаться с невообразимой скоростью, во много раз быстрее, чем прежде. Сейчас, за три дня, они уже обглодали

пол-острова, и даже подчистую съели растущие по оврагам заросли кровосоки. Становилось ясно, что если ничего не предпринять, обезумевшие насекомые справятся за два дня с оставшейся половиной. Мало того: крестьяне жаловались, что эти желтые твари съели много детей и несколько женщин в поле, к тому же они сожрали всех насекомых, в том числе и прежних Кевиков, благодаря которым опылялось большое число растений на острове.

Но Рушу более всего беспокоило то, что через два дня его воины, объев остров, начнут умирать от голода. Выход один — начать высадку на материк Девяти лесов в ближайшие дни. Но это не входило в планы

Кевишского правителя, так как приближалась зима, и Руша опасался ее вмешательства в развертывание третьей Кевишской военной кампании. Тщательно взвесив все «за» и «против», Руша решил выступить немедленно, выступить молниеносно. Небо сотряслось от протяжного грудного его вопля, и на этот зов заспешили со всех сторон желтотелые бойцы.

ЛЕТОПИСЬ XVIII

Смертоносная армада на паспех сколоченных плотах отчалила от острова. К исходу второго дня она благополучно высадилась на берег материка со стороны каменистых степей. В тот год от чего-то случилась ранняя зима. Спустя неделю дожди сменились снегопадами. Без защиты от холода желтотелые сороконожки стали болеть и умирать. Степь замело снегом, мороз набирал силу, а Кевишская армия все еще не добралась до леса. Руша шел впереди семенящих за ним пасекомых, шел, не укрываясь от ветра, шел серьезен, хмур и что-то переставая бормотал про себя. Время от времени он оборачивался, бросал взгляд на свою армию, замечал, как редеют ее полки, и снова погружался в раздумья. Измученные Кевики, извиваясь, как выброшенные на берег угри, пробиваясь сквозь обледеневшие сугробы, проваливались под наст и, суетливо перебирая обмороженными лапками, карабкались из снега. Армия двигалась через степь, давно позади остался берег моря, а леса все не было видно. Руша стал оборачиваться все чаще. Вот он остановился. Вслед ему поспешали с десятков полуживых сороконожек. Кевишский правитель взял к себе на руки двоих — самку и самца, в надежде, что, добравшись до леса, они смогут расплодиться, подышал на их побелевшие спины и двинулся дальше. Больше он не оборачивался. Началась пурга, и Руша совсем перестал различать дорогу. Он чувствовал только ноги, шаги, стук сердца и мысли, тяжелые, как свинец, мысли, которые опутывали нитями бессвязные фразы: «...О какой власти ты говоришь?.. Жажда! Ты называешь это настойчивостью... Да... я так и скажу... для чего?.. к тому же я слышал ее...» — Руша вдруг очнулся от размышлений и огляделся. Кевики в его руках были мертвы. С минуту он напряженно смотрел на их лица, словно пытаясь заглянуть под кожу, схватить за хвост их ускользающие души. Затем, встряхнувшись, аккуратно положил обоих на снег и двинулся дальше. Колочая пурга билась ему в обмороженное лицо, схватывала холодом грудь. Волосы Руши покрылись инеем, губы потрескались, пальцы свело болезненной судорогой. На две части раскололся от холода панцирь на его спине, и теперь острые их края царапали его спину. Но Руша уже не чувствовал боли. Он вообще никогда не относился к боли серьезно. Вот и теперь она, точно шавка, путалась у него под ногами, сбивала его шаги, Руша же небрежно отпихивал ее. Проваливались в снег его ноги, но он уже не чувствовал ног. Тело его все более не слушалось, сгибалось, просилось упасть, но Руша, смеясь, поднимал его и, словно потрепанное пальто,

встряхивал и сызнова ставил на ноги. Перед глазами плясали белые искры, тяжелый голос монотонно твердил какие-то теоремы. Руша уже все более не узнавал этот голос. От него пахло чужой далекой жизнью.

«Нет такой тяжести... нет величины...» — доносился словно из колодца чей-то голос. Руша стоял на берегу потемневшего пасмурного моря и трясущимися руками тер глаза, когтями царапал веки. Он не отказывался верить тому, перед чем стоял. Ему просто хотелось получше разглядеть, что он стоит на берегу потемневшего пасмурного моря. Метель улеглась, и тихий снежный пух мягко ложился на поверхность воды. Ложился и таял. Там и тут на берегу угадывались очертания плотов, засыпанных снегом, с которых еще недавно сошла на материк Кевишская армия.

Руша с облегчением опустился на землю: «Вот и хорошо, — думал он, — все правильно». Он с улыбкой представил себе, как, должно быть, сочинителю этой драмы казалось, что вот на этом самом месте ему пора сломаться, как Руша должен зашептать: «Нельзя так!» Как, должно быть, красиво он обязан поднять свою правую руку к небу и что было силы зарычать; но рык уже, соответственно, не должен получиться громоподобным, скорее чем-то скрипучим, ржавым, чем-то надломленным. Улыбаясь, он остановил свой взгляд на сухом стебле, торчащем из снега — наверно, летом это был цветок.

— Вот и хорошо. Все правильно. Я обязан был проиграть, и я это сделал.

Руша опустил лицо на ладони и почувствовал, что голова его словно совсем потеряла вес. Что-то окончательно расстроилось у него внутри. Чувства скулили, как старые беззубые собаки, вертели облезлыми хвостами, терлись о двери дома, куда он их никогда не пускал. Там, внутри у огня, сидело черное существо; но вот оно встало и, тяжело ступая, подошло к двери. Собаки замерли. Дверь заскрипела, и горькое облако дыма вырвалось наружу. Собаки кинулись на это черное существо со всех сторон, принялись лизать горячими языками его лицо, его руки. Они извивались, кружились вокруг.

Руша открыл глаза, обернулся и увидел внизу заснеженный берег и на берегу обледеневшего титана с поднятой к небу правой рукой. А где-то чуть поодаль, на воде, — затухающий, мерцающий свет, точно крохотный клубок пламенных змей. Руша вступил на воду и склонился над этим угольком, присел, вглядываясь в дрожащий умирающий огонек. От огонька на его слепое лицо повеяло мягким, приятным теплом. Руша вздохнул, на мгновение задержал вдох, словно решая, куда же он денет свой последний выдох, бросил взгляд на пустынную равнину, посмотрел в бездонный океан неба, перевел взгляд на дрожащие в ладонях линии жизни. Наконец он вернулся к угольку, лег рядом с ним на холодную спину воды, закрыл глаза и осторожно подул на него. Огонек задрожал, заиграл языками пламени, а скулящие собаки уже терлись боками о его щеки, сухими горячими носами тыкались в его ладони. Черное существо обмякло, его колени по-

догнулись. Только правая рука до сих пор сохраняла свою первоначальную плотность — та рука, что была гораздо больше левой, и она сейчас продолжала шарить где-то за спиной, словно потеряв привычный жест, словно ослепнув. А черное существо, пугаясь ее движений, внимательно смотрело, как правая рука пытается ухватить пустоту. Но вот рука сжалась в напряжении, точно схватив темноту за черную косу, и в диком рывке выдернула из ночи цепь. Черное существо задрожало, подымаясь на ноги. Собаки замерли, заслышав стальной звон, а черное существо, зажмурившись, вытянулось и, отчаянно выдохнув, хлестнуло по собакам цепью. Собаки бросились прочь, метнулись к двери — но дверь со стены куда-то исчезла. Собаки царапали порог, скулили и визжали, а черное существо поднимало горячую цепь и ударами сбивало их с ног. Они корчились на полу, отчаянно бросались на стены, получая удары цепью. Но вот собаки сбились в кучу, хрипло дыша и не спуская глаз с хозяина; точно последний раз удостоверившись, что с ним можно надеяться только на цепь, они прижались к огню. И вот уже первая из них, окончательно утратив страх, вошла в огонь, за ней — другая, и все остальные бросились в пламя. Черное существо успело лишь схватить последнюю за хвост, но и та исчезла в ослепительном пламени, оставив в руке хозяина опаленный кончик хвоста. Руша зажмурился от боли.

Руша схватил себя за руки, стиснул зубами боль, а когда открыл глаза, увидел в небе снег из раскаленных углей и вокруг — тысячи воинов, тысячи боевых армий. Кто-то сжимал в зубах своих раскаленную сталь, кто-то в деснице держал три свирепых смерча, кто-то натягивал каменный лук — и все они, глядя в небо, кричали так, что небо дрожало, как папирусная бумага.

— Явись! Ты! Источник моих поражений! Причина моей зависти! Я уничтожу Твой мир! Я уничтожу Тебя! Явись! Укравший мою свободу! Верни мне мой мир!

Пламя углей встрепенулось в небе и увеличилось вдвое.

— Я бросаю тебе вызов! — кричали воины, кидая в небо священные книги; и книги, превращаясь в птиц, кружились над морем белыми стаями. Языки пламени кувыркались в воздухе, словно бы они щекотали маленького ребенка; потом засверкали белыми искрами и, вдохнув огонь, вдруг выросли, словно бы это тысячи пламенных солнц собрались сейчас в небе над морем. Руша вдруг почувствовал, что это не пламя вырастает на его глазах, а его глаза начинают уметь различать это пламя в прозрачном воздухе. Это пламя было тут всегда, и только теперь он заметил это. Его неожиданное открытие обнажило изнанку вещей. И чем способнее становились его глаза, тем больше выросло пламя, словно бы с него убирали завесу обмана.

— Да, я вижу, — растерянно зашептал Руша.

А тысячи солнц уже слились в бесконечную стену огня, уходящую в небо, простираясь безгранично с

севера на юг, словно бы обхватив его мир горящим кольцом. Крики воинов смешались в единый рев, а языки небесного пламени вдруг стали похожими на острые плавники огненных акул, кишащих в небе. И в тот же миг с земли на них обрушилось оружие проклятий. Тучи стрел, как дым, поднялись сквозь пламя к солнцу. В ответ на это закружились огненные тела акул — и горящим хороводом, не спеша, опустилась в земной океан раскаленная солнечная печать. Все воды земли в то мгновение высохли до дна. Тяжелым облаком соленого пара поднялся над землей океан, закрыв собой свет, а когда пробился на землю солнечный луч, он скользнул по черной безжизненной равнине, на которой стояло с раскаленной цепью в руке черное существо. Глаза у него были закрыты, и ими он видел дом, который обступили люди. Они ломали снаружи двери и били его окна, они подняли дом и понесли его к пропасти. Глаз у людей не было, как, впрочем, не было и лиц.

— Где у них глаза? — спросил Руша.

— Ты выжг их.

— А где лица?

— Ты стер.

— И что это за люди?

— Все, убитые тобой...

И тут из кричащей толпы зашла к нему в дом совсем юная девушка. Она взяла его руку, а когда люди бросили его дом в пропасть, она стала птицей. Он укрылся у нее на руках, как птенец, и все то время, когда она несла его над бездной, он смотрел ей в глаза, которые щурились от ветра, когда птица высматривала неуловимый путь среди соленых облаков. Руша в другой раз никогда бы не узнал этой женщины. Это она молилась о нем все эти годы. Он никогда бы не узнал славную Кевишскую царицу, свою мать. Но сейчас, спрятавшись у нее в руках, он не мог без слез смотреть ей в глаза. Когда-то он жил в ней, как бабочка в куколке. Ее кровь была его кровью. Ее любовь — его хлебом.

ЛЕТОПИСЬ XIX

«Человек, который слишком жесток, подобен мертвому даже при жизни».
(Камса из династии Бходжи)

Они сидели спина к спине. Руша чувствовал лопатками его тепло. Вот он совсем рядом — и удивительно близкий и, казалось, до боли любимый и непостижимый человек, но в то же время чужой и враждебный образ, далекий и до отчаяния великий.

— Ты всегда думал, что я прячусь? Я никогда не прятался...

Руше становилось жарко оттого, что именно с ним сейчас говорит обладатель тысяч имен, одно из которых он знает: Хранитель.

— Да. Меня так называли самые беззащитные, самые слабые и робкие.

Руше становилось холодно оттого, что именно ему

он сейчас ответит, этому близкому и родному незнакомцу, одно из тысяч имен которого он выжег себе на ладони: Хранитель. Но вместо этого все более учащенно билась в висках кровь, мысль: «Последний соперник».

— Ты не вырастил глаз, чтобы видеть меня. Я не на миг не расставался с тобой. Ты послал мою одежду, ты ходил по мне, ты брал мой меч, ты убивал моих детей, и ты не вырастил глаз, чтобы видеть меня?!

Руша только затряс головой, точно пытаясь освободить ее от лишних слов.

— Ты хотел сразиться со мной и убить меня?

— Я хотел... — тряс головой Руша, точно в голове его хранились игральные кости.

— Или ты хотел завоевать мир?

— Я хотел... — попытался обернуться Руша.

— Тебе будет позволено идти туда, куда ты захочешь.

Эти слова прозвучали настолько убедительно, что у Руши закружилась голова. Слова эти, точно превратившись в раскаленные ножи, с шипением рассекли в ключья Рушину тревогу.

— Выбери, — продолжал Хранитель. — Когда-то ты хотел сразиться со мной. Ты хотел, чтобы я вышел к тебе. Это сделать несложно. По моей воле созданы все виды, все формы живой и неживой природы этого мира. Приходя сюда, я вправе принимать любую. Если ты согласен на бой, ты получишь ту, которой достоин. Но если ты разочаровался в необходимости этого занятия, я дарю тебе все девять царств. Ты сию же минуту, без боя, станешь несменным правителем их на долгие годы, на тысячи лет. Все девять народов поклонятся твоей власти, принесут тебе дары, будут непрекословно подчиняться любому твоим указам!

Эти слова, точно превратившись в сладкий мед, потекли через Рушу блаженной истомой, живительным эликсиром залечивая раны. Он видел себя восседающим на ослепительно золотом троне, с серебряным жезлом в руке. Он видел девять царей, целующих пол перед троном, он видел, как вырастают у него девять ног, и все эти девять ног он ставит на головы девяти царям и давит их к земле, заставляя до крови целовать гранитный пол. Он видит бескрайние земли, богатые леса, он видит, как деревья клаиваются ему, он кусает сочные плоды, и сок течет по его подбородку. Он видит хрустальные реки и рыб, что падают на дно при его появлении. Он пьет прозрачную воду, он касается темечком солнца, он топчет горы ногами, он дышит ароматом величия, и птицы падают наземь при виде его. Он над небом как Колосс. Гремит его медная речь. Слуги умащают стопы повелителя лепестками нежнейших цветов... Руша уже не мог сдерживать слезы, он дрожал, он метался. К ногам его лег, среди белых орхидей лепесток магнолии. Трудно поверить, что он узнал его, но, только схватив себя за плечи, Руша, словно вырываясь из плена, дико закричал, точно безумный:

— Ты! Мне пужен Ты!

И все исчезло. Исчез трон, исчезли царства и только мягкий, как пух, снег ложился на темную воду. Ложился и таял.

— Нет! — харкая слюной, визжал Руша, — мне не надо царства! Когда я уже нашел Тебя, когда Ты уже совсем близко, Ты решил снова бросить меня? Спрятаться?

Возбужденно дыша, обливаясь слезами, Руша кинулся назад, обернулся, пытаясь ухватить Хранителя за руку, но вместо этого упал в холодный снег. Веки его смерзлись, и когда он с усилием разорвал их, то почувствовал, что стоит с открытым ртом и поднятой вверх правой рукой на берегу пасмурного моря. Пушистые крохи снега мягко ложились на черные воды. Ложились и таяли. Там и тут на берегу угадывались очертания плотов, засыпанных снегом, с которых еще недавно сошла на берег Кевишская армия. Обломок черепашьего панциря, раскачиваясь на ветру, безжалостно царапал спину. Руша расстегнул ремни и сбросил панцирь в снег.

И тут на воде он заметил ее. В белом ореоле кружащихся снежинок, словно бы она сложилась из них, шла к нему навстречу совсем юная девушка, а может, и седая хрупкая женщина. Она шла, легко ступая по воде. Ее движения напоминали шелест листьев. Короткие, слегка поседевшие волосы опускались до округлых женских плеч, подчеркивая строгую красоту ее благородного лица. Она осторожно погладила взглядом обмороженное щетинистое лицо Кевишского правителя. Ее не поразила густая пустота его глаз, не удивили омертвевшие синие губы со свежими кровавыми трещинами, не тронула горбатая осанка, сдавленная годами под тяжелым черепашьим панцирем. Царица улыбнулась тому, что сын не умеет смотреть ей в глаза.

Снег на мгновение остановился в воздухе и, изменив привычке, так же мягко полетел вверх в небо. Отделяясь от белой равнины, снежинки одна за другой, кружась, поднимались все выше — выше высот, где летают птицы, и пропадали в бездонном небе. Вслед за ними от черного камня, что лежал на кружевной простыне белого поля, отсоединилась душа и, словно белая сухая чешуйка, полетела вверх. Полтела среди снежного пуха, затерялась в миллионах снежных пушинок. Тихо, как во сне, земля отдавала небу взятое ею на время.

Рассказывают, что, когда Руша с многочисленной армией прибыл к материку, с неба падал густой снег. На берегу их ветрел мальчик и сказал: «О Кевишский правитель, ты зря привел солдат на этот берег. То, чего ты ищешь, находится по другую сторону моря». Руша велел разрезать мальчика на столько частей, сколько солдат было в его армии, и пусть каждый съест по кусочку. На что мальчик сказал: «Ты в погоне за тенью преодолеваешь тысячи миль впереди себя, тогда как то, что ты ищешь, лежит у твоих ног. Ты правой рукой объявил войну своей левой руке. Ты зря пришел на этот берег». После этих слов падающий с неба снег над головами многочисленной армии кевиш-

ских воинов, превратился в стальные пожи. И, упав с неба, такой снег убил их всех. А мальчик, крепко обняв Рушу, ушел с ним в заснеженное море.

ЛЕТОПИСЬ XX

Весна растопила снег Кевнишского острова, обнажив пустынную обглодавшую землю. Растения, успевшие осенью сбросить семена до нашествия Кевников, кое-где пробились к весеннему солнцу. В основном это были хвощ, репей и лебеда. Поля остались незасеянными, потому как нечего было сеять, да и практически некому. Зимой от голода умерла половина жителей из тех, что за неимением лодки не смогли покинуть остров осенью. К весне очень много умерло от малокровия, в основном это были дети. Фруктовые сады напоминали о себе лишь обгрызенными пнями. На всем острове уцелело только три дерева — скрюченная сосна, растущая на отвесной скале, молодая озерная ива, что поднимала из воды свои ветви достаточно далеко от берега, и одна карликовая секвойя, что росла в огромной малахитовой вазе в малом зале дворца Кевнишского правителя. Во дворце сейчас было совсем пусто. Охрана давно разбежалась: кто покинул остров осенью, кто затерялся в деревьях. Ветер беспрепятственно гулял по коридорам дворца, хлопал незапертыми окнами, скрипел несмазанными петлями дверей, раскачивал давно нечищенные люстры; иногда ему удавалось даже перетереть веревку и сбросить со стены пожухлый герб. Иногда на почевку на крыше дворца, а нередко и во внутрь его, слетались чайки, единственные из птиц, кто особо не пострадал от нашествия Кевников, так как основной пищей их была рыба сладкого моря. Сохранились на какое-то время и семьи ласточек; но спустя месяц и они покинули остров, так как с исчезновением растительности на острове исчезли и насекомые, которые, как известно, составляют основную пищу быстрокрылых ласточек.

И все-таки кто-то зажигал по ночам свет в дальнем крыле пустующего дворца.

Самка Дракона занимала одну из небольших уютных комнат на втором этаже. Она осталась одна в огромном каменном доме. Ей самой приходилось топить камин, готовить обеды — к счастью, остались кое-какие запасы в дворцовых продовольственных складах. Она осталась одна, но ей не было страшно. В ее женском сердце просыпалось необычное нежное чувство. Она открывала для себя таинство материнства.

В первые месяцы весны по деревням разошелся слух о том, что самка Дракона во дворце родила наследника Кевнишского трона. Этот слух вызвал смуту и болезненные предчувствия среди изголодавшихся крестьян. В некоторых деревнях беспокойство превратилось в откровенную панику. Две женщины, обезумев, утопили своих детей в колодце, подожгли свой дом со всем имуществом, и в завершении огонь уничтожил половину деревни — впрочем, в основном пустыней. Были и такие, что бросались без лодок в плавание

через море; кто-то, однако, находил в себе силы строить плоты.

Минуло три дня, как страшное событие — рождение Рушиного преемника — завладело мыслями измученных жителей Кевниша. Никто за этот год не подходил ко дворцу. Все обходили его стороной. Заросли хвощом его центральные ворота, прижавели петли дверей.

Ночью они пробрались с западного входа на дворцовую территорию. Они, от страха прижавшись друг к другу, напоминая трясущийся многорукий комок, подковырнули топорами дверь. Вошли не дыша. Они — почерневшие от отчаяния крестьяне, не чувствуя под собой ног, поднялись на второй этаж. Сжимая железные лезвия, которые когда-то служили верой и правдой дровосеку, жнецу, хлеборобу. Теперь орудия эти в руках, лишившихся разума, готовы были к иной жатве.

Самка Дракона на легкой перине, укрытая белым покрывалом, спала, когда воздух в дворцовых покоях наполнился тяжелым запахом пота, горького пота вошедших в покои крестьян. Младенец спал в колыбели, которую мать повесила у окна за белые ленты церемониальных флагов. Они, подталкивая друг друга, склопились над кроватью, словно над бездонной пропастью. У них захватило дух. При виде спящего Дракона они задохались, будто бы каждому роняли на грудь тяжелый камень. Сердца их топули в трясине страха — ведь, как им казалось, стоило ей проснуться, и одного ее взгляда достало бы, чтоб испепелить их, как ворох соломы. Она пошевельнулась во сне, и в этот же миг, обезумев, крестьяне бросились рубить ее — ведь, как им думалось, самка Дракона способна была испепелить их всех. Они молотили ее, как привыкли молотить зерно, рубили, как привыкли рубить лес, косили, как хлеб. Белые лоскутья простыней, одеяла окрасились алыми лентами ее кожи. Взлетели к потолку щепки дубовой кровати, белый пух из подушек наполнил воздух снежным подобием. Пушинки в темно-бордовых каплях опускались на люстры, на бархатные шторы, скользили вдоль парадных портретов, ложились на черный паркет. В затмении боли продолжали крестьяне рубить бесформенную кучу, все смешалось в единую массу, в ужасное единое блюдо из материи, дерева и плоти.

Они остановились. Все замерло. Двигался только пух: словно пылью, он нежно опускался на плечи крестьян, припудривая их раскрасневшиеся лица. Они простояли бы так очень долго, если бы не крик, который, как горячая чья-то плеть, хлестал их по лицам. Они спосили его удары, а руки заморожено поднимали железные палки, а ноги делали шаг к окну, туда, откуда резал воздух крик ребенка. Окаменевшей серой стеной, с омертвевшими гримасами, с вытаращенными, невидящими от слез глазами люди шагнули к окну, где в плетеной ивовой люльке в кружевах кувырчался младенец. Время замедлило свой бег. Младенец плакал от страха, ему было так же страшно, как и этим измученным людям. Он, моргая по-детски неумелым

ми косыми глазками, смотрел на серую стену, не умея понять, зачем эта серая щетинистая стена пришла пугать его. Но вдруг щетина на стене дрогнула и разгладилась. Пришедшие этой ночью во дворец крестьяне были очень хорошими крестьянами. Они любили землю, они прожили на земле всю свою жизнь, отдавая ей хвалу, кормясь ей, омывая ее потом. Их невидящие от страха глаза вдруг вновь обрели зрение. Они вспомнили, как выглядел в детстве, казалось исчезнувший навсегда, род молоконосных Конов. В люльке плакал розовый теленочек Кона, с нормальными, присущими всем телятам голубыми пятнами, с гладкой телячьей мордочкой, с белым пушком на голове. Ничего в нем не напоминало о матери, ни одна черта не сходилась с чертами отца. В люльке сейчас плакала их молодость. Их славная Квишская Природа заново родилась сегодня в этой ивовой люльке. Они так и стояли, одеревенев, до утра в покоях каменного дворца, не находя сил оторваться от проснувшейся доброй надежды, которая сейчас, успокоившись, уснула в ивовой люльке, подвзанной на белых церемониальных императорских флагах. Тихо покачивались ленты, и вдруг стало слышно, как кто-то тихо поет над люлькой, тихо ласкает сына бестелесным материнским касанием.

Мне как-то удалось расспросить перед самой смертью одного старца. Говорили, он был той ночью во дворце, но только никогда не рассказывал об этом вслух — может, из стыда, а может, из бережливости чувств. Но тогда, в болезни, когда дни его были уже сочтены, он поймал мою руку и, не отрывая глаз, рассказал чужому, совсем ему незнакомому человеку то, что произошло на самом деле той ночью:

— Всю дорогу мы шли молча, мы даже не обсуждали друг с другом, что же будем делать, когда придем во дворец... это казалось настолько очевидным. Я взял свой серп: помню, я выбирал его точно как всегда, собираясь в поле. Мы подошли к центральным воротам, но не стали их открывать, так как побоялись, что они заскрипят. Решили перелезть через ограду. Я вскарабкался первым, но, как только спрыгнул во внутрь дворцового парка, вдруг увидел ее.

Царица стояла на крыльце с позолоченным подсвечником, полным зажженных свечей, и словно ждала нас. Я остолбенел, а за мной уже прыгали другие — и, тоже заметив царицу, замирали в страхе. Когда через ограду перепрыгнул последний, она позвала нас рукой, повернулась, а затем указательный палец приложила к губам. Мы поняли так, что она зовет нас и просит идти тихо. Мы даже не переглянулись. Каждый из нас понимал, что, если бы ей надо было убить нас, она бы это сделала еще минуту назад. Поэтом нам ничего не оставалось, как следовать за ней. Царица повела нас по коридорам дворца, открывая перед нами двери. Мы шли за ее спиной, как подданные палачи, потому что каждый, пока шел, не желал ей ничего, кроме смерти. Она вела нас вверх по устланным коврами лестницам.

На втором этаже, напуганная светом, взлетела с

колонны сонная чайка, полетела и ударилась с лету в стекло. Царица остановилась. Чайка, слегка оглушенная, ничего не понимая, испуганно замахала крыльями. Царица подала мне подсвечник и склонилась над птицей. Чайка же, в ту минуту очнувшись, вспорхнула и вылетела в окно. Царица улыбнулась, обернулась к нам и, вновь став серьезной, открыла очередную дверь.

Подсвечник так и остался у меня в руках. Теплый воск проливался мне на запястья, пока мы, миновав большую залу, свернули в узкий коридор, где после двух поворотов остановились напротив запертой двери. Царица осторожно открыла ее и, обернувшись к нам, прошептала: «Он тут».

Комната, до нашего прихода освещенная лишь призрачным лунным мерцанием, вздрогнула от золотистого сияния свечей, зашевелилась, указывая нам на белую, свитую из шелковых лент колыбель. Царица взволнованно склонилась над ней, осторожно опустила в кружева руки и с трепетной нежностью подняла на свет младенца. Это был чудесный теленочек-Кон. Она протянула его нам, а мы, не зная, куда девать руки, сбились в кучу у входа. Она подносила его ближе, и нам уже трудно было прятать за своими спинами наточенное железо. Оно выскальзывало из наших рук, даря свободу нашему примирению, даря свободу нашей надежде. Помнится, мы очнулись только за воротами дворца. Я поддерживал попки ребенка, кто-то держал его головку, ступали мы осторожно, боясь разбудить младенца, как вдруг за спинами нашими раздался треск. Мы обернулись и увидели, как дворец весь окутался призрачным пламенем; огонь поднимался высоко над его почерневшей крышей, но это был не простой огонь, он извивался, как поток расплавленного золота, и в этом потоке метались пламенные акулы. Я никогда не видел ничего подобного. Акулы, разевая пылающие пасти, набросились на дворец, вгрызаясь в его стены. И тут в одном из окон мы увидели царицу. Она стояла у окна, прислонившись к стене, смотрела нам вслед и, кажется, перед тем, как пламя захлестнуло ее, царица подняла руку, прощая и благословляя своих палачей.

— Почему же утром, — допытывал я старца, — утром, когда к дворцу пришел весь народ Квиша, не осталось никаких следов пожара? Дворец был цел и невредим, а в дальней из комнат его обнаружили изрубленное тело самки Дракона!

— Мне кажется, вы хотели знать, как было на самом деле? — был его ответ.

ЭПИЛОГ

Молодой Кон вырос в Квишском селе, окруженный любовью крестьян. Правил он долго и справедливо. Во времена его правления Квишский остров расцвел, как не цвел никогда на протяжении пятидесяти тысяч лет.

Иногда, рассказывала прислуга, он просыпался до рассвета, и, беседуя словно сам с собой, уходил к озеру, встречать солнце. Те, кто видел его издали, гово-

рили, что он беседовал не сам с собой, а словно с кем-то, кого обычно не замечают люди. По вечерам же в его спальне слышали тихое пение и невдомый женский голос:

*«Бережет туман на траве росу.
Берегут траву строгие поля.
Птицу бережет ветер на лету,
И в объятьях мать бережет дитя.
Охраняют дом ангелы с огнем.
Бережет седло всадника в бою.
Дождевые капли охраняет гром.
Листья берегут ландыши в саду.
Совесть бережет душу от греха.
Месяц охраняет звезды там и тут.
Иглы стерегут спящего ежа.»*

*Ноги от волков зайца стерегут.
Только Одного не хранит никто.
Небо не хранит, не хранит земля.
Он пасет судьбу, беды шьет в венок
И хранит того, кто бережет тебя.»*

*«Березовый лист из лесного словаря»
Атма — душа
Дра — полет (драть — летать)
Дракон — летающий Кон
Кон — Кевишская порода коров
Кишудра — очень маленький, низкий
Манда — короткий, ничтожный
Руша — вырывающий с корнем
«Ч» — страдающий*

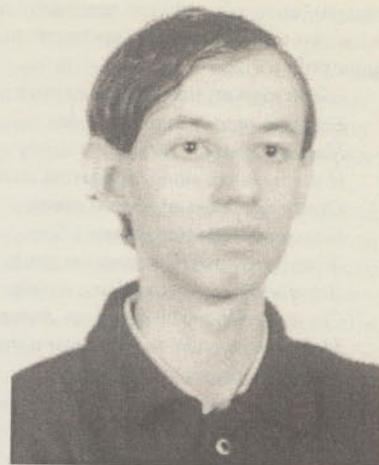

Рисунки Сергея Ивкина.

Юрий АВРЕХ

Родился в 1977 году в городе Урае. В школе учился там же. Живет в Екатеринбурге. Печатался в журнале "Урал", а в апреле 2002 года вышла книга "Двенадцать стихотворений". Работал учителем английского языка в школе, играл в театральной студии. Но в театральный не поступал. По специальности – переводчик-референт.

Работает преподавателем английского в музыкальном училище им. П. И. Чайковского.

Федерико Гарсиа Лорка,
пахнет стих апельсиновой коркой,
и Гранадой твоей, и речами,
только ночь пожимает плечами.
Федерико Гарсиа Лорка,
почему так тоскливо и горько,
а у лета в глазах земляника,
объясни, почему, Федерико?
Плачет ветер, Санта Люсия,
над тобой, Федерико Гарсиа,
и живое, и жёлтое небо
той Гранады, где в жизни я не был.

По улице, в глухой скорби,
идёт старик, он спину сгорбил,
накинув грязно-серый плащ,
он сердцем пуст, и духом нищ.
А где-то музыка играет,
он пьёт из кружки жёлтый квас,
закат осенний догорает.
Старик и солнце в фас,
и в профиль, осени картина,
сентябрь, облетевший сад,
дома, деревья, грязь и глина.
Начало осени. Закат.

Зима наступала неожиданно,
и, кажется, кончился век,
снег белый холодной мапшой
ложится на крыши аптек.
Не видно уснувших наречий
в морозную зимнюю ночь.
Предлоги, несущие свечи,
и те удаляются прочь.
Сквозь лес, опустевший и голый,
слепящий своей белизной,
где чёрные птицы глаголы
летят над уснувшей землёй.

Холод. Снег. Замерзают дома.
Мчатся по полю мёртвые души.
Мчится Гоголь, сходящий с ума,
И безумца рыдания душат.
Бедный призрак неслепый, смешной,
Что трясешься ты весь от рыданий?
Погоди, на минуту постой,
Не бросай меня в снежном тумане.
Я бы тоже заплакать хотел!
Разрывается сердце на части.
Кто несчастным мне быть повелел?
Кто оставил стоять без участия?
Пополам разрываю тоску.
Жаль, что нет под рукой пистолета.
Я приставил бы дуло к виску.
Мчится тройка, и нету ответа.

Я точно был в неё влюблён,
И я хотел, чтоб старый клён
Или большой корявый дуб
Шумел всю ночь. Касаться губ
Её. Всё рассказать, сказать успеть.
Готов был с нею умереть.
Или купить билет в кино.
Читать романтиков ей, но
Не будет этого. Темно.
Не будет фильма, фильма нет.
Не надо. Не включайте свет.

Спустилась ночь. Промышленный Акрополь
Уже уснул. Он спит и видит сны.
И некий Ангел, вытирая копоть

С лица, стучит, пугаясь темноты
И пустоты. Один в оконной раме,
Не видимый никем при свете дня.
Мой бедный брат с озябшими крылами,
Скажи, чего ты хочешь от меня?

Б. Рыжелу

Приобрели всеевропейский лоск
слова трансасиатского поэта.
Гудит огромный каменный Свердловск
и площадь майским солнцем разогрета.

А в комнате поэта пустота,
и тишина, как белая бумага,
исписана до чистого листа.
Остались позади Париж и Прага,
и женщина, что не была с тобой,
и это небо тёмно-голубое,
нет счастья, только воля и покой,
и тишина, и всё такое, всё такое...

Город спит, засыпает,
никого не найти.
Только снег засыпает
все дороги-пути.
Все пути и дороги,
рай, уснувший давно,
все сомненья, тревоги.
В переулках темно.
Без печали, без грусти.
В тот потерянный рай
с Блоком, Гоголем, Прустом
сесть в последний трамвай.
Когда вьюга закружит
Невидимкою — прочь.
Белый снег отутюжен.
И над городом ночь.

Я не участвовал в войне
И на Кавказе тоже не
служил. В чеченцев не стрелял.
Но тех, кто был, не обвинял,
звезду на грудь не получил,
в сортирах тоже не мочил
своих врагов. И ордена
мне ни к чему. И стоя на
проспекте одинокий, злой,
под белой зимнею звездой,
звездой, что светит до зари,
ей говорю — гори!

Диптих

1.

Таков был Цезарь, а теперь
Кто он такой? Кому он нужен?
Сидит в квартире, запер дверь,
Один. И ест холодный ужин.
Знакомых много, а друзей
Свезли в один большой музей,
Но а точнее, в Колизей.
На них теперь там смотрят люди,
Патриции, гетеры, груди,
Что выставляют напоказ.
На них взирает средний класс.
Я человек другой эпохи,
И мне остались только крохи,
Клио со мною говорит.
Горит империя. Горит.

2.

И день, и ночь шумит сенат,
Кричит, что Цезарь виноват,
Уже седеющий историк
На это с грустью смотрит стоик.
И улыбается поэт.
Поэту до сего нет дела,
Он трезв и холоден как лёд.
Накинув тунику на тело,
Домой к историку идёт.
В стихах правителя не славит,
Но говорит: «Имей в виду,
Что если Цезаря отравят,
Когда меня мой дар оставит,
Я в императоры пойду».

...А таким Ю. Авреха видит художник С. Ивкин.

Елена ЗАХАРОВА

ВЕСНА В ПРИСУТСТВИИ ЛЮБВИ И БЕССМЕРТИЯ

Кажется, с наступлением каждого нового отрезка истории, витка эпохи, меняется сам воздух, которым дышишь, сама атмосфера бытия, градус общения, хотя внешне все еще остается по-прежнему. Вроде бы все то же самое, но уже чуть-чуть другое. Вот к области этого погодного «чуть-чуть» я отношу книгу стихов и прозы «Добряне», вышедшую в библиотеке «Уральского следопыта». Название сборника знаменует собой рождение нового литературного течения или, по крайней мере, заявку на него. В коллективном сборнике, изданном на собственные средства авторов, их, добровольцев — двадцать восемь. Разных по славе, возрасту, творческому «голоску». Сборник тенденциозен по своей направленности, по он никого не обезличивает, все имена выстроены в алфавитном порядке, каждый автор здесь остается собой, со своими находками и промахами, даже с собственной авторской пунктуацией или, как Владимир Спартак, вовсе без нее. Это делает «Добряне» — и книгу, и создателей, — очень ранимыми, легко уязвимыми со стороны постороннего им читателя, чуждого их поискам. Мне же почему-то собирательный образ добрянина представляется воинном (рыцарем ли или витязем), без забрала, но и без страха и упрека. По внутреннему родству души не могу воспринимать его без симпатии. И меня увлекает за собой вступительная статья Вадима Осипова, которую в более изысканные годы могли назвать литературным манифестом.

«По словам писателя Виктора Ерофеева, «...зло самовыразилось»... литература, которая, как и сама жизнь, напоминает скорее медлительный маятник, находящийся в неустойчивом, динамическом состоянии, должна двинуться в обратную сторону... в сторону созидания и добра».

Так что, кто не с нами, тот отстает от жизни. И возможно ли быть против тас, как против течения как такового? Дорога к добру начинается с совести, с внутреннего разговора с собой, с заботы о душе. Тут

каждый из добрян сам себе психотерапевт, друг и исповедник. Не случайно, наверное, что из сборника выпадает по своей интонации «Наивный бестиарий» Анны Кирьяновой, профессионального психоаналитика. Психологическая помощь, ставшая просто обязательной повиновостью по отношению к обществу, в свободном полете выворачивает жизнь наизнанку, придает даже богу демонический облик. Врачу — исцелись сам! Вот о таком собственном излечении поэт должен заботиться, чтобы вокруг него и его стихов создавалась высокая аура человечности. И здесь открытием для меня были стихи Надежды Смирновой, в поэзии которой я ранее ничего близкого себе не находила. Именно в контексте нового сборника ее стихи и стали тем «секретиком», который в детстве она воспринимала как созданную ей самой красоту, таиную до счастливого момента даже от подруги. Дело в том, что в каждом стихотворении Надежды затаилась до времени такая глубинная красота: будь то «антрацитовый простор Большой севастопольской бухты», или свитос из травы гнездо «трясогузки-невелички». Ни к чему поэту что-то запрягивать, таить, как камень за пазухой; но уметь находить скрытую красоту и учить этому других — поэт обязан. Смирнова это уже умеет.

Контекст сборника сближает авторов. Здесь каждый говорит на своем языке, но диалог возникает, и литература, как общение, берет свое. Что-то приобретает здесь новую интонацию, ранее не угаданную. Так, фрагмент поэмы «Верхотурские мощи» Юрия Конецкого разворачивает перед глазами читателя широкую, пусть трудную, дорогу через богатейший край — Урал, для кого-то дорогу жизни. Разнообразие, многоукладность не только вызывают взлет патриотизма в душе, но являются именно в данном случае аллегорией композиции этого сборника, богатого судьбами, характерами, противоположными манерами вести речь о самом дорогом, накопленном: от тонкого стилиста Валерия Капленко до простодушно раскрытого Евгения

Ветрова, от философских прозрений мастерства Алексея Решетова и Любови Ладейщиковой до намеренно непозитивных, но не менее страшных и правдивых от этого баллад из цикла «Наши в Чечне» Алексея Мельникова. Да и сборник в целом неожиданно оказывается в своей алфавитности архитектурно выразительной аркой, переброшенной между прошлым и будущим, мужской и женской, по-новому сильной, поэзией, повседневным героизмом и героизмом порыва молодости. Открывают книгу стихи члена союза литераторов России, в прошлом военного, Николая Боровых из Двуреченска, а завершает подборка одиннадцатиклассницы Ольги Шашкиной, прямо-таки вырывающаяся из комнатного мирка (интонационно Ольга близка здесь к Наталье Тереховой «Не падай вдоль, а падай поперек»):

*«Вынырнуть, вывернуться, оторваться
От опостылевшей однообразности...
Только б суметь, только б силы набраться
Перешагнуть и нюансы, и частности,
Замкнутый круг разорвать и почувствовать
Жар предвкушенья — озноб осознания,
Быть, где не зван, где желаем — отсутствовать,
Перечеркнуть поперек ожидания.*

Первое же стихотворение Николая Боровых, открывающее сборник, заявляет одну из основных его тем прямо-таки с шекспировской ясностью:

*«...Есть день и ночь, есть солнце, есть луна.
Есть жизнь и смерть — вот истина одна.»*

Действительно, если добро в книге многообразно, то зло однолико: его самая высшая ипостась, смерть, какой бы она ни была — гигантская черная дыра, где гаснет любое солнце. А грозить она может как человеку и миру его чувств, так и всей стране, всему человечеству; а говоря шире — мировой душе, духу народа, судьбе России. И тут противовес у того же Боровых — маятник еще в динамике. «Нет уже великой той России» — это с одной стороны, а с другой — «Плыви теперь в простор стиха, мой дом!» Дом есть, и значит, те русские просторы, в которых жива Россия, есть тоже. Поэзия не умирает! И вообще, не зря сказано в «Евангелии от Матфея»: «Какая польза человеку, если он приобретет целый мир, а душа его обеднеет?» Поэтому и молит Валерий Брусков, ровесник Боровых:

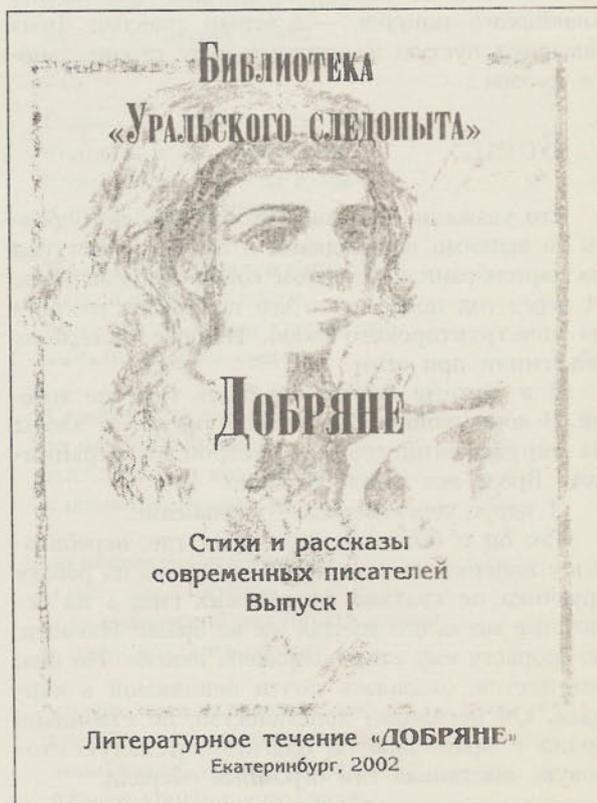
*«Годами ран не заживляй.
Лишай надежды, жизни, кожи,
Но от любви не избавляй —
Не обедняй мне душу, Боже!»*

Мы, сорокалетние и те, кто старше, росли в стране, где философии боялись. Марксизм-ленинизм изучали почитатно, но спорить или подвергать сомнению было чревато. Сейчас поэзия почувствовала вкус к философии, а без гносеологии философия неммыслима. Потому, если составить словарь этого издания, то наряду со словами «дом», «смерть», «судьба», «любовь», «дорога», «березы» одним из самых распространенных окажется слово «бог». Впрочем, порой

возникает впечатление, что автор пытается за христианской знаковойстью спрятать собственное предназначение. Стоит ли Ларисе Назаревской плакать об «ангелах света», если ангел (intelligence) и интеллигент почти синонимы (см. у Лейбница). Но все же идея бога — это отмена смерти, это вечная соединительная нить. Нить, в частности, соединяющая нас с таким живым для русской поэзии, но куда-то навсегда ушедшим Алексеем Решетовым:

*«Давайте радостей смотреть
На жизнь свою, как дети.
Ведь только временная смерть
Нас ждет на этом свете.»*

28 авторов сборника — они же его лирические герои — неоднозначно решают: «Быть!» Хотя на многие вопросы, над которыми бьются одновременно, отвечают по-разному. И, вообще, вопреки Толстому, не любившему стихов, каждый счастливый современный поэт счастлив по-своему. В этом многоголосьи есть нечто весеннее. Весна хлынула на страницы, как на Руси говорят, «дружно». Еще совсем недавно искусство пренебрегало весенней распутицей, воспевая краски осени: и в живописи, и в поэзии, даже в отечественном кино. И вот то ли за рошей запела свирель, как обещал Левитанский, то ли глобальное потепление — по у каждого из двадцати восьми или зима на исходе, или уже весенние мотивы прорываются. Так было в девятнадцатом веке — Россия ждала весну. Может быть, теперь и правда она скоро.

Татьяна СУВОРОВА

Васька-смерть

Мы сидели на крыльце недостроенной дачи и пили теплое пиво с пряниками. Теплое — потому что у нас не было холодильника. А с пряниками — из-за того, что было лень идти четыре квартала до магазина, за нормальной закуской.

Рыжая кошка Васька подошла к крыльцу и стала есть пойманную полевку. Дима отхлебнул пива и изрек:

— Полевка — это Васькин пряник.

— Угу, — кивнула я. — А мы едим свой вариант полевок.

Мы дружно откусили от своих «мышей». Васька доедала свою жертву, кося на нас желтым глазом с почти потерявшейся в нем ниткой зрачка.

— Для мыши Васька — это смерть, — Дима поболтал в воздухе почти пустой, отсверкивающей в движении жестянкой. — А для нас она просто драная кошка, которой можно запросто дать пинка.

Я кивнула.

— Следовательно, и любая наша смерть для каких-то существ или даже для других людей — просто облезлая Васька, объект для приложения хозяйского тапочка, — с этими словами Дима швырнул пустую жестянку в кучу строительного мусора...

Боец...

Его уважали — потому что он хорошо боролся со всякими неполадками и отлично выступал на партсобраниях. А потом социализм кончился. И через год после этого его почему-то уволили из конструкторского бюро. И даже ничего не объяснили при этом.

И в частные фирмы его брать тоже не хотели. В конце-концов он, чуть не умирая от злости на окружающий его мир, устроился охранником. Вроде все пошло отлично.

И вдруг через месяц — увольнение.

Так он и болтался черт знает где, перебиваясь с копейки на копейку. Потому что на работу грузчика не хватало физических сил, а на остальные места его все так же не брали. Наконец, по возрасту ему стала положена пенсия. Но она, разумеется, оказалась почти невидимой в кармане. Он ненавидел христианство, но стабильно ходил в православную благотворительную столовую, выстаивая там огромные очереди.

Его единственной отдушиной были митинги протестов. Он отличался на них выступал.

И вот однажды после такого митинга он, особо воодушевленный, поймал за рукав плаща девчонку лет шестнадцати, просто по небрежности решившую пройти мимо памятника Ленину. И начал растолковывать ей про свою жизнь.

Через пять минут девчонка вздохнула и спросила:

— А что вы создали?

— Я уничтожал плохое!

— А что вокруг вас хорошее?

Он задумался и твердо ответил:

—Ничего!

—А было когда-либо хорошее?

Он задумался еще раз. И вдруг расцвел в улыбке озарения:

— Да никогда его не было!

Девчонка вырвала руку и ушла. А он стоял, четко зная, что скоро умрет от мирового зла, жрущего хот-доги в ближайшем летнем кафе...

Психодиалог

— Что ты делаешь?

— Уничтожаю свое прошлое.

— Зачем?

— Оно плохое, от него мне больно.

— Но ведь есть только настоящее.

— Но мне больно от прошлого!

— Оно живо только тогда, когда мы заново его воссоздаем. Зачем ты все время воссоздаешь его?

— Это моя игра.

— А зачем она тебе нужна?

— Мне слишком плохо в настоящем. Вот сейчас я воображу себя Цезарем...

— У тебя подгорела яичница...

— Плевать! Это из-за того, что тогда я перешел Рубикон на полкилометра ниже, чем было необходимо! Я сотру этот переход через Рубикон, и моя яичница не будет больше подгорать!

— У тебя утекло кофе...

Екатерина ИЗВАРИНА

Евгения Викторовна Изварина родилась в г. Озерске Челябинской области.

Окончила Челябинский государственный институт культуры. Автор двух книг стихов – “Сны о Великом плавании” и “По земному кругу”.

Печаталась в журналах “Знамя”, “Урал”, “Уральская новь” и др. изданиях. Работает в Центральной научной библиотеке УрО РАН, живет в Екатеринбургe.

Жизнь — подначка на износ,
а иначе не бывает.
Золотарь мычит под нос —
с неба ангел подпевает,
только горло, как назло,
у него перехватило...

Одному не повезло —
знать, другому пофартило.
Вскинь туманные крыла,
чертыхнись, припоминая:
где сирень в углу — была
раньше яма выгребная.

А до этого — лабаз,
жестяной карниз нагретый...
Принимая с пьяных глаз
за дымок над сигаретой
эту простенькую цепь,
вспомнишь, горюшко, едва ли,
как из подворотни — в степь
пацанами выбегали...

Осень — это слёзы дотемна.
Чёрное стекло. Сухие вина.
Лучшие знавала времена
эта погорелая равнина.

Этот винный бархат испитой
был листвой, но — исподволь рассеян
по песчаной кромке золотой,
по железным столикам кофеен

— чтобы двое, всё ещё сквозь смех
дождик замечающих едва ли,
под открытым небом без помех
горечь и браваду распивали.

Стоял барак у Первой Речки
напротив бани под замком —
сидели пьяные при свечке,
едва мололи языком.
Ломали новую колоду,
держали кассу в кобуре...
И уходил дымок под воду,
и облакам сдавал каре
унылый двор, линиялый задник,
где спирт массовку скорешил,
и старый юноша-блокадник
на всех сухарики сушил.

Скамья под клёнами длинна —
чтоб стар и мал сидели на.
Кому повем? — когда-то было
и тех, и этих до хрена.

Теперь — смеркается к шести,
и голубятни не в чести,
лишь дяди-Сашину клетушку —
забыли, видимо, снести.

Скамья под клёнами длинна,
да миновали времена,
когда соседки там сидели
с послеобеденного сна

до полночи, как на пари,
а молодые — до зари,
и день-деньской под той скамейкой
в пыли возились сизари:

что им тащили со стола —
клевали с рук, и все дела,
лишь дяди-Сашина голубка
ржаные крошки — не брала...

Соль — с сединою заодно,
а хлеб и молодость — от Бога.
И согревает не вино,
а милосердная тревога
на самом деле — за тебя,
а всё казалось — за кого-то,
кто старился, цифирь дробя,
под вывеской «Цветное фото»,
под кальку правил светотень,
а после — в рюмочной, кивая,
выслушивал, на чей плетень
склонилась липа вековая.

Серебряный

1.

...перешли на «ты» далеко не сразу.
Там, где пальцы соприкасались, — розу
видели ангелы. Пересказу
не подлежит, как, отмерив дозу,
Податель милостыни устранился,
и наш условленный час тянулся
без покровительства. Мир менялся
от кивка, улыбки...

Конверт вернулся
с надпечаткой «за отсутствием адресата»,
и пошло: надежда,

терпенье,

смута...

А теперь и карточка переснята,
где в полуобъятье нам век — минута.

2.

Что-то всё же было, и город видел:
ни закон, ни случай нас не отвадил
от простой игры «кто кого обидел»,
то есть пару крыл кто кому приладил.
Город — свидетель. До ставки очной
дело дойдёт — он укажет судьям
виноватых в этой войне лубочной,
встречной, то есть, рифме,
молитве склочной...
— Нам-то что, серебряный? — Все там будем.

*Шли головотяпы домой и вздыхали...
(братья Стругацкие)*

Шли головотяпы, вздыхали:
«Ах, гуляет ветер в чистом поле
там, где подавали нам хинкали,

насыпали розовой фасоли
прямо в лист атласный виноградный...
Ах, — шептался тенорок эстрадный, —
помните? — с платанами. Уважьте,
крутаните заново пластинку...»

Ветер по Пицунде и Алуште
от балды гоняет золотинку,
праздничную, граждане, наклейку —
всё ли дело в коньяке картавом?
Вот они и сели на скамейку
с новомодным пивом, с полным правом...

Вечерний этюд

Полсеместра проулыбавшимся
так и так — по домам пешком...
На прощание всем собравшимся
козырнув золотым флажком,
гаснет лампочка неисправная,
тянет снедь из проходной.
Час не поздний, погода славная,
а скамеечки — ни одной,
где, вчера ещё просто сажены,
воробьиный подмяв галдёж,
топольки ещё тоньше кажутся —
допризывная молодёжь.

Три отрывка

1

Взял ключи и запер дверь снаружи
Ангел, Приходящий под Огнём.
Лик его не зеркало — тем глубже
теньевыми шрамами на нём
наши отражаются дороги,
а ещё — беседы при свечах,
краткие, как сполохи тревоги
в широко расставленных очах.

2

Подали машину к мокрым сходям —
оказалось, ночь темным-темна.
Наклонился и монетку поднял
Ангел, Раздающий Имена.
...Шли брюки,
собирали марки,
верили — шланида такова...
Дорого обходятся подарки.
Табак пропахли рукава.

Владимир ЗЮСЬКИН

О себе

Я родился 10 декабря 1943 года в городе Шадринске Курганской области. В 1968 окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал корреспондентом в редакциях газет Сибири, Урала, Украины, Сахалина. Был собкором областной газеты «Позиция» (Южно-Сахалинск), заведующим отделом публицистики Всероссийского журнала инвалидов «Голос» (с 1993 по 1998 годы), где вел и поэзию.

Стихи пишу без малого полвека. Тех, под которыми не стыдно подписаться, набралось на три полновесных тома. Однако издал пока всего один (да и тот небольшой) стихотворный сборник.

Возраст у меня предпенсионный, но таковым его не ощущаю, благодаря спортивному образу жизни: бег, гантели, занятие по системе йогов, плавание, моржевание.

Сотри случайные черты

А вечерок клевый выдался! Днем ветерок был. Сейчас листья на деревьях не шелхнутся. Будто из жести вырезаны. И не жарко. Не то, что вчера. Я в сетке ходил. Снял — мокрая.

Правда, тут еще причина была. Девочка брыклявая попалась: «Убери руки!», «получишь по физиономии!» Любят они играть в королеву Марго. Дескать, я не такая, а совсем другая. Но куда от себя денешься? Раз уж пошла со мной в посадку гулять, значит обратно пойдешь медленной походкой и в глаза будешь заглядывать, спрашивать: люблю или нет?

Я им всем «люблю» отвечаю. Мне не трудно, а им приятно. Вот и со вчерашней так же, а потом уже мне впору было говорить: убери руки.

Да, вечерок сегодня — блеск! Природа шепчет: займи да выпей. А чего занимать-то, когда аванс в кармане! Шуршит, поет, в буфет зовет. Ты погляди — поэтом стал! Это все та краля наделала. И откуда она взялась в этих местах? Вы, говорит, Блока любите? А я ответил: за что любить? Хоть и быстро дома из блоков лепят, а куда им против ракушечника!

Она смеяться начала. Запрокинула головку, зубки свои белые выставила. А губы — ну просто не знаю как сказать... Клубнике далеко до этих губ! И волосы длинные, как у русалки, еще ниже свесились. До самой... В общем, ниже талии. Картинка, я вам скажу! Меня так и потя-

нуло к ней. Да вокруг — люди. Танцплощадка — это не посадка. Там только недоростки патлатые своих чувих слюнявят.

Загляделся я на нее и даже за смех не обиделся. Ладно, думаю, смейся. Что ты понимаешь в блоках или ракушечнике, от которого у меня руки до локтей содраны. Будто терка прошлась. Смейся пока, шоколадка. Скучать позднее будешь.

А она вдруг говорит: Александр Блок — это поэт. Дома из него не строят. Сам он построил столько дворцов-стихотворений, что можно только восхищаться. Слова эти я хорошо запомнил, потому что сказала она их очень даже серьезно. И лицо было такое, будто поэт этот туфли подарил ей или что подороже. Я не выдержал — спросил: вы с ним долго встречались? А она опять рассмеялась. Блок, говорит, умер до того, как мой отец родился. Я сразу вздохнул свободней. Однако на другой день поэта этого в библиотеке взял. Почитал, проанализировал. Ничего такого особенного в нем нет. Про улицы писал, про фонарь, про аптеку. Крепдель булочной тут же фигурирует. А зачем, для чего? Спроси его самого — не ответит. Туманно все. Этим и заморочил голову девочке!

На другой день я ее на улице встретил и сразу спросил: вы часом не учительница? И угадал ведь! Насквозь людей вижу! Да, отвечает. Я

закончила... Что-то такое назвала — на «фи» начинается. А сюда, значит, по распределению приехала.

Я, конечно, прикинулся, что стихи люблю. Она клюнула. Учителка! Согласилась просветить меня, темного. Ну, я тоже в долгу не останусь. Научу кое-чему. Вот только не могу всерьез взяться. Как посмотрит своими глазами — куда у меня только хватка девается. Стою рядом, как мешок с мукой. Блок на моем месте, паверно, не растерялся бы. Дошлый был парень. Умел туману папустить. А они это любят. Особенно эти преподаватели на букву «фи».

Ага, вот и «Минутка». Я сюда и вправду на минутку. Налейка, Раечка, до краев. Но только один. Конфетку возьми себе. И сдачу тоже. У меня сегодня аванс был. Самый дорогой для сердца праздник, не считая, конечно, твоих глаз, Раечка! Ух ты, упругая какая! Резиновая что ли? А это кто? Бог мой, Толик! И уже на рогах! Стакан тянет мне. Да не лей ты на пол! Не могу сегодня, кореш. Дело есть. Я же вот сейчас стакан опрокинул. Вот только что!.. Ну, давай. Только полстакана — и амба. Полстакана. Больше я — ши, ши!

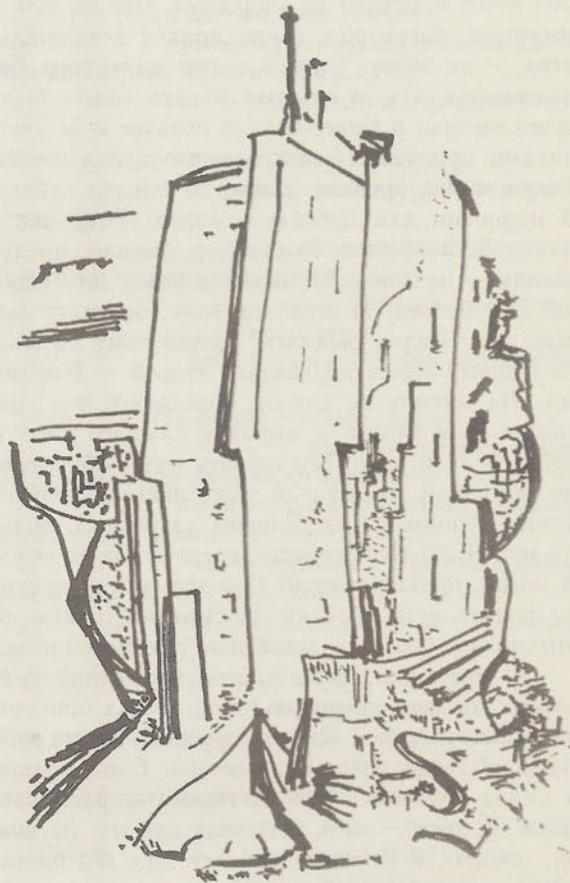
Ох, башка раскалывается. Будто там медведи на велосипеде ездят. Зацепился все-таки... А ну посмотрим в кармане. Сорок рэ. И как они так уходят быстро! Теперь этот пиджак, который я в магазине заприметил, кто-то другой наденет. Ну, и хрен с ним! Вот только б этот цирк в голове кончился. Мы сейчас ее — под крап, а потом пожар чефиром зальем. Эй, Толик, открой гляделки! Вставай, пролетарий! По тебе ракушечник скучает и новый бригадир. Давай-давай! Что ты голову с подушки, как змея, поднимаешь и смотришь нехорошо? Кто вчера мне стакан протягивал — аж на ботинок плескалось?.. Ох, и бардак у нас в комнате! Хуже, чем у меня в голове.

Ну, вот он, родной карьер. Включай — поехали. Машина режет камень, как масло. Только от масла пыли нет, а тут только успевай выплывай. Что-то сегодня камни тяжелее и штабель дальше. Хорошо хоть солища не видно. Да нет, плохо. Похоже, дождик собирается. Ракушечник — это же губка. Еще в два раза тяжелее камни будут. Давай, Толик, братсья. Хватит чесаться. Вон бригадир как побрасывает! На нас не смотрит, а видит. И где только такие родятся! В карьере без году неделя, но уже все морщатся, когда на него смотрят. Старый хоть тоже сволю-

чью был — давал заработать. Ни одну машину не пропускал. Как увидит, что без своих грузчиков — ставит трех человек из бригады. Шоферы наличными платят. 3-5 копеек за камень. Это смотря какая машина. А этот уперся и — ни в какую. Из-за левой работы, говорит, дневное задание страдает. О плане он заботится! Знаю я эти заботы! За свои 25 насмотрелся. Всяких начальнико повидал. Среди них эта болезнь водится: о плане, о качестве говорить. Послушаешь — кажется, сейчас с себя рубашку снимет и на тебя паденет. Но камень палево все пускали. Сколько их пересадили! При мне только два мастера сменилось и три бригадира. Этот четвертый...

А вот как директор погорел — куда интересней всяких там стихов. Как сейчас вижу этого туника Лабоду. Бородатый, худой, длинный. Трезвым я его не помню. А говорят, что институт кончил. Может быть. Парень грамотный. Но что толку? Ворочал камни, как и я, у которого семь классов и коридор.

Зарабатывали тогда здесь красиво. А если здо-

ровье есть да до вечера покалывать, можно было четвертак унести. Но Лобода водкой был крепко подточен и из долгов не выбирался. Однажды он на аферу пошел: продал ракушечника на 50 рублей. Дошло до директора. Построил он всех рабочих. Объявил о том, что Лобода уволен, а деньги мол — полсотни — вычтут из расчёта.

С рабочими у нас всегда туго. Но директор решил суд устроить. Это и был настоящий суд. Тунику в Крыму без прописки, кроме карьера, работать негде. Приказ об увольнении — как приговор. И вот Лобода при всех встал перед директором на колени. Простите, говорит. А тот уперся и ни в какую. Встал Лобода с колен, отряхнул свои изодранные брюки и говорит директору: ты меня не пожалел, и я тебя не буду!..

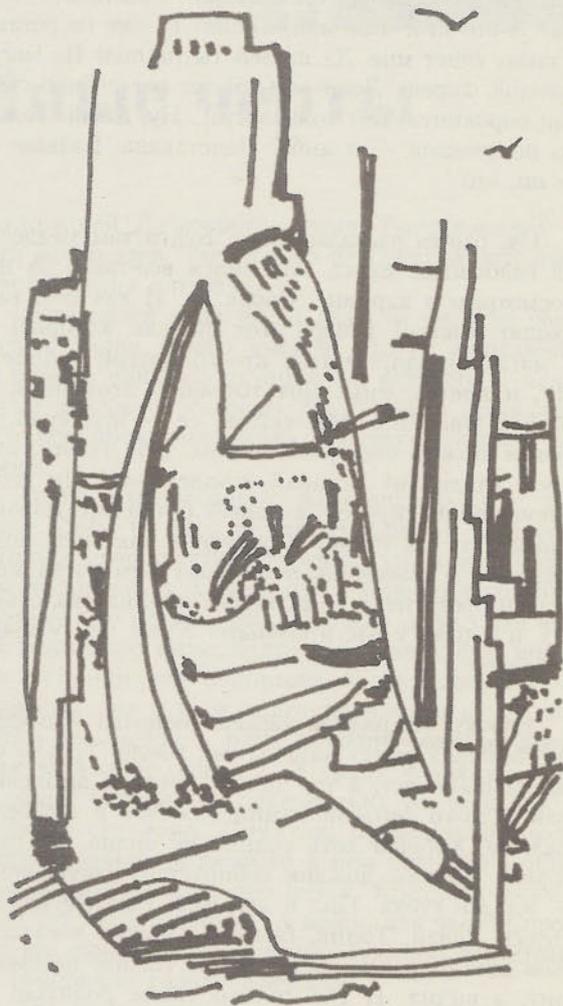
Ну вот, как я и думал, дожидчек пошел. Я-то вроде разработался, а вот Толика качает. В плечах он меня поуже и закалки детдомовской нет...

— Да клади ты, черт, новый ряд! Верхний я закончу.

Так вот, ушел значит Лобода из карьера, а под вечер приехали на «воронке». Что он там, в милиции, паговорил, какие привел доказательства — не знаю. Только взяли директора без разговоров. Ох, и скучная у него морда была через окошко в решеточку! А позднее и за учетчиками приехали. Оказалось, что целая шайка. Ракушечника продали палево на тысячи рублей. А полсотни для Лободы пожалел! Тоже все о плане беспокоился. Выступает, бывало, слушаешь — не для себя живет человек. Для народа! Вот бестия! И этот вот тоже, бригадир новый, под Иисуса работает. Только кому он мозги пудрит? Здесь же каждый второй — бывший зек. На мякину не клюют. Понимают, что красивых слов много, а живот у каждого свой и один. И тело одно. Его одевать надо. Желательно помодней. И девочки тоже деньги требуют. Таких ненормальных, Блоком ударенных, больше нет. Я, по крайней мере, впервые такую вижу. А может, прикидывается? Сегодня поведу ее стихи читать — в посадку. Посмотрим, с кем ей интересней будет: со мной или с этим Блоком...

Ну что тебе, Толик? Куда посмотри? А-а! Опять эти двое сцепились! Ага, послал бригадира. Далеко, однако! Он это умеет. Ну и тип этот Крюков! Лицо шрамом рассечено. Глаза мелкие и сидят глубоко. Весь татуировкой расписан. Даже на руке — змея, обвинившая фишягу. За пожоп, говорят, и отсидел пять лет. Зря его бригадир цепляет. Наскребет на свой хребет... А вооб-

ще, бригадир здесь прав. Крюков тоже должен от рельсов песок откидывать. Работа, прямо скажем, невеселая. Да еще в то время, когда другие перекуривают. Но это все делают по очереди. А за Крюкова всегда Пиляев отдувается. Он у него вроде денщика. Не удивлюсь, если и ботинки ему чистит... Н-цу! Этого я и от Крюкова не ожидал. Схватил лопату и — на бригадира. Если бы не остановился, песочек этот желтый стал бы кое-где красным. Крюков сейчас скалитесь — делает вид, что пошутил. Идет к Пиляеву, пинает его под зад. Дескать, иди отдыхай. И начинает сам очищать рельсы. Но морда у него такая, что в шутики не годится. Глаз совсем не видно стало, и русалочка на груди подергивается, будто холодно ей.

Рисунки из цикла «Город».
Художник — Ольга Боченина.

Римма КИРПИКОВА

*Родилась в городе Серове Свердловской области.
Окончила факультет журналистики Уральского Государственного
университета. Работала в газетах. Стихи пишет с юности.*

Я знаю: все друзья меня забудут,
Не завтра — послезавтра в 10-30,
Не греет солнце, ветер лоб не студит,
Но глупый долг: ни спать, ни разбиться.

Ничуть не сомпеваюсь: сын и дочка
Сдадут меня на первом повороте.
Но каплей валерьянки станет строчка.
Вы не хвалите — всё равно соврёте.

А тот, к кому хотелось бы прижаться,
С улыбкой отойдёт и выпьет кофе
С мороженым. И будет продолжаться
Слепящий путь, ведущий к катастрофе.

И ручка тяжела. И нету сил
К себе придвинуть лист обледенелый,
И до судьбы давно уж нету дела.
Всё — состоялось. Лишь достало б сил

Всё — донести и вида не подать.
И над индийской фильмой не рыдать!

Прогулка по Свердлова

Мне некогда гулять по Компроспекту.
Но по Свердлова можно прошвырнуться.
Хотя не так, как раньше: шпильки-мины,
а в шляпе и очках, ещё при сумке,
Где колбаса и хлеб — набор стандартный.
Здесь власть божжей, пусть отдохнёт Конфуций.
Весна сегодня быстрая и злая,
как в подворотне воры-недоумки.

Вокзальная специфика швартует
к обочицам небритых и опухших,
А стайка восьмиклассниц деловито покуривая,
принцев ждёт на джипах.
Струится однозначное волнение —
апрель устами юными надкушен,
А мне молчат французские витрины,
что вы, мадам, другой весны не ждите.
Мне сорок лет, я только из развода,
а на носу и выборы, и климакс,

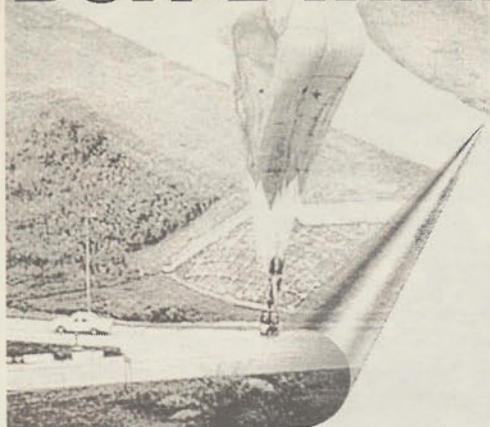
И я пятнадцать лет не исполняю
гражданский долг, супружеский — чуть меньше.
...А в лужу перед рынком прямо сверху
куском огромным солнце отвалилось,
Мне весело, что брызги, день и лужи,
и что принадлежу к отряду женщин.

Из северной провинции на праздник
приехала меня проведать мама,
Опять ругала: пенсия не светит,
неправильно живу, не так одета,
А я ей не могу для оправдания сказать,
как прочим весело и прямо,
Что пенсия навряд ли пригодится:
без страха и страховки мчит карета.

Сестрёнка в Индонезию слетала, сказала,
что у нас намного лучше,
Хотя и грязно, и по-свински пахнет
в разбитых и замызганных трамваях.
Звонил один знакомый, признавался,
что он надёжен и в быту послушен,
Я отвечала: «Очень даже верю,
но занята... Жирмунским... Он — прозаик».

Мой друг на вшивость не прошёл экзамен:
к моей подруге прижимался близко,
Она потом подробно доложила, как ручку жал...
Они меня так любят...
Друзья твердят: давно с таким-то бюстом
пора найти мне спонсора без риска,
Работу бросить, а махнуть в Египет
и вовсе не писать своих стихов...

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Виктор КУРОЧКИН
«На водном мотоцикле и
против течения – через порог Ревун!»
Евгений КОРБУТ
«Полярный Урал-2002»
Евгений ТАМПЛОН
«Смолинская пещера»
и другие материалы

Здравствуйтесь, дорогие читатели!

Вот и приходит к завершению 2002 год. Год, наполненный новыми экспедициями, походами, соревнованиями и приключениями.

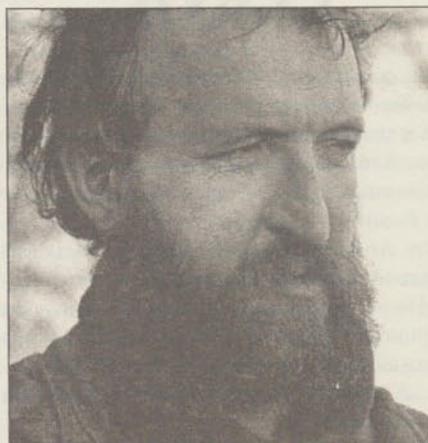
О некоторых из них мы уже повествовали на страницах нашего журнала, но о многих рассказ еще впереди. Были у нас в «Уральском следопыте» и свои открытия — знакомства с новыми авторами-путешественниками. Одновременно с этим продолжались публикации рассказов наших старых, добрых друзей.

В двенадцатом, заключительном номере года, вы встретитесь с необычной группой путешественников, которые передвигаются по своему маршруту очень редким способом — на лыжах и с парашютами. Поймав ветер, они несутся по тундре со скоростью до 25 километров в час. Дневник этой группы, путешествовавшей под руководством Евгения Корбута, мы печатаем с небольшими сокращениями. И надеемся, что это далеко не последний материал от него.

Из рассказа Виктора Курочкина вы узнаете о первой отважной попытке покорения знаменитого на всю нашу страну порога Ревун на гидромотоцикле «Бомбардье». Причем не сверху вниз, а снизу вверх. Импортная техника против уральских рек: кто кого?

Юлия Бычкова рассказывает про подвиг спортсмена-воздухоплователя, который ценой своей жизни спас ее от смерти.

А Евгений Тамплон, ваш старый и добрый гид, на этот раз проведет экскурсию по Смолинской пещере. Ее удивительный подземный мир, связанный с древними тайнами вогулов, расколь-

ников, находится недалеко с Екатеринбургa.

Подборку завершают короткие и интересные рассказы Андрея Байдакова — в них он, с присущим ему юмором, описывает некоторые теплые стороны жизни и правот туристов... Что ж, тот, кто действительно силен и умен, может признать и свои недочеты, недочеты своих друзей.

Вы можете заметить, что наш раздел стал более красивым, насыщенным фотографиями. Пусть они пока не цветные, а черно-белые, — но это документы, рассказывающие о реальных ситуациях, о победах людей, участвующих в экспедициях и походах.

Приятного вам путешествия по страницам, и с Новым годом!

Желаю вам новых хороших походов и удачных приключений!

До новых встреч!

Александр Челноков

Виктор КУРОЧКИН

На водном мотоцикле и против течения — через порог Ревун!

Приходят к нам в университетский турклуб Андрей Иванов и Миша Иманов. Мы с ними знакомы были по совместной работе в разных экстремальных проектах. А тогда сентябрь, по-моему, был. В общем, золотая осень и самое время закрывать водный сезон.

И вот Андрей Иванов с ходу и предлагает: «Вы же все равно на Ревун поедете... (а Ревун — это порог на реке Исть, недалеко от Каменска-Уральского. Знаменит на всю страну — с Москвы и Нижневартовска приезжают тренироваться. - Авт.) Свой сезон закрывать... А мы как раз там один проект затеваем. Помощь ваша нужна...»

Спрашиваем: «А что делать-то будете?»

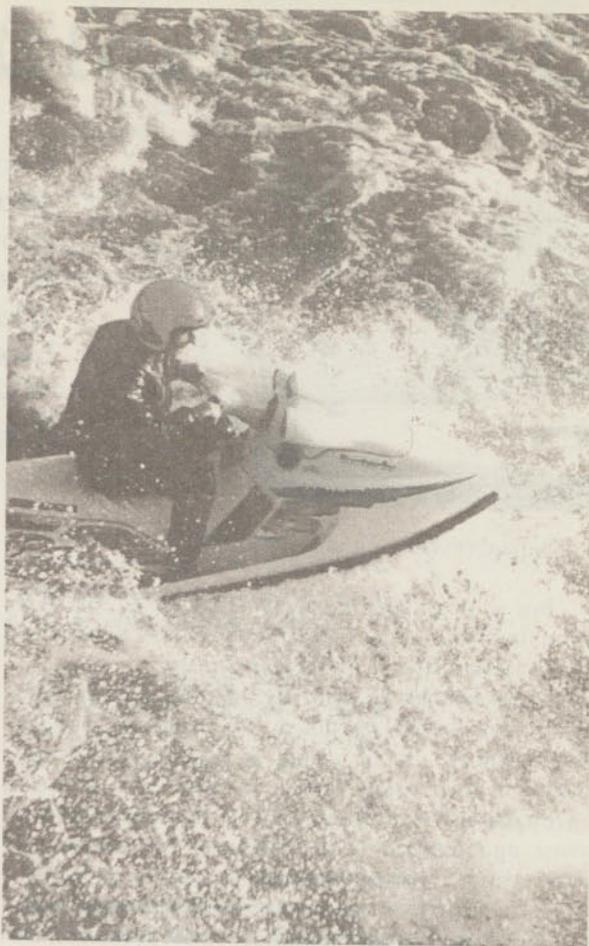
«Да вот хочу на водном мотоцикле «Бомбардье» Ревун снизу вверх пройти... Фильм небольшой снять про это... А вы меня подстрахуете на бурной воде».

Думаю — забавный проект, необычный, стоит посмотреть, да и поучаствовать не помешает.

«Хорошо, мы согласны! Только кассету потом закинь к нам в турклуб УрГУ.»

И вот мы уже на Ревуне. Выехали почти все действующие водники Университета, а также их друзья и подружки (и подружки подруг) — одним словом, народа много, чуть-чуть меньше, чем на Дне туриста. Зато воды в реке значительно больше. Валы в пороге стоят огромные и жесткие. Камней почти нет — залиты водой...

На наших глазах за пятнадцать минут перевернулось две «двушки» (двухместные катамараны). Тяжело приходится даже опытным каякерам. Юрку Шишкина «заварило» в первой «бочке» минуты за три — уж хотели катамараном сверху наезжать, да только вода перевернула каяк, и «бочка» тут же «выплюнула» его на быстроток. Юра делает классичес-

кий эскимосский переворот и зачаливается на левый берег в аккурат перед второй «бочкой» (восстановить дыхание и привести себя в порядок).

Жуткая вода! В таком виде Ревун точно — «шестак» (шестая категория сложности)!

А нам такая вода и нужна — ведь иностранная техника рассчитана на море, а не для слалома среди речных камней.

Договариваемся с Мишей Имановым о местах страховки, о действиях каждого экипажа, готовим, проверяем снаряжение. Макс Калистов с Мишей Голликовым руководят страховкой с берега: шесть выбросок и к ним вдобавок два «живца» с ластами (это опытные спасатели, которые прыгают в бурную воду с прикрепленной к ним веревкой и вытаскивают на берег потерпевших бедствие). Нам выдали видеокамеру на катамаран — жаль, только без бокса. Эх, сколько мы уже этих видеокамер утопили в походах...

Игореха Зарубинский будет снимать с катамарана крупные планы, он достаточно опытный турист, большой любитель видеосъемки экстремальных путешествий... Любит он это дело — снимать на видео.

А тем временем Андрей уже голяет по спокойной воде ниже порога, закладывая крутые виражи. Идет обкатка иностранной техники: ведь Андрей сел на «Бомбардье» впервые в жизни.

Спрашиваю его после: «Ну, как?»

«Да так же, как на простом мотоцикле, принцип тот же...»

Приближается время «Ч». Скалистый склон над порогом заполнен зрителями. Все гадают: пройдет или не пройдет, получится или нет. Говорят, даже заключались пари. По берегам много видеосъемщиков и фотографов. Недалеко от нас вижу Олега Новоселова. У него на шею аж три фотоаппарата — и все крутые, навороченные. Одно слово — «профи».

Все в ожидании. Как говорят спортивные комментаторы: «Интрига нарастает».

И вот Андрей разгоняется и на большой скорости подходит к первому (если считать снизу) сливу. Прыжок. Мотоцикл взлетает метра на полтора и удачно приводняется уже далеко выше слива. И далее, не сбавляя хода, идет к следующему сливу. И вновь — высокий прыжок. Андрей делает полукруг в средней части Ревуна — полпорога пройдено! Легко и непринужденно.

Как будто он всю свою жизнь это делал. Мне даже немного обидно — я уже достаточно время занимаюсь водным туризмом... а тут, можно сказать, новичок, в большую воду... легко и просто. С берега сквозь шум ревущего потока слышны крики изумленных зрителей. Фотографы и видеосъемщики заняты работой.

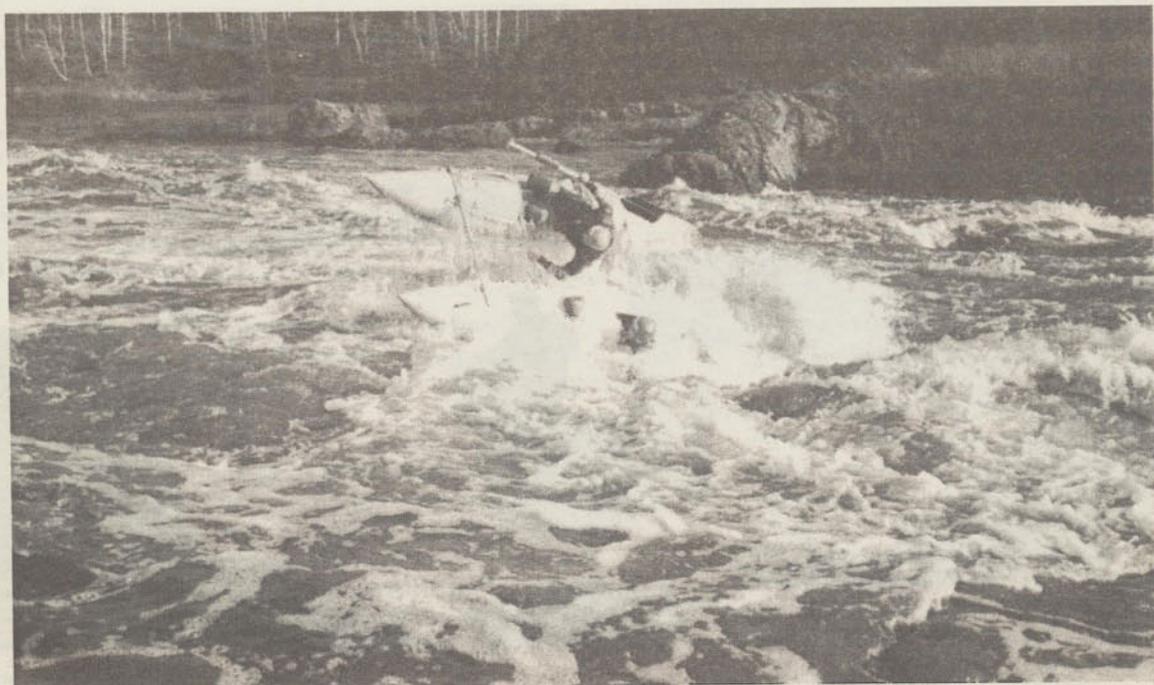
Сейчас Андрей должен пойти вниз, прямо на нас — чтобы Игорь Зарубинский смог снять его прыжок снизу крупным планом (так мы договорились по сценарию).

Наш четырехместный катамаран стоит справа от слива, в маленькой суводи, и приходится все время работать веслами, чтобы не стащило вниз по течению. Игорь наполовину вылез за катамаран, зацепившись ногами за алюминиевую раму. Сергей Мельников держит его за ноги.

Мотоцикл быстро приближается. В какой-то момент мне показалось, что он прыгнет со слива прямо на наш катамаран — а тогда от нас останутся только щепки. И мы опять утопим видеокамеру... Но Андрей протсел совсем рядом, буквально в сантиметрах от нас. Катамаран накрыло волной... Кадры должны были получиться эффектными.

Теперь водитель водного мотоцикла бросил свою машину на штурм прижима у правого берега. Раздался сильный удар о камень, «Бомбардье» взлетел еще выше, чем раньше. В момент приводнения сильным валом воды Андрея смывает с мотоцикла и отбрасывает на несколько метров в сторону. Машина сразу глухнет и заваливается на бок. Страхующий катамаран — а это были Сергей Муравьев с Юркой Шишкиным — бросается на выручку.

С берега летят выброски, и Миша Голиков даже попадает точно в Андрея (хорошо, что не в зубы). Но тот отбросил спасательный конец и вплавь достигает мотоцикла. Еще мгновение — и заработал мотор. Этим он спасает свою машину, так как до ближай-

ших камней «Бомбардье» остается три-четыре метра.

Еще несколько попыток, и предпоследний большой слив в верхней части Рсува взят. Но далось это тяжело. Днище у гидроцикла оказалось пробито. Да, тут не море, тут не там...

Сливаем воду. Пытаемся заклеивать дыру специальным гидроскотчем. Ведь надо-то совсем немного — один прыжок... и первый сверху (или последний снизу) порог будет взят, а цель достигнута!

Вроде все заклеили, подготовили машину к старту. Андрей с места рванул в сторону последнего, непройденного слива, — но где-то по пути опять зацепил камень. Скотч сорвало. Мотор зафыркал и заглох. Андрея и «Бомбардье» стремительно понесло на камни. Опасная ситуация.

Наш катамаран рванул навстречу. Спасти надо сначала человека, а уж потом — если получится — и мотоцикл... Андрей сам вылез на баллон катамарана. Теперь предстояло бороться за «Бомбардье». Эта задачка оказалась не из легких. Но все же догнали машину и зацепили. Транспортировка тяжелого аварийного гидроцикла к берегу вытянула из нас много сил. Нас чуть не смыло в прижим. Все

решали секунды. Макс Калистов отважно бросился к нам в воду и помог удерживать катамаран на месте до тех пор, пока не подбежали остальные спасатели.

На берегу стало ясно, что без капитального ремонта машина не может перемещаться по воде. На этом съемка проекта — да и сам проект — закончились. А жаль... «Но затея не удалась... за попытку спасибо!» (кажется, Вознесенский А., из «Юноны и Авось»).

Попытка покорения сложного порога на «Бомбардье» (причем снизу вверх и сверху вниз) породила массу новых идей. Например: а что, если брать с собой в походы по рекам шестой категории сложности что-то подобное, только чтобы оно полегче было и не такое хрупкое. Ведь какое преимущество: водомет может стоять у края «бочки», входить в нее и помогать в спасении тех, кого закрутило водной струей.

Кстати, в Австралии серфингистов во время больших волн спасают именно на таких водных мотоциклах...

Р. С.: Знаю, что после починки своего агрегата Андрей Иванов прошел на «Бомбардье» несколько десятков км по реке Чусовая, поднялся вверх по реке Койва до семиметрового водопада. После детальной подготовки и организации страховки Андрей совершил с него смелый прыжок на своем водном мотоцикле. Все-таки он молодец! Я бы даже сказал, спортсмен экстра-класса!

...А кассету нам так и не закинули в турклуб. Фильм же, который пару раз прокрутили по десятому каналу, показался мне не так интересен, как само мероприятие.

Но вообще-то водный сезон мы закрыли на «отлично»!

Фотографии Олега Новоселова.

Евгений КОРБУТ

Полярный Урал-2002

МАРШРУТ: г. Воркута — база «Семиголовка» — р. Кара — р. Юп-Яга — оз. Тирибей-То — р. Нярма-Яха — г. Константинов Камень (восх.) — оз. Есто-То — р. Нярма-Яха — вверх по р. Нярма-Яха — оз. Нярма-Ту — г. Хуута-Саурей (восх.) — перевал к р. Пырь-Яха-Тоня — оз. Б. Щучье — р. Щучья — р. Нодэ-Яха — руч. Ворчашор — р. Хадата — база «Хадата» — оз. Б. Хадата-Юган-Лор — оз. М. Хадата-Юган-Лор — перевал в долину р. Уса — оз. Б. Кузь-То — руч. Б. Бадьяшор — р. Малая Уса — руч. Б. Пайсошор — пос. Советский — г. Воркута.

СОСТАВ ГРУППЫ: Корбут Евгений — руководитель, Самборский Владислав, Алимов Виктор, Стирижова Наталья, Шуклцов Сергей, Воротников Владимир, Иванов Леонид, Шубенкина Алла.

04.04.02.

Воротников.

Утро, 6 ч. -15 С, туман или дымка — не пойму, кажется, все-таки туман.

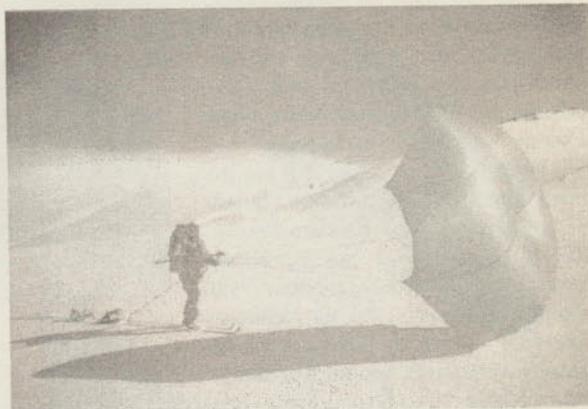
Сегодня начинается собственно маршрут. Готовим завтрак, собираемся. Тихо, безветренно. Поднимаемся из ложбины, где стоит балок, выходим на плато. Снега много, торчит карликовая березка. Видимость 1,5 км. Начинается легкий попутный ветерок. Временами вдали, в разрывах облаков, появляются неизменные вершины. После первого перехода Женя достает парашют. Потом к нему присоединяется Наташа.

Когда они проезжают мимо меня, думаю: почему не я? Достая парашют и — ах — поехали! Боже, какая песня. Он расправляется с хлопком и сильно дергает меня вперед. Главное — не упасть, что бывает непросто. Поверхность постоянно меняется, снег то плотный, то носки лыж предательски зарываются, и только отчаянные усилия позволяют устоять на ногах.

Постепенно начинаю привыкать. Ощущения пешеходные! Вскоре уже все с большим или меньшим успехом рулят под парусом.

05.04.02.

Утро было ветренным и снежным (по-простому — небольшая пурга, а по-Славишному — небольшой ветерок). Весь день шли, как ежики в тумане. Ближе к вечеру мы набрали кучу дров в виде веток. Поэтому в палатке сейчас тепло так, что можно сидеть в футболке и с удовольствием писать этот дневник. Вот только наст под палаткой периодически пугающе проседаст.

К езде-полету готов!

06.04.02.

Температура: -22°, ясно, ветер 5 м/сек. Утро началось с удовольствий. Первое удовольствие — это кофе в постель. Спасибо дежурным! Это трудно описать: 6,5 часов утра, трещат дрова в печке, в палатке уже теплеет — и тебе, едва продравшему опухшие и немые глаза, подадут (в палатке -10°) кофе. Это — кайф!!! Второе удовольствие — это погода. Два дня шли в пурге, ни хрена не видно, кроме зада (задницы) впереди идущего — и вот утром сегодня ясно, все кругом видеть, и ветра почти что нет.

Собрались. Вышли. Появился попутный ветер. Распустили парашюты — и вперед! Я второй раз в жизни держу его в руках. В первый раз — позавчера. При сильном ветре, падении лицом в жесткий снег и на левый бок... Спасибо друзьям, подсказали, что па-

Горы, по которым мы ходили.

рашют можно держать в руках и бросать в критические минуты, а не извиваться под ним, когда упадешь и не знаешь, как освободиться от него, когда он пристегнут.

Сегодня — это азы парашютного дела. Он тебя то слегка тянет, вялый такой, то становится упругим и твердым, и ты его с гордостью держишь в руках, при этом совсем не работая палками, а лишь слегка передвигая лыжами.

Прошли-пролетели 16 км до обеда. Виден Константинов камень — до него 6 км. Высота его — 483 м. Поставили лагерь, взяли всякие силиконовые штучки — и вперед. Я думаю, что на парашютах еще никто не поднимался на самую северную вершину Полярного Урала. С плато пошли пешком. Поднялись — жуткий ветер, очки потеют, лицом к ветру не повернуться, слезы и сопля текут — кайф! Удовольствие непередаваемое! Обратно на лыжах вниз — тоже удовольствие. Когда пришли в лагерь, сил не осталось. Надо ставить стенку — кирпичи возил на санках.

Сергей.

07.04.02.

Дела обстоят сугубо серьезно. Этот день начался, как и все прошедшие: с ветром, который раскачивал трубу у печки и громыхал палаткой. Дежурные вручили каждому жидкой каши, так что приходилось покидать уютный влажный спальник. На улице все оказалось не так мерзко, как представлялось изнутри палатки. Сквозь облачность проглядывало солнце, ветер в бок, температура: -2° , видимость. Собрались — и в путь. Три ходки от подножия Константинова до Б. Минисея. Ветер не утихает. Горы наполовину закрыты. После обеда — полудневка. Пособирали веточки и другой хлам. Полюбовались каменистыми изваяниями; и вот так, в ожидании хорошей погоды, почуем. За день прошли 8,4 км. Выпили по 20 гр. в честь праздника «День геолога», поздравили одного из нашей компании — Виктора. Ветер треплет палатку хорошо, труба без удержу скрежщет по раздатке.

Завтра будет поворотный день: мы повернем на юг, а повернет ли ветер или будет дуть в лоб? В па-

Хадама.

латке проведен эксперимент: в печку закладывается сыреный ивняк, и он горит так, что труба красная. Это очень хороший эксперимент. Итак, тепло, песни поются весь вечер, главный геолог весь в поздравлениях.

08.04.02.

Утро для понедельника начиналось радостно, светло и тепло. В палатке — жара, верба распустилась в углу своими желтенькими махнушками. Ухо было облакано нежным призывом дежурных: «Кружки на базу! Холодный «Каркаде» бывает особенно вкусен по утрам. Филиал ресторана «Екатеринбург» начнет свою работу, с добрым утром, дамы и господа!»

Наши парашюты.

День обещал быть, как всегда, прекрасным!

Температура за бортом: -2° , еще ветер в лицо, видимость очень плохая. Но в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо.

09.04.02.

Ночевка была на притоке реки Нярма-Яха. Подъем в 6 часов, завтрак — и в дорожку по реке. До обеда прошли 16 км и после обеда — 12 км. Немножко шли под парашютами. На почевку встали в 19 ч. 50 мин. Поставили палатку, и прошел очередной день нашего похода. Все вроде живы и здоровы. Хочу, что бы было так до конца похода.

10.04.02.

Утро прошло бодро. Очень интересовала температура: с вечера было холодновато. С утра: -24° . Это ночью. К моменту выхода: -20° . Это нормально. Дошли до бугра с буровой трубой — остатками лагеря. Вокруг железки, уголь, следы пребывания.... Но были и полезные вещи — сухие веточки. Тут выяснилось, что в наших планах — восхождение на гору Хуута-Саурей. Погода благоприятствовала этому плану. Основная радость, что сейчас удастся сбросить рюкзак и саночки.

Поставили палатку, предварительно вытоптав место ногами. В паледи нашли воду — это должно ускорить процесс. Алена решила отдохнуть в лагере. Мы поговоривали ее, поговоривали, и пошли вверх. Уже на подъеме возникли очень панорамные виды блестящих гор. Заледенели склоны. Подъем вначале проходил по крутой осыпи. Насколько камни надежнее, чем в Саянах! Стали попадаться участки фирна. Довольно паршиво топтать в галошах. Нужны бы кошки. Вышли на край кара.

Вид и вдаль, и рядом может запомниться. Вдали — Оченырдь, вблизи — кар, на скалах — падувы. Начинаем подъем на вершинный взлет — самая крутая часть горы. Наконец-то вершина! На востоке — черная тундра, на севере — Константинов камень. Далеко мы оттуда уже ушли. Фото, видео, перекусы — и идем вниз. Пытаемся найти путь полегче, но потом просто идем по подъему. Последний спуск на лыжах — счастье! Встречаем Алену. Она очень скучала без нас. Вечером дежурим с Леной. Начальник решил почевать здесь. Ура!

11.04.02

Пробуждение в этот день было ранним. Дежурные встали в 5 утра. И, позавтракав, все дружной змейкой побрели вверх — на перевал. Позади нас горы закрывались занавесом из темных туч.

Съехав к озеру Большое Щучье, мы попали в лесную чащу. Там мы покатались на парашютах. Обсудили, одной рукой кушая, а другой держа палатку, чтобы ее не спесло ветром.

Тундра и горы.

После все, предвкушая виртуозное катание по полигону озера Щучье, стали распутывать парашюты.

Но, выйдя на озеро, мы обнаружили, что ветер дует совсем не в ту сторону, в какую мы бы хотели. А спустя какое-то время он повернул в противоположную от нашего движения сторону.

Итак, к долгожданной бане мы уже добрались часов в 8-8.30 вечера. Уставшие, но непобежденные. В этот день мы преодолели 40 км. По всей видимости, это будет самый длинный день нашего маршрута.

12.04.02.

0 или -1° градус. Ночь провели на южном берегу озера Б. Щучье. Мы с Леной после вчерашнего перехода (40 км) отключились в балке, остальные почевали в палатке. От стоянки шли на парашютах до сливающей «щучьих» рек.

После обеда снова шли пешком. Тепло, снег липкий. По реке вообще бегут ручьи. Шли по наледи в воде по самую щиколотку.

Вечером вышли к чуму. На правом берегу реки стоит одинокий чум. Посмотрели чум, фотографировались. Алена с Виктором купили у чумовой хозяйки по кошельку из оленьей шкуры. А завхоз с Женей купили оленьи (настоящее мясо!!!). Ужин был шикарный: оленьи с макаронами и настоящий хлеб. Завтра должны быть на Хадате. Всего прошли 16 км.

Сергей.
13.04.02.

Десятый ходовой день. Утром не холодно — около 0°C. Вышли рано, около восьми часов, так как сегодня должны попасть в Хадату. До обеда шли на лыжах, потом пешком. Снова был подлип. Шли по колею от вездеходной машины. Перевал небольшой, но очень красивые хребты по сторонам. Ощущения — будто огромные динозавры лежат слева и справа, охраняют наш путь.

Стала хуже видимость. Солнца снова не видно. Одели лыжи и повернули на запад. Погода стала совсем плохая. Пурга, сильный ветер в лицо. Хадата уже где-то рядом. И вот во встречном ветре уже чувствуется дымок. Сразу становится легче идти, хоть и в гору. И вот среди этого сурового безобразия появляются дома. Это Хадата — то ли база для туристов, то ли база для воркутинских чиповщиков. 3 домика, баня и сортир в виде железной будки, которая выдержит любую ветровую нагрузку. На базе нас встретил один сторож — Владимир Николаевич Веселовский, который здесь уже 9-й месяц. Нам был рад. Еще больше он обрадовался, когда мы ему налили спирту, а Евгений показал прошлогодние фотографии. Затопили печку в бане. На дрова пошли растущие на склонах кусты и карликовые деревья. Пока пели-пили — баня истопилась. Девчонки пошли первыми. Потом — остальные. Баня была потрясная. Несмотря на огромные размеры, был жар, была горячая вода в санках, и можно вымыться полностью. А мы не делали этого больше 10 дней.

14. 04.02

После баньки, которая прогрела все наши усталые кости, после вчерашнего пения, распития чая и поедания ночного холодного плова у Володи-хадатинца, подъем был не раним.

Вволю отоспались: начальник порешил выйти на маршрут после обеда. Но, увы. Несмотря на весеннюю капель, которая весело с утраца закапала с крыши хадатинской бани, погода решила нас не баловать. Поднялась очень сильная низовая метель: из маленького банного окна видно только самый близкий сугроб, а о соседнем домике только можно было тихо догадываться. Выход обещал быть нескорым...

После обеда к базе потянулись гости. Сначала это были две оленьих упряжки с очень экзотическими погонщиками: Степан и Егорка — славные представители местного населения. С ними прибыл Дмитрий, турист из Карелии. Ребята вчетвером путешествуют по Полярному, второй день пургуют недалеко отсюда и подлечивают заболевшего товарища. У Дмитрия шикарные финские лыжи и прикамбасный рюк, но об устройстве нашей палатки и принципе ходьбы на лыжах с парашютом он очень долго разговаривал с Женей. Их разговор закончился покупкой Дмитрием парашюта.

Жители севера.

Потом прибыла еще одна упряжка, со знакомым нам ненцем...

Так что на Хадате народу скопилось видимо-невидимо, что очень радовало Веселовского Володю. А тем временем пурга угомонилась, и мы начали собираться снова в путь.

Пошли дальше. По пути встретили целый караван из оленьих упряжек — видимо, оленеводы переезжали с места на место. Женщины и дети одеты как на праздник, сани покрыты коврами, все в темных очках... Сплошная экзотика... Сам вечер был чудесен! Прозрачный воздух, звенящая тишина, кругом почти рериховские пейзажи. Божественно...

15.04.02

Дела обстоят сугубо серьезно. Начну повествование с раннего утра. Место для палатки выбрали где-нибудь, а на подъеме на перевал. Окружали нас чудные горы «Уральские Альпы». На перевал поднялись легко. Вокруг были скальные склоны, вершины «красот не описать» — и вот так, по хорошей погоде, вращая шсями направо и налево, мы шли по озеру Кузь-То, в сторону Воркуты.

Погода чудесная, температура -5 градусов, подлила нет, солнце жарит, идетя легко. Впереди — тундра и славный город Воркута. После обеда это и случилось: горы расступились, и началась тундра. Народ было сначала выкинул парашюты — по закончи-

лись горы, закончился ветер. Снег в тундре стал более плотным.

За день прошли 37 км. Вечерест, ветер северный, температура около -15° , ясно, вдали розовые горы, заходит солнце. Замечательный вечер. Народ в палатке горячо обсуждает главную тему — это большие колени и стертые пятки. Все требуют доктора, требуют таблеток, требуют помазать большие места.

Воротников
16.04.02.

Вчера к вечеру ощутимо похолодало. Утром термометр зафиксировал -25 градусов. До Советского осталось около 40 километров. Встает солнце, освещает великолепную панораму гор. Сегодня над ними ни облака, и путь наш лежит не к ним, а от них. Выходим. Все вокруг истоптано следами куропаток и песцов. Сами куропатки сидят невдалеке и с любопытством смотрят на нас. Вот вижу полярную сову — в телескоп видно, как она крутит головой, как она взлетела и, плавно взмахивая крыльями, улетела прочь. Первый переход идем обычным образом — работаем лыжами и палками. Но вот наступает момент, о котором мы все, наверно, мечтали. Слабый северный ветерок начинает усиливаться. Я боюсь вслух произнести эту фразу — «Попутный ветер», — чтобы не спугнуть этого осторожного зверя. Я достаю парус, и, еще не веря в чудо, потихоньку его распускаю. Поначалу он не очень сильно помогает, но проходит немного времени, и начинается веселуха... Так мы еще здесь не ездили. Скорость веселуха. Женя засекает по GPS (прибор спутниковой навигации): примерно 12 км в час. И это при том, что он жаловался, что его не везло. Я временами разгонялся до 25-30 км в час. Со свистом проносишься по плотному тундровому снегу; санки сзади, громяхая, несутся за тобой, продираясь с хрустом через кусты. Я весь устремлен вперед. Перебирая стропы паруса, ловлю боковой ветер, заставляя его нести меня куда нужно. В стороны от меня разбегаются сотни зайцев. Целые стада их пасутся на этих склонах. Но как ни хорошо ехать, постоянно в голове мысль: где оставшие ребята?

Останавливаюсь. До линии водораздела примерно 5 км. На этом пространстве я насчитываю 6 парусов — вместе с моим. Наверно, у Алены проблемы с буксировщиком... Находим место, слегка прикрытое от ветра, и ждем. Вроде причин для беспокойства нет. Ясно. Хорошо вид-

ны следы лыж. Потеряться невозможно, но пока вся группа не соберется в кучу, душа не на месте. Ну вот, собрались. Распутываем паруса и едем дальше. Лыжи прыгают по застругам, мелькают кусты, парус то взмывает вверх, то с шелестом падает на снег и снова взмывает. Ветер дует не точно со спины, а из-за правого плеча, и все поровит утащить тебя налево. Времени нет, оно превратилось в пространство, убегающее за моей спиной. Я могу так ехать, кажется, бесконечно... До обеда прошли 34 км. Точнее, не прошли, а пролетели — 3,5 ходовых часа. По расчетам, до Советского осталось 10-12 км.

И вот последний бросок. Поселка еще не видно — но видны ЛЭП, и там, где они скрываются за горизонтом, виден дымный след. Открывается вид поселка Советский. Поначалу эта полоска напоминает состав вагонов товарного поезда, серых от угля. Но чем ближе, тем яснее вагоны становятся домами.

Все ближе дома, все меньше остается тундры, все ближе ощущение финала. Метров за 500 от домов останавливаюсь, чтобы дождаться ребят. Вот подъезжают Наташа и Леня, чуть дальше — Виктор. Вот мы подкатываем к домам, и парус опадает последний раз. Ходят люди в обычной одежде, и кто-то показывает пальцем... Мощный, набравший скорость локомотив нашего похода плавно вкатывается на конечную станцию. Разогретые котлы остывают, заиндевшие от скорости трубы выглядят здесь диковато. То, что мы делаем дальше, совершенно не вяжется с прошлым — санки в стопку, лыжи в пачки... День подходит к концу. Мы со Славой едем на вокзал и покупаем билеты до Кирова на 17 число. Звонки домой, родным и близким...

На лыжах и под парусом парашюта!

Смолинская пещера

Пещеры — одно из самых таинственных созданий неживой природы.

Что такое карст и как образуются в толщах осадочных пород обширные гроты, длинные запутанные коридоры, глубокие колодцы и узкие щели, знают даже школьники. Вода, просачиваясь с поверхности, размывает мягкий известняк, участки потверже сопротивляются воде дольше. Вот и получается, что вместо сплошного каменного пласта под тонким слоем почвы и рыхлых отложений создается свой удивительный мир, где в прохладе затейливых подземных коридоров нет места земной жизни, привыкшей к свету, теплу, смене времен года и суточным ритмам. Под землей своя жизнь. Здесь всегда темно, всегда влажно, и температура от зимы к лету меняется всего на несколько градусов.

На Среднем Урале пещер много. Везде, где реки текут среди известняковых скал, встречаются многочисленные гроты, неглубокие ниши, трещины, карстовые провалы и воронки. Все эти образования — родственники пещер.

Широко известна Кунгурская ледяная пещера на Сылве, пещеры Дружба и Аракаевская на реке Серге, Чусовая пещера и, конечно, пещеры на Исети.

Ярко выраженный карстовый район по берегам Исети начинается от порога Ревун, что у деревни Бекленищево. Именно здесь находится одна из самых крупных уральских пещер — Смолинская. Название свое она получила по селу Смолино, расположенном неподалеку. Село это старинное, основано еще в начале XVIII века. Долгие годы о пещере никто, кроме местных жителей, не знал, а они о своем подземелье особенно не распространялись. К пещерам люди всегда относились с опаской и священным трепетом. Для вогулов, живших по берегам уральских рек еще до прихода сюда башкир и русских, пещеры были местами особо почитаемыми. Здесь жгли священный огонь и поклонялись душам предков.

Посещали ли вогулы Смолинскую пещеру, сейчас сказать трудно; а вот староверы, бежавшие от притеснений властей, о смолинском подземелье знали. Пещера была для них укрытием от посторонних глаз, где можно было блюсти свою веру, не опасаясь специальных военных команд, разорявших староверческие скиты.

Тайга вокруг пещеры сохранялась более ста лет. Только в середине XIX века о селе Смолино и большом подземном лабиринте в его окрестностях стало

Вход в Смолинскую пещеру.

известно в широких кругах. Произошло это в 1852 году, после посещения Смолинской пещеры В. Р. Олесовым. Он прошел по подземным коридорам, гротам и обнаружил, что задолго до него они были обитаемы. Свидетельством тому были вырубленные глубоко в известняке ступени, расчищенные ниши, лавки, кресты и иконы. Долгие годы в подземелье постились и творили молитвы неизвестные отшельники и монахи. В тупиковых гротах, названных Олесовым кельями, когда-то горели свечи, читались спасенные от рук гонителей старой веры раскольников книги, звучали псалмы.

Но Олесов всего этого уже не застал. Раскольниковый пещерный скит был заброшен, и в глубине подземных ходов обитали только полчища летучих мышей. Правда, у входа в пещеру стояла маленькая избушка, и жил в ней мужичок из местных. Имени его никто не знал — обращались по отчеству «Ильич». Он-то и водил краснеда по пещерным коридорам, которые знал как свои пять пальцев. Ильич был поведения добропорядочного, и любил читать вслух Священное писание. Хаживали к нему малограмотные местные крестьяне. Особо любопытных он водил по пещере, а потом всем читал Библию. Этим и зарабатывал себе на пропитание.

Олесов посетил пещеру еще два раза, в 1858 и 1890 годах. После последнего похода он составил подробный план подземных пустот и опубликовал в записках УОЛЕ (Уральского общества любителей естествознания) отчет о своих исследованиях. Благодаря этой

публикации мир узнал, что в 60 верстах от Екатеринбурга есть очень большая карстовая пещера. Ее длина по «левому коридору» составляет 50,5 саженей (108 м), а по «главному коридору» — 48,5 саженей (103,5 м). Вход в пещеру находится в распадке небольшой речки Смолянки, впадающей в Исеть. Сам вход представляет собой обширный грот с узким лазом, от которого и начинается «главный коридор» пещеры.

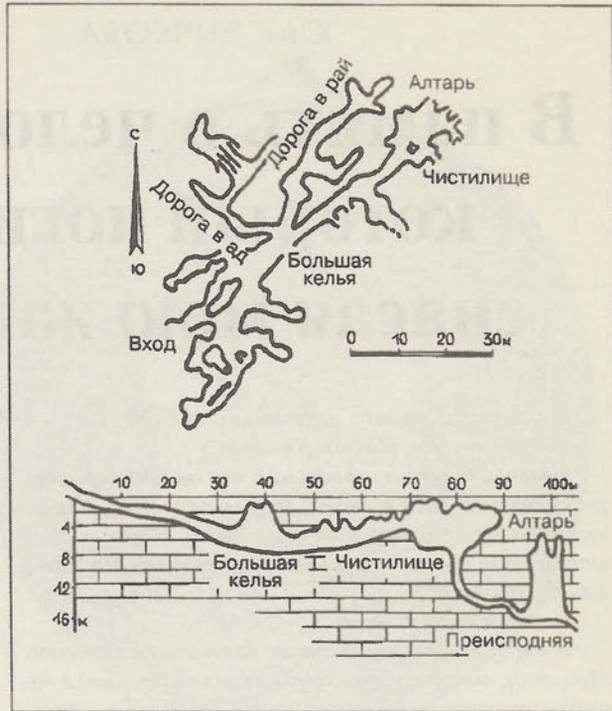
В последующие годы и десятилетия в пещеру спускалось много людей. Были среди них геологи, опытные спелеологи и просто энтузиасты подземных исследований. Они уточняли планы пещер, размеры коридоров и гротов, пытались расчищать новые лазы. Но существенно увеличить исследованную часть подземных лабиринтов им не удалось. Удалось только распугать самую большую на Урале колонию летучих мышей, от которой почти ничего не осталось.

В годы войны обитал здесь снова отшельник. Недалеко от входа построил он себе лачугу и вел службу в самом большом и ближайшем ко входу гроте «Большая келья». Но время для служения вере ему досталось не самое подходящее. Вскоре после войны отшельник бесследно исчез, и подземная церковь вновь превратилась в обычную пещеру.

Сейчас Смолинская пещера доступна всем желающим. В воскресные летние дни до ее входа добирается человек 200. Многие не решаются вступить во мрак подземелья; но даже тем, кто, набравшись храбрости, уходит в темноту, хватает первых двадцати метров, чтобы в полной мере ощутить холод подземного мира и повернуть обратно.

Но это удел неподготовленных людей. Тому, кто возьмет с собой теплую, непромокаемую одежду, фонарик и веревки, можно смело идти вглубь. Заблудиться здесь невозможно. В гротах и коридорах Смолинской пещеры вас ждут свои небольшие открытия и новые впечатления. Вы услышите пещерное эхо, звук подземной капли и писк летучих мышей. Вы сможете полюбоваться причудливыми формами каменных стен, поискать следы древнего раскольниковского скита, а если повезет, то и обнаружить никому неизвестный лаз, идущий дальше, вглубь земли.

Добраться до Смолинской пещеры очень просто. По асфальтированному шоссе Екатеринбург — Кменск-Уральский нужно ехать до села Покровское, здесь повернуть направо, к селу Бекленицево. Бекленицево стоит на Исети, от него начинается порог Ревун, которым можно полюбоваться прямо с автодорожного моста. Чтобы добраться до пещеры, нужно мост пересечь и сразу взять влево по щебеночной дороге. Она пойдет через поселок Горный и выйдет на большак, ведущий к селу Смолино. По большаку повернуть налево. Примерно через километр дорога будет пересекать реку Смолевку. Не пересезая ее, свернуть на грунтовую дорогу, идущую параллельно Смолевке. В нескольких сотнях метров, среди березового леса на берегу Смо-

План Смолинской пещеры.

левки будет удобная площадка, где можно оставить машину и поставить палатку. До пещеры остается чуть больше ста метров. Найти ее несложно — нужно пойти вниз по руслу речки, вскоре вправо в гору пойдет тропка, ведущая ко входу в пещеру.

После посещения пещеры стоит пройти дальше по руслу Смолевки, до места ее впадения в Исеть. Здесь всего метров триста. По пути вы увидите красивые известковые скалы и причудливый грот с ищей, имеющий вход с противоположной стороны.

Если у вас нет автомобиля, то посетить Смолинскую пещеру тоже несложно. Автобус идет от Екатеринбурга до села Покровского. Ходит автобус и до Бекленицево. А от Бекленицево вниз, по правому берегу Исети, есть множество троп. Все они так или иначе приведут вас к реке Смолевке, а по ней несложно найти и пещеру.

Если вы посещаете пещеру летом, то не бойтесь вылетающих навстречу летучих мышей. Эти «чудовища ночные» — животные безобидные и к тому же охраняются законом.

Зимой же в дальних коридорах и гротах можно встретить дремлющих летучих мышей. Смотреть на них можно, но сильно беспоконить светом, трогать и тем более брать в руки нельзя. Вам от этого пользы не будет, а Божья тварь погибнет от голода, поскольку проснется от спячки среди зимы и не найдет себе насекомых.

Юля БЫЧКОВА

В память о человеке, который погиб, спасая мою жизнь

В редакцию нашего журнала пришло письмо:
«Здравствуйте, Максим Юрьевич.

Наташа Ступина сказала мне, что вы заинтересовались историей моей ученицы. Хочу сказать, что данный текст не был предназначен для печати, я думаю, Юля написала его просто чтобы как-то пережить все, что с ней произошло,

Немного предыстории:

Я выросла в необыкновенном, замечательном месте. Мой отец, астроном, работает на самой большой в нашей части планеты обсерватории — САО (больше — только в Чили, да и то появилась эта обсерватория не так уж давно). САО расположена в горах Северного Кавказа, в необыкновенно красивой долине реки Большой Зеленчук. Рядом — развалины старинного города аланов — скифских племен, которые жили на этой территории с IX по XVII век нашей эры. Развалины домов, сохранившиеся и отреставрированные храмы, монастырь XIX в.

Окончив школу, я приехала в свой родной Свердловск учиться в университете, но не вынесла ностальгии и вернулась через несколько лет домой. Работала в обсерваторской школе, вела с моими родителями экспериментальный класс. Юля — моя ученица и, как все ученики нашего класса, — почти что родственница. История эта произошла с ней в сентябре этого года. Я думаю, для нее было бы очень хорошо, если бы этот текст мог быть напечатан.

Маурина Казанцева

...Мои родители познакомились с Загайновыми очень давно, примерно 30 лет назад. Папа вместе с дядей Витей Загайновым учился в университете в одной группе. Астрономическое отделение Одесского университета, выпуск 1976-го года. В общаге в одной комнате жили. На заработки в Пермь вместе ездили. Оба полуголодные, буйные и веселые. Столько историй было, столько приключений...

Потом были 5-й курс и дипломная практика в Крымской астрофизической обсерватории. Крым, лето, астрономия, человек 20 студентов. Романтика!

У папы завертелся роман с моей мамой, а у дяди

Вити — с его будущей женой Верой. Мои родители поженились. А на день раньше распались тетя Вера и дядя Витя. Мои папа и мама сразу уехали работать в Китоб, обсерваторию в Узбекистане. Туда приехал и дядя Витя, жил пару месяцев у моих родителей, пока не подъехала тетя Вера, и они не получили отдельное жилье. Через 2 года мама и папа перевелись работать на Кавказ, в САО, а Загайновы вскорости перебрались в Алма-Ату.

Через 9 лет, в 87 году, Загайновы приехали к нам в гости. Численность наших семей уже удвоилась. Они привезли своих дочек, Надю и Настю (8 и 5 лет). А мне тогда был 1 год, моему брату Андрею — 10 лет. И после этого мы не виделись 15 лет.

За это время все дети стали студентами. Андрей женился, а Надя вышла замуж.

С 1990 года дядя Витя Загайнов стал профессионально заниматься воздушными шарами. Он стал пилотом международного класса, первым и последним Чемпионом СССР по воздухоплаванию, Чемпионом СНГ, Казахстана и обладателем гран-при Италии. На Чемпионате мира в Люксембурге он занял 51-е место, на первых Олимпийских играх по воздушным видам спорта в Турции — 34-е. Был организатором именных соревнований по воздухоплаванию в Казахстане — на Гран-при Загайнова.

Воздушные шары — это яркий и красочный праздник, это незабываемое зрелище. И где бы они ни появлялись, привлекали огромное внимание. Дядю Витю везде, во всех странах, встречали восторженно.

Дядя Витя объездил весь мир. Почти везде он был вместе со своей любимой женой, постоянным членом его экипажа. Как-то после соревнований во Франции, где дяде Вите подарили ящик коллекционных вин и коньяка, он поехал на фестиваль в Турцию, а оттуда, отправив жену самолетом домой, решил вернуться в

Алма-Ату по короткой дороге — транзитом через Иран. Там, на таможне он, ничего не подозревая, обмолвился о ящике вина в своем автомобиле. Шариатский суд моментально приговорил его к конфискации имущества (воздушного шара, машины, подарков, денег), к пяти ударам палкой по пяткам (это очень больно, и после этого люди долго не могут ходить) и 3 годам заключения в зиндане (подземелье). К счастью, через 3 дня в соседнюю камеру посадили дагестанца, у которого почему-то не отобрали мобильный телефон. Дяде Вите удалось дозвониться до казахского консула в Турции. После его вмешательства дядю Витю освободили, вернули ему все имущество и не стали бить палкой по пяткам, но под дулами автоматов заставили собственноручно вылить все коллекционные вина в помойную яму.

Итак, мы с Загайновыми не виделись 15 лет. А этим летом от них пришло такое письмо:

«Дорогие Витя и Лариса!

Я и Вера приглашаем вас принять участие в IV международном фестивале воздушных шаров в г. Железноводске, который будет проходить с 28 сентября по 6 октября 2002 г. в городах Кавказских Минеральных Вод. В качестве членов моего экипажа вы окунетесь в мир воздухоплавания, совершите свободный полет, отдохнете. Питание и проживание за мой счет.

Могу забрать вас из САО и доставить назад.

Очень просим...

Потом Витя сможет навести «шорох» в САО, подняв свой шар на стадионе или в школе...

Загайновы»

Конечно же, мои родители согласились. Мама спросила дядю Вито, можно ли также приехать мне — и, конечно, получила согласие.

Мама писала знакомым, объясняя причину поездки: «Может, это раз в жизни — Загайновы и воздушные шары». Так и вышло...

Когда мои родители ехали в Железноводск, мама очень волновалась, переполненная ощущениями предстоящей встречи: «Как все будет?» Папа сказал: «Да чего ты волгуешься — раз за дело взялся Загайнов, все будет по высшему разряду». Мама: «Я не об этом. Мы так давно не видели друг друга. Просто мне не верится, что мы едем к Загайновым». И действительно, трудно было поверить, что они снова вместе. Молодость вернулась. Будто они попали в давно исчезнувший мир. И будто не расставались. Они вчетвером гуляли по Железноводску, обедали, разговаривали до ночи, смотрели видеозаписи друг друга, делали новую видеозапись — о том, как им удивительно хорошо вместе.

Через несколько дней из Москвы приехала я и с

Первый монгольфьер, на котором в 1783 г. совершили полет де-Розье и маркиз д'Арланд.

наслаждением погрузилась в этот новый мир. Тусовка воздухоплавателей! Подъем в 5 утра, завтрак, брифинг, в 7 часов — первый полет, потом общение с Загайновыми, обед, общение с Загайновыми или сон, вечерний полет, ужин, совместный вечер с Загайновыми... Я — член экипажа самого Загайнова, легенды нашего воздухоплавания! У меня на груди белая карточка: «Команда N2».

Дядя Витя был потрясающим рассказчиком, свои фантастические приключения он описывал с таким юмором, что мы не выдерживали и смеялись до слез.

Загайновы на этот фестиваль в Железноводск приехали во многом для того, чтобы повидаться с моими родителями — в основном они ездили по различным соревнованиям. На следующий год их пригласили на педделю в Питер на 300-летие, июль и август планировалось провести во Франции на фиесте 1000 шаров, и в Италии на кубке Европы. Они звали нас с собой: «Нам все время нужен экипаж, мы наби-

раем случайных людей. Было бы так здорово, если б вы согласились с нами ездить. Нам с вами так приятно. Вот если б у нас появился постоянный экипаж в лице вас... Вам пужно только подсесть к нам в машину где-то в России, а все остальное везде — за наш счет».

Я готова была прыгать от радости: «Мама, папа! Все! Я знаю, как проведу следующее лето!» У папы было много неизрасходованных отпусков, и мама согласилась отпустить нас на лето поездить с Загайновыми.

В Железноводске были сложности с погодой: несколько полетов пришлось отменить. Мне все никак не удавалось слетать. И хотя все равно была уже тьма впечатлений, но полет, высота, поля и горы внизу — это главное. И вот наконец-то меня запланировали на вечерний полет 3-го октября.

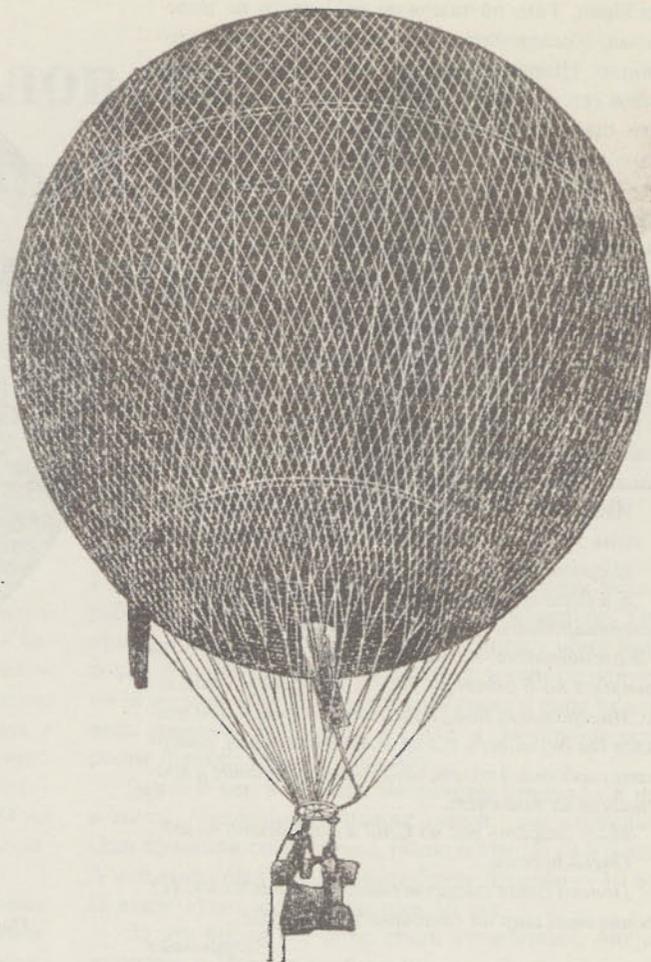
Погода была не очень: сильный ветер. Из-за этого пилоты долго обдумывали, лететь или не лететь; потом ветер начал стихать, и решили, что полеты будут. Оставалось считанное число полетов до конца фестиваля, поэтому пришли к выводу, что надо провести 2 вида соревнований за один полет. Сначала шары должны долететь до цели — красного креста, разложенного на поле, и сбросить маркер как можно ближе к центру; а потом догнать и сесть на место посадки «зайца» — шара, который стартует первым, улетает от всех и приземляется, где ему вздумается. То, что я полечу, определилось в последний момент.

Мы удачно стартовали и пошли на первую цель. Маневрировали, спускались, поднимались, ловили нужные воздушные потоки. Вокруг парили воздушные шары.

Помню, что дядя Витя попросил меня тоже следить за ними, и если какой-нибудь окажется недалеко от нас, предупредить его — был двойной контроль.

Миновало через 20 после старта мы оказались на равной высоте с шаром одного из участников соревнований — Сергея Баженова, тоже пилота международного класса. Наши корзины были так близко друг от друга, что мы даже перекинулись парой фраз. Шар Баженова ушел наверх. Через некоторое время мы тоже начали набирать высоту.

По нормам воздухоплавания, если два шара оказываются на одной вертикали, то верхний шар должен немедленно на максимальной скорости уйти вверх — пужно освободить пространство на случай манев-

Свободный аэростат в полете.

ра нижнего шара, так как его пилот не может видеть, что происходит под оболочкой.

По каким-то причинам Баженов слишком поздно отреагировал на наш шар. Он начал подъем своего шара, но это уже не помогло. Вдобавок шар Баженова двигался медленнее, чем Загайнова. Дядя Витя сказал, что сначала он услышал шуршание. Поднял голову и увидел, как наша оболочка медленно прогибается внутрь. Потом она лопнула, и корзина Баженова с экипажем, с частью его оболочки вошла почти до середины нашего шара. По разным данным, это случилось на высоте от 200 до 300 метров. Баженов включил горелку, чтобы вырваться из нашего шара, и ее пламенем невольно подпалил края дыры. За его корзину зацепилась одна из силовых линий, составляющих веревочный каркас шара. Вылетая, баженовский

шар выдернул ее, и этим дополнительно крестообразно разорвал наш шар. Силовая линия соскальзывала с корзины Баженова 6 секунд. В это время горячий воздух из нашего шара вылетал, а мы все оставались на той же высоте.

Потом начались 14 секунд падения. Дядя Витя работал горелками, но оболочка, теряя воздух, вытягивалась, превращаясь почти в тряпочку. Горловина шара схлопнулась, дядя Витя прожигал ее, стараясь закачать воздух в остатки оболочки. Но пламя горелки перестало доставать до горловины. Дядя Витя позднее сказал: «Когда я понял, что от меня уже ничего не зависит, и больше я ничего не могу сделать, у меня осталась одна мысль — как спасти Юлю. Я видел, что мы уже не так высоко, и поэтому есть шанс, что у меня это получится. Я сел на корточки, прижался спиной к корзине, взял ее на руки, крепко прижал ее голову к груди, сказал: «Напрягись!» и «Прости меня, Юлечка».

Эти фразы — единственное, что я помню из падения.

Мы упали на пяточок между двух дорог и двух придорожных столбов, в 1,5 метрах от асфальта. Корзину сверху накрыла оболочка, расстилавшаяся вокруг нас метров на 10.

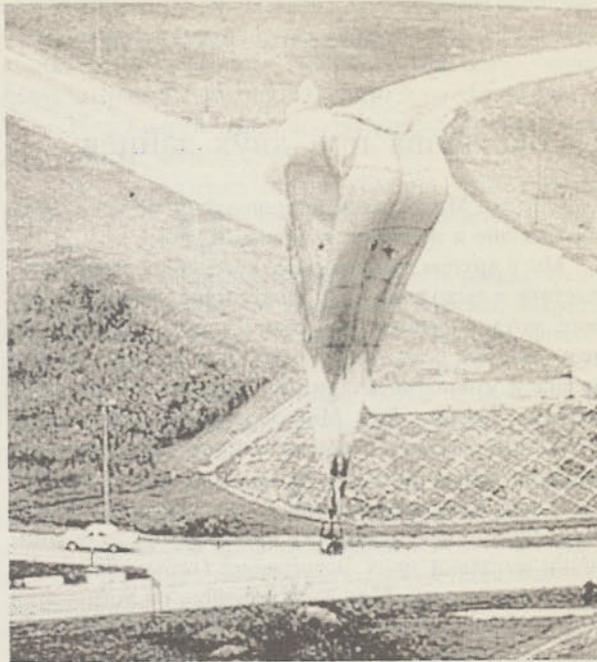
Все это случилось на глазах у сотен людей — участников фестиваля и технических помощников. В их числе были и мои родители. Папа одним из первых подбежал к нам, пытался разорвать оболочку, чтобы добраться до корзины. Позже он сказал мне: «Понимашь, есть сферы, в которых я мог доверять Загайнову, как самому себе. Поэтому когда я сбросил оболочку и увидел тебя, лежащей сверху, я сразу все понял».

Дядя Витя сделал все, что мог, чтобы смягчить удар для меня. У меня были только шок, сотрясение мозга (из-за которых я не помнила полет и первые сутки в больнице) и ушибы. Его травмы были принципиально тяжелее. Когда меня везли в больницу, я была в шоковом состоянии и десятки раз задавала одни и те же вопросы, через минуту забывая ответы: «У меня цел позвоночник? Все живы? Что с папой?». Рядом была мама, которая все время пыталась мне объяснить, что с папой все хорошо, что он вообще был в другом месте.

Мама все не могла понять, почему я постоянно говорю о папе. Но только в день смерти дяди Вити я поняла, что я спрашивала не о папе, а о нем. Наверное, даже в шоке я знала, что взять тогда меня на руки, спасти меня любой ценой — и ценой собственной жизни — мог только отец.

Дядя Витя умер в больнице 5-го октября, через два дня после падения. Умирал он тяжело.

Много людей звонило со всех частей света, от Канады до Европы.

Падение шара Загайнова.

Когда тетя Вера Загайнова забирала тело мужа из морга, она сказала: «Ты такой яркой звездой ворвался в мою жизнь... Благодаря тебе я жила не как все, совсем не так, как живут обычные люди. И ты умер героем...»

Такой звездой дядя Витя ворвался и ко мне, перевернув жизнь моей семьи. Он выпрыгнул из молодости родителей, чтобы подарить нам столько радости и тепла, показать, как интересно и необычно можно жить, нарисовать фантастические перспективы и погибнуть, спасая мне жизнь. Принося в мою жизнь масштабность своего подвига.

Я не умерла в 19 лет и не стала калекой. Я живу, могу учиться в университете, танцевать, рожать детей. Надеюсь, что когда-нибудь у меня будет сын. Я назову его Виктором.

P.S.: «Уважаемый Максим Юрьевич!

У нас есть видеоклип падения, но, наверное, это не пересылается; по крайней мере, я не умею. Видеозаписей было много (от журналистов и экипажей). Нам дали одну из них. Мы уже дома несколько раз засекали время падения — получается 37 секунд. У Юли ошибка — 14 секунд. Нам так сказали в Железноводске, в Федерации воздухоплавания, так и запомнилось, не сразу проверили.

Всего доброго.

*С наилучшими пожеланиями,
Лариса Бычкова,
мама Юли.*

Андрей БАЙДАКОВ

Два слова про двух зайцев

Нет, дед Мазай здесь совершенно ни при чем. Просто недавно я получил интересный урок.

Мы с другом договорились совершить микропутешествие в выходные — 35 километров пешком по дороге, затем сплавиться по реке Вогулка. Катамаран и вещи решили везти на тележке. Всю неделю созванивались и уточняли детали. Все снаряжение, включая тележку, готовил друг. Мне оставалось собрать только весла и рюкзак со своими вещами. Стартовать решили вечером в пятницу, на электричке в 17 часов.

Утром в пятницу я зашел в одну контору, где мне было сделано очень хорошее предложение по организации выставки моих фотографий (горы, облака, бабочки и туристы). Мне дали телсфон, по которому я должен был позвонить и договориться о встрече с человеком, который непосредственно занимается выставками.

— Только ведь я уезжаю сегодня вечером, до понедельника, до утра, — заметил я.

— Во сколько?

— В четыре.

— Опять в поход? — вопрос был задан с легкой, почти незаметной грустинкой в голосе.

— Да, — ответил я и тут же почувствовал себя неудобно: мне делают выставку, а я, вместо того, чтобы встретиться с человеком и начать работу, как ребенок, уезжаю в поход.

Позвонив по полученному мной телефону, я представился, объяснил, что звоню по поводу выставки, и услышал:

— Давайте встретимся.

Опасаясь уже крайнего неудобства в случае, если мне назначат встречу на время, когда меня не будет в городе, я поторопился сообщить, что уезжаю на выходные. И услышал, что, оказывается, у собеседника есть на примете еще два или три фотографа. Слегка растерявшись, я предложил встретиться сегодня, и просто не мог ответить отказом на предложение подойти к 19:30. В полном расстройстве я позвонил другу и обрисовал ситуацию.

— Я уже все приготовил... — После этих слов друга я почувствовал себя полным дураком. — Не понимаю, что за спешка. Если бы тебя в космос отправляли, был бы дублер, а тут...

— Давай с утра поедем, — предложил я.

— Мы не успеем. Ты не пройдешь 35 километров.

— Ну давай на следующей неделе.

— Вода спадет уже, не получится.

— Давай пешком пойдем на два дня, в простой, обычный поход.

— Ладно. Я перезвоню тебе, надо подумать. Ты дома?

— Ну да, — говорю.

— если и выйду, то только на час, а так — дома.

После этого разговора я понял, что поступил глупо, и дело здесь не в походе и не в выставке. Дело в том, что обстоятельства в жизни бывают разные, но нельзя отменять уже имеющиеся договоренности. То есть, если я не буду держать свое слово, то со мной нельзя будет иметь дело.

Друзья уехали без меня на Шунут, а я в это время показывал свои фотографии, которые, оказывается, не очень-то и подходят для выставки, поскольку сделаны любительской аппаратурой.

Надо ли говорить, что утром в субботу стояла не просто чудесная, а идеальная для похода погода: пять градусов тепла и на небе — ни облачка. Но нет худа без добра — зато я сходил в церковь, на службу в честь праздника великого чудотворца Николая, покровителя путешественников.

Два слова про костры

В прошедшие выходные я участвовал в туристическом походе. Пересекая речку Полуденный Бардым, группа почувствовала несдержимый, страшный голод, и мы решили пообедать. Собрав кое-какие дрова на отмели, я присоединился к туристу, который уже разводил костер: взял щепочку, поджег ее своей зажигалкой. Мы подождали немного: щепочки, хотя и быстро зазялись, но быстро и погасли. Турист куда-то делся, я остался один и продолжил разводить костер. Только развел, как услышал, что меня зовут: «Митрич, неси топляк сюда!»

Группа решила развести костер в другом месте... И я подумал, что вот так вся страна и живет: разводят костры по пять раз... Главное, чтоб пожара от этого не было.

Два слова про демократию

Когда мы сплавлились по Катунь на катамаране-«четверке», руководителя у нас не было. Все рассуждали примерно так: мы — четыре взрослых человека на отдыхе, что хотим, то и делаем.

Когда речь идет о выборе места для стоянки или об обеде (или просто кому-то хочется выйти на берег, размять ноги, и у всех есть время принять решение не спеша) — безусловно, хорошо учитывать все мнения. Например: «Здесь есть дрова и вода, но много змей». Ведь кому-то змеи мешают, а кому-то — нет. Если еще есть время до темноты и существует перспектива найти место получше (конкретно на Катунь проблемы с питьевой водой: ручейки попадают не часто, сама река мутная, а канистру мы с собой не взяли), а кого-то из участников не устраивает одно место, то мы спокойно, без споров, ищем другое.

Но, кроме мест для стоянки, на Катунь еще есть пороги. Во время прохождения порога советоваться и принимать решения коллегиально возможности нет — поэтому командовать должен кто-то один. А все остальные для пользы дела должны подчиняться его командам беспрекословно, оставив все свои вопросы для обсуждения указаний командира уже на берегу.

Если есть возможность, то порог предварительно просматривается и, грубо говоря, совместно намечается траектория его прохождения. Тут каждый настраивается, как может.

Перед тем, как отправиться в путешествие, мы потренировались на ближайшем к нам пороге: на Ревуне (р. Исеть), и командовать поручили мне.

Я и командовал — пока мы не подошли к порогу Шабаш. Дело было под вечер, все подустали и, когда мы пошли по берегу просматривать порог, до конца его по берегу добрался только я. В принципе, меня это устраивало: я увидел все, что мне было нужно. Порог представляет собой одну большую «бочку» справа, на входе в «бутылочное горлышко», и две очень больших «бочки» слева, в самом «горлышке». Есть полоса относительно спокойной воды, по которой можно пройти — если впритирку прижаться сначала к пра-

вой «бочке», а после держать прямо и также впритирку оставить слева две других «бочки». Такое решение я принял. Мы отчалили. Все шло нормально — пока вдруг в ответ на команду «Правее» я не услышал:

— Нет, Андрей, давай все-таки левее возьмем, там вон, видишь, чего...

Ребята испугались правой «бочки». Объясняться времени не было, и я согласился в надежде, что мы выгребем правее потом.

Но мы не выгребли. Разлад он и есть разлад. Первым ударом выбило из катамарана рюкзак, закрепленный ненадлежащим образом. На рюкзак лежал, укрытый тентом, мой фотоаппарат «Зенит» — его, разумеется, тоже смыло, а также смыло с меня очки. После чего командование мне пришлось передать другому члену экипажа.

То, что мы все-таки прошли этот порог — не совсем наша заслуга, а, может быть, даже и совсем не наша. Рюкзак мы догнали и выловили. Я даже увидел еще раз свой фотоаппарат в рывке полиэтиленовом мешочке — на глубине около полуметра его несло течением. Вроде бы только руку протянуть, но, увы...

После этого путешествия, уже в городе, я зашел в одну фирму, поздоровался со своим приятелем и услышал:

— У тебя новые очки. А где те?

— Да вот, — говорю, — так и так. Утопил в Катунь.

— А-а... Эти, конечно, тоже пичего, но те... Те очки были классные.

— Да, — мне оставалось только согласиться, — те очки были классные.

Содержание журнала «Уральский следопыт» за 2002 год.

Конкурс «Большие надежды» и произведения его лауреатов:

Благодарности за поддержку конкурса.....	№1
Список участников конкурса.....	№1
Итоги конкурса.....	№1
А. ПЕПЕЛЯЕВА. Стихи.....	№1
А. ПЛОТОВА. Стихи.....	№1
К. СМЕРНОВА. Стихи.....	№1
М. РЯБЧЕВСКАЯ. Стихи.....	№1
Д. КРАПИВИНА. Стихи.....	№1
Ю и Л. КЛЫЧЛИЕВЫ. Стихи.....	№1
И. ЛЯДОВА. Стихи.....	№1
С. СТЕРЛЯГОВА «Браслет раджи».....	№1
М. БАЛУЕВА «Дневник одуванчика».....	№1
А. БУЗАНАКОВ «Что снится Тишке».....	№1
А. БАЛАКИНА «Без возврата».....	№1
Ю. ГРЕМЯЧКИН «О тетке Наркоте и Нехочухе-второкласснике».....	№1 и № 4
Е. ПОТАПОВА «Тихие праздники».....	№1
И. КОЛОСОВ «Сказка о старом коте и серой рыбе».....	№1
Т. РАССОХИНА «Экологическая сказка».....	№1
С. ГЕОРГИЕВА «Кристалл голубого огня».....	№1
Е. ОРЛОВА, К. НАСОНОВА «Выя - белая река».....	№1
Д. САЛИМЗЯНОВ «Гари - родина моя».....	№1
А. ПЕТРОВ «Акулы - это прошлое рядом с нами».....	№1
Н. ГИРВИДЗ «Жить - значит строить».....	№1
О. ЦИВАШ. Стихи.....	№1
А. БОРЗЕНКОВА. Стихи.....	№1
Д. ВОРОБЬЕВ «Чудо-полянка».....	№1
А. ЭЙДИНОВА «Чтение прежде всего сотворчество».....	№1
И. ШАТКЕВИЧ. Стихи.....	№1
К. КАРДАШИНА. «В гостях у лешего».....	№1
В. ВОЛЫНЮК. Стихи.....	№1

Заочная Литературная Школа «Большие Надежды».....	№2-4
--	------

Наблюдательный совет журнала «Уральский следопыт»	
Т. СУВОРОВА «О Человеке».....	№2
Т. СУВОРОВА «Смотрящий на мир».....	№3
Г. ШЕВЕЛА «О СУБРЕ».....	№4

Добрые попутчики «Уральского следопыта»	
Т. СУВОРОВА «Добра не бывает много...».....	№4
Т. СУВОРОВА «Лечение душ».....	№5
Т. СУВОРОВА «Уход дерева».....	№8
Т. СУВОРОВА «День рождения».....	№10

РЕКА ВРЕМЕНИ

Краеведческая копилка

А. КОЖЕВНИКОВ «День рождения - только раз».....	№2
И. КОПЫТОВА «Память о ныробском узнике».....	№3
А. ПИЛУС «Наши в Америке».....	№4
П. ПАВЛОВ «Военные госпиталя».....	№5
Д. ЧЕТВЕРКИНА «Ледяная избушка и шашлык для президента».....	№6
В. ЗЕЙФЕРТ «Судьба миноносца».....	№7
И. СЕРОВА «Живая фотография» в Екатеринбурге.....	№8
Р. ШУЛЬГИНОВА. «Вековая Зюзелка».....	№8
Т. ТИМОХОВА. «Еще об оковах ныробского узника».....	№8
А. ПИЛУС «След декабристов».....	№8
Е. БИРЮКОВ. «Жалованный кафтан».....	№9
А. ПИЛУС «Уральские деньги».....	№10
В. ТРУСОВ «Река-актриса».....	№10
В. ТРУСОВ «Медаль Григория Зотова».....	№11
О. МАКАРОВА «Тальков камень».....	№12
Ю. ГУНГЕР «По следам ротмистра Манжетного».....	№12

Версия

Р. ХАЙРЯТДИНОВ. «Кочкарское золото партии».....	№8
---	----

Обратная сторона медали

В. ТЕЛИЦЫН «...выжечь все заводские поселки...».....	№6-7
--	------

Далекое-близкое

П. ЕВЛАДОВ «О чем поет Высоцкий».....	№6
В. БАЛАШОВ «Тропинка к Есенину».....	№7
Ю. РЯЗАНОВ «Маскарад по-ученому».....	№8
Н. ЗАЙЦЕВ «С крестом и впереди полка».....	№9
В. РЯБУХИНА «След Маминых на этажах Белинки».....	№10
Е. АРАПОВА «Новые герои демидовской земли».....	№10

Тропой поиска

И. ПЛОТНИКОВ «Гайда, Колчак... кто третий?».....	№3
Ю. КЛЮШНИКОВ «...благодарю Бога, что видел этих людей».....	№4
Л. ФЕДОРЕНКО «Солдаты Танкограда».....	№5
Н. КОРЕПАНОВ «Чебаркульская крепость».....	№6
И. ПЛОТНИКОВ «Гибель «расстрельного» дома».....	№7
В. ИЩЕНКО «Драгоценные вехи Палласа».....	№8
Г. БОРДИНСКИХ «Вишерская афера».....	№9
Е. ЛОБАНОВ «Точка на карте Ивдельлага».....	№10
В. ИЩЕНКО «Первый хозяин «Красной шапочки».....	№10
Ю. ГУНГЕР «Вчерашний день Еловского курорта».....	№11
Л. ЗЕНКОВА, В. ШЕВАЛЕВ «Первое золото России».....	№11-12
Ю. ДУНАЕВ «Эхо звончатого промысла».....	№12
В. БЕРЕСНЕВ «С Пушкиным на дружеской ноге».....	№12

Юбилей

Н. ЗАЙЦЕВ «Легендарный генерал».....	№11
В. КАРДАПОЛЬЦЕВА «Серебряными блестками по голубому бархату».....	№11

На перекрестках судеб	
И. СЕМЕНЧИК «Враг народа из 3-го «Б».....	№10
И. СЕМЕНЧИК «Как капитан Лепендин Хайле Мариама кор-мил».....	№11
И. СЕМЕНЧИК «Поцелуй Одарки».....	№12

Легенды и были

А. СТРОЖКОВ «Первый подарок ангела».....	№7
В. ТРУСОВ «Клады Рыжанко».....	№8
В. САЛИН. «Остров Веры».....	№10

Возвращение из Леты

В. ГОЛДИН «Возвращение из Леты».....	№2
А. ОЛЬХОВНИКОВ «Успенская обитель».....	№3
В. ГОЛДИН «Этот несломавшийся Балин».....	№4
А. ХАЗОВ, Т. СУВОРОВА «Уральский буддизм».....	№7
В. ГОЛДИН. «Поэт Февральской революции».....	№10

Заочная экспедиция

Колонка редактора.....	№2-4
С. СМОЛИНА «Крест на вершине Народной».....	№7
С. СМОЛИНА «Чаще Щекурьинском проходе».....	№8
С. СМОЛИНА «Подаренный тракт».....	№9

По белу свету

О. КОЛОТОВА, О. КОСКИНА. Одержимая дьяволом.....	№8
--	----

Очерк

З. ШИПАНОВА «Здравствуй, милая Маруся!.....»	№5
В. ВЕЙХМАН «Сомнерова линия».....	№6-7

Мемуары

Ю. ВЛАДИМИРОВ «Шаньга, Труба и Залко».....	№5
--	----

Портреты

В. ЗЕЙФЕРТ «Правда о «Кыштымском звере».....	№2
Н. ВЕХОВ «Путешествия купца Александра Сибирякова по Уралу и Западной Сибири».....	№3
Ю. ГОРБУНОВ «Бальмонт: миасские страницы».....	№4
И. ФЕТИСОВ «Восемь мгновений войны».....	№5
Э. МОЛЧАНОВ «Героев подлинные имена».....	№7
Р. СТОКОЛЯС «Жена и дочь Арсения Несмелова».....	№7-8
Н. ВЕХОВ «Андрей Журавский: последний мечтатель русского Севера».....	№9
Ю. КОНЕЦКИЙ «Карьера полковника Демидова».....	№11

Тайны Урала

Н. АВДЕЕВ «Тайна Ибрагимовского шурале».....	№2
Е. ПАНИНА «Древние сокровища Няксимволя».....	№5
С. СКУРЫДИН. «Ялпын уй - бажовский полоз?».....	№9

Библиотечные чтения

Н. КРЫЛОВА. «Над «пугачевскими» страницами Пушкина».....	№9
--	----

Страна Топонимия

Ю. ДУНАЕВ «Почему Волчиха?».....	№2
М. ПЕТРОВ «Поромшонка - улица плотогонов».....	№3
Р. КАШИН. «Камень Шайтан».....	№9

Человек и природа

М. КНЯЗЕВ «Цветы и снег».....	№3
А. ПИСКУНОВ «Эндемики Лубной горы».....	№4
Л. ХЛЕБНИКОВА «Страна Чусовая».....	№6
Г. КОСОЛАПОВА «Любовная серенада сверчка».....	№7
Ю. ДУНАЕВ «Дикий мед».....	№9
Л. БОГОЯВЛЕНСКИЙ «Двурукий Иж».....	№12
П. ТОЛСТИКОВ «Утки в городе».....	№12

В мире прекрасного

Л. ХЛЕБНИКОВА. «Пленившийся божьим миром».....	№9
--	----

Давным-давно

В. ШИЛОВ «Загадки Орла-городка».....	№2
Л. БОГОЯВЛЕНСКИЙ, В. ДЕСЬКОВ «Ершовская беляна».....	№3
В. ШИЛОВ «Откуда пошел Ермак?».....	№7

Путешествия

Е. АРАПОВА «Дорога к Шайтанскому тракту».....	№3
Е. ТАМПЛОН. «Платонида».....	№7

Наследие

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме».....	№10-12
---	--------

Родословная

Н. ПОЗДНЯКОВА «Мещане Титовы и купцы Елтышевы».....	№12
---	-----

Память

Е. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ «Струна писательской судьбы».....	№12
---	-----

АЭЛИТА

Фантастика

А. ТЮРИН «Транзитный космодром».....	№2
О. СИОРОВ «Память».....	№2
М. КЛИНКИН «Мозаика».....	№2
А. ДАШКОВ «Человек дороги».....	№2
А. ДАЙ «Придут Они».....	№2
И. КУЗНЕЦОВ «Мерцающий».....	№3
В. БРУСКОВ «Нарцисс».....	№4
Д. ПОПОВ «Папоротников цвет».....	№4
Е. НАВРОЦКАЯ «Добро пожаловать в наш дом!».....	№6
Ф. АДРА «Конец актерской карьеры».....	№7
Л. АНДРОНОВА «Вода окаянная».....	№8
Дж. М. ПРИБОЙ «Всего лишь случайность».....	№9
С. РОДИН «Чему равна вероятность».....	№10
Р. СРЕДНИЙ «Меч с рукоятью с обеих сторон».....	№11-12

Современная поэзия Урала

А. КУЗИН. Стихи.....	№2
А. МЕЛЬНИКОВ. Баллады о Чечне.....	№3
П. ПЛЫШЕВСКИЙ. Стихи.....	№3
Ю. ДЕМИН. Стихи.....	№3
Ю. СУХОВ. Стихи.....	№5
А. МЕЛЬНИКОВ. Стихи.....	№5
Ю. КОНЕЦКИЙ. Поэма «Ржевское лето».....	№5
Н. МЕРЕЖНИКОВ. Стихи.....	№5
В. СТАНЦЕВ. Стихи.....	№6
В. КАПЛЕНКО. Стихи.....	№6
Ю. КАЗАРИН. Стихи.....	№6
Д. ОДИНОКИХ. Стихи.....	№8
Л. НАЗАРЕВСКАЯ. Стихи.....	№8
Е. ЗАХАРОВА. Стихи.....	№9
Л. РАТУШНАЯ. «О Борисе Рыжем».....	№9
Б. РЫЖИЙ. Стихи.....	№9
Н. БОРОВЫХ. Стихи.....	№10
С. ИВКИН. Стихи.....	№10
Литературное движение «Горный родник». Стихи.....	№11
Ю. АВРЕХ. Стихи.....	№12
Е. ИЗВАРИНА. Стихи.....	№12
Р. КИРПИКОВА. Стихи.....	№12

Современная проза Урала

Е. ЛОБАНОВ «О, Paris!».....	№3
А. КИРЬЯНОВА «Неправедный судья».....	№3
С. УСТЮГОВ «Окольцованные».....	№4-7
Н. ЖУРАВЛЕВА «Фанфаролла - монстр деревенский».....	№4
Б. ТЕЛКОВ «Вечер веселого мецената».....	№5
Т. СУВОРОВА «Провокатор».....	№5
В. БУЛАНОВ «Вирус странствий».....	№6
А. ПАПЧЕНКО «Лит».....	№7-9
А. ШАТРАБАЕВ. «Не проспать бы...».....	№8
В. БЛИНОВ «Ты помнишь, Мальчик?».....	№8
М. ГОЛДИНА. Миниатюры.....	№9
П. СУЛЬЖЕНКО «Похороны», «Маквала».....	№10
Г. БУРМИСТРОВ «Пражская история».....	№11
В. ЗЮСЬКИН «Сотри случайные черты».....	№12

Литературное течение «Добряне»

Т. СУВОРОВА «Мы - Добряне!».....	№2
А. РЕШЕТОВ. Стихи.....	№2
П. РОДИМОВ. Стихи.....	№3
С. РАБИНОВИЧ. Стихи.....	№4
Е. БУНТОВ. Стихи.....	№5
Л. ЛАДЕЙЩИКОВА. Стихи.....	№6
С. ЭСТ. «Ай ловлю Рыбу Кэт».....	№9
Н. БУРДИНА. Стихи.....	№10
Е. ЗАХАРОВА «Весна в присутствии любви и бессмертия».....	№12
Т. СУВОРОВА «Миниатюры».....	№12

Барды

Л. ЗОНОВ. Песни.....	№11
----------------------	-----

Ретро

П. РАТУШНЫЙ «Чуткость».....	№4
В. СИБИРЕВ «Майский гром».....	№6

Публицистика

С. РАБИНОВИЧ «Три народа: русские, немцы, евреи».....	№5
---	----

Сказы, сказки, предания...

Е. КОСТИНА «Чудо-Юдо», «Змей Гореваныч».....	№6
--	----

Дебют

Т. ДАРЕНСКАЯ «Аннушка».....	№2
Е. ПАЛУСОВА «Записка».....	№2
С. ВОЛОДИНА. Стихи.....	№9
Л. ЛИСЮТКИНА. Стихи.....	№10
С. РАТУШНЫЙ «Передача».....	№10
П. РУБЛЕВА «Кракозябра».....	№11
Д. ЧЕТВЕРКИНА «Шаг».....	№11

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

А ты сумеешь?

С. ПАШКОВА «Сумасшедший асфальтовый коток».....	№2
Е. САВЕНКО «Чусовая - драгоценное кольцо Урала».....	№3-4
Т. КРАФТ «Немного об автомобилях».....	№5
Е. ТАМПЛОН «Только вперед!».....	№6
А. АСАДУЛИН «Путь по Мрас-Су».....	№6
А. СЕРГЕЕВ «Мультиспорт, или Приключенческая гонка».....	№7
М. ЗНАЧКОВ «Конкурс? Конкурс!».....	№8

Записки очевидца

С. КУЛЕШОВА «Наша «Ходжа»».....	№ 2
Н. РУНДКВИСТ «Экспедиция «Сотый меридиан».....	№3

А. АСАДУЛИН «Сплавлялись мы по Вижаю...».....	№7
Е. ТАМПЛОН «Чемпионат России на приз «Супер-строга».....	№7

Экспедиции

С. КОНДРАШИН «Скала «Писаница». Первое погружение».....	№2
В. РЫКШИН «Дорога на «Плато Болванов».....	№3
Т. СУВОРОВА. «К пику «Уральского следопыта!».....	№9
В. ЗОТОВ. «Алек-2002».....	№9
А. ИВАНОВ, Т. КРАФТ. «Прорваться через болота!».....	№10
К. БЕКЕТОВ. «По лезвию Сабли».....	№10
А. НЕКРАСОВ «Ял-6: от Новосибирска до Волгограда».....	№11
Л. БУКРИН «Земля Николая II - Северная Земля».....	№11
Е. КОРБУТ «Полярный Урал-2002».....	№12

Профессия

Т. КРАФТ «Собаки из Джека Лондона».....	№8
---	----

Уральские тропы

Е. ТАМПЛОН «Бекленищевские скалы (Ревун)».....	№4
Е. ТАМПЛОН «Тальков Камень».....	№6
Е. ТАМПЛОН «Гора Азов».....	№8
Е. ТАМПЛОН. «Чертово городище».....	№9
Е. ТАМПЛОН. «Скалы Петра Гронского (Петрогром)».....	№10
Е. ТАМПЛОН «Смолинская пещера».....	№12

Человек в экстремале

П. СМОЛИН «Памирский дневник».....	№2-3
Е. ТАМПЛОН «Из Азии в Европу и обратно: зимний экстрим-2002 г.».....	№4
А. ПОНОМАРЕВ «Заходи - не бойся, выходи - не плачь».....	№ 5-6
А. БОРОДИН «Студенты всегда будут ходить в походы...».....	№6
Е. ТАМПЛОН «Урал-Трофи-2002 г.».....	№8
А. БОРОДИН «На водном мотоцикле и против течения - через порог Ревун!».....	№12

Наши увлечения

«Байкеры».....	№4
А. ПОЛЕЖАЕВ «Бушуй».....	№5-9
Т. КРАФТ «День камней».....	№11

Дети в походе

В. ПРИМЕРОВ. «Дети и горы».....	№9
---------------------------------	----

Невыдуманные истории

А. БАЙДАКОВ «Счастливой охоты!».....	№10
Ю. БЫЧКОВА «В память о человеке, который погиб, спасая мою жизнь».....	№12
А. БАЙДАКОВ «Два слова про...».....	№12

Семейный туризм

А. СЛЕПУХИН. «Конжак».....	№10
----------------------------	-----

Путешествия

Т. ЛЫХИНА, А. ЛЫХИН «Дети-путешественники».....	№6
---	----

Эх, отличились!

А. БАЙДАКОВ «Как мы сплавлялись по Сакмаре».....	№11
--	-----

Наши за рубежом

А. КАТКОВ «Не только у нас», «Лошадь на балконе».....	№11
---	-----

Конкурс

«Город моего детства - город моей мечты».....	№4
---	----

Фоторубрика Е. САВЕНКО

Уральская горная страна.....	№ 2-8, 10-12
------------------------------	--------------

В следующем номере: Трижды рожденный монастырь. Как возникают екатеринбургские тайны. Поход по высокогорной тундре.

ПОДПИСНОЙ КУПОН 2003

ДА! Я хочу подписаться на
«Уральский следопыт»

- Я подписываюсь на 3 номеров журнала и плачу **129 руб.**
 Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу **258 руб.**
 Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу **516 руб.**

Срок купона истекает 30 июня 2003 года. Цены действительны только по России.

ФИО _____
 Индекс _____ Область _____
 Город _____
 Улица _____ Дом _____
 Корпус _____ Квартира _____

линия отреза

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала

«Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет

ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775

наименование банка
 Корреспондентский счет счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

СООО «Трудовой коллектив редакции журнала

«Уральский следопыт»

Получатель платежа 40703810700010042749
 Расчетный счет

ОАО «Гранкомбанк», г. Екатеринбург БИК 046577775

наименование банка
 Корреспондентский счет счет № 30101810700000000775

Ф.И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Уральский следопыт» на..... номеров		

Плательщик

Кассир

КВИТАНЦИЯ
кассир

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. По индивидуальным заказам их архива редакции вы можете приобрести любой номер журнала «Уральский следопыт» за любой год.

Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк по приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, отдел подписки «Уральского следопыта».

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет **36 руб.**

**Модульная полноцветная
реклама в журнале**

1 полоса обложки модуль	50x90	25 000
4 полоса обложки модуль	50x90	17 000
в разделе "Хочешь двигаться – ищи попутчика"		
3 полоса обложки	260x200	12 000
Первый разворот	260x400	17 100
Разворот в центре	260x400	14 000
1 полоса	260x200	10 200
½ полосы	130x200;	6 100
	260x100	
¼ полосы	130x100;	4 000
	75x200	

Модульная черно-белая реклама

1 полоса	260x200	7 000
½ полосы	130x200;	4 200
	260x100	
¼ полосы	130x100;	2 500
	75x200	

Рекламная статья черно-белая

Разворот	260x400	15 000
1 полоса	260x200	7 700
½ полосы	130x200;	2 800
	260x100	

Спонсор рубрики

модуль 50x90 + колонтитул в рубрике. Цена - 10 000.

Материалы предоставляется до 10 числа.

Оплата производится до 15 числа.

Файлы принимаются на дискетах, CD, по E-mail в форматах *.tif (СМУК), *. Cdr (шрифты в кривых, цвета в СМУК).

Доработка файла + 10%.

Разработка макета – оплата индивидуальная, в зависимости от уровня требуемого заказчиком дизайна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Доступ в Интернет
предоставлен

**Директор редакции
Фирсов Максим**

Отдел истории и краеведения
Юний Горбунов

Отдел художественной литературы
Петр Родимов

Отдел «Встречный ветер»
Александр Челноков

Художественный редактор, верстка
Татьяна Суворова

Дизайн 2-3 полос обложки:
Андрей Бордаков

Рисунок на 1 полосе обложки:
Сергей Ивкин

Отдел по работе с письмами
Анна Родимова

Реклама:

ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01

Учредитель: Общественная организация
«Трудовой коллектив редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель: ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Наблюдательный совет:

Фирсов Максим Юрьевич

Спектор Семён Исаакович

Радько Виктор Васильевич

Савенко Евгений Викторович

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Кир Булычев

Николай Никонов

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Станислав Мешавкин

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 г. Министерством печати и массовой
информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы
и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. 22-36-62

Подписано к печати 2002 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать
офсетная. Тираж 4500. Заказ № 969
Отпечатано в типографии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 12-2002

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

ОТ СОБИ ДО ЩУЧЬЕГО ОЗЕРА

Водопад на ручье Гидрологов

Доступность этого района благодаря пересечению железной дорогой Уральского хребта в верховьях реки Сось делает его очень привлекательным для туристов. Южнее дороги можно пройти по хребту до самой высокой горы Полярного Урала - Пайер. Водораздельный хребет сложен в этой части интрузиями основных и ультраосновных горных пород, местами усложнен для доступа, но достаточно привлекателен. Рядом с железной дорогой параллельно реке Сось простирается довольно интересный со сложной орографией массив Рай-Из.

Наиболее же интересные горы с мощными ледниками, озерами и реками находятся севернее.

От станционного поселка Полярный вдоль долины реки Большая Пайпудына, по которой проходит автомобильная дорога, можно попасть в глубь горного массива, прорезанного великолепными долинами горных рек. Одна из них - река Немур, из маленького горного ручейка быстро превращающаяся в панорамную. Или Бол. Хадыта, вытекающая из одноименного озера и принимающая у своего истока ручей Гидрологов с красивейшим водопадом, верховья которого расположены рядом с г. Харнаурдыкев - базовой горой знаменитого ледника ИГАН.

Далее, долиной р. Воргашор можно пройти к озерам Малое и Большое Щучье. На выходе реки из озера Малое Щучье, в нее впадает ручей, вытекающий из высокогорного озера, расположенного у подножья ледника МГУ. Ледник, огромной массой сползающий в озеро, производит необыкновенное впечатление.

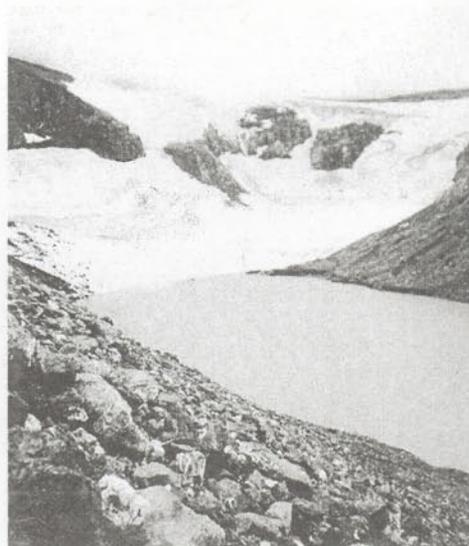
Хотя погода Полярного Урала достаточно сурова и непродолжительное лето приходит сюда в середине июня, температура в отдельные годы достигает тридцати градусов тепла, что с учетом круглосуточного полярного дня дает возможность для вполне приятного путешествия.

Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии «Уральская горная страна» в №3, 2001

Озеро Малое Щучье

Ледник МГУ

Хочешь двигаться — ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психоневрологический
госпиталь для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР
(3432) 22-04-81
